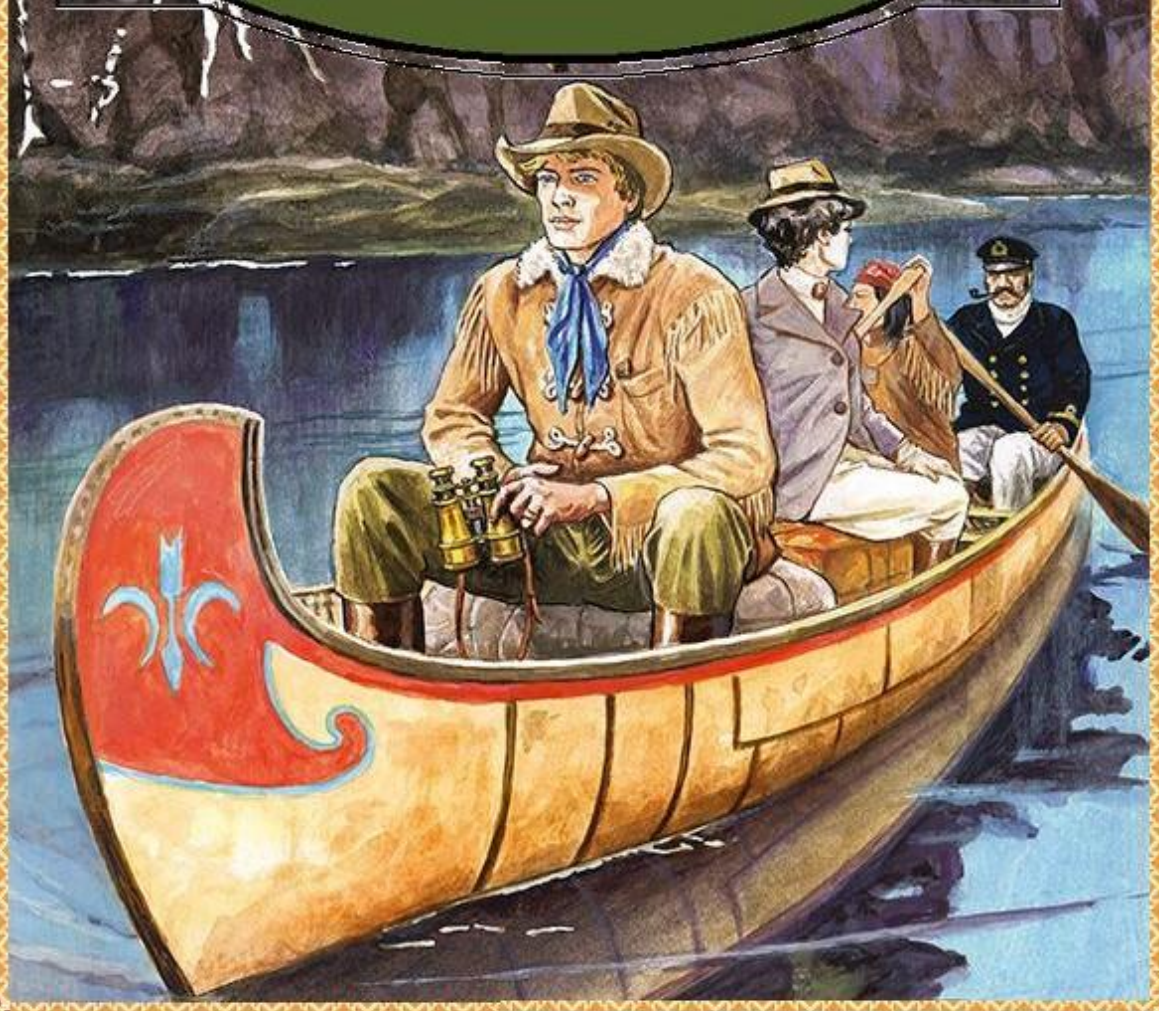
Alfred Szklarski

TOMEK NA ALASCE



Tomek na Alasce

Dziesiąty
tom z cyklu powieści
o przygodach
Tomka Wilmowskiego

Alfred Szklarski

TOMEK NA ALASCE

Współautor

Maciej J. Dudziak

Дизайн обложки: *Paweł Panczakiewicz/PANCZAKIEWICZ ART.DESIGN*

Иллюстрация на обложке :

MarekSzyszko

Иллюстрации: *Jacek Tofil* Redakcja:

Mariola Hajnus

Redakcja techniczna i skład wersji elektronicznej: *Robert Fritzkowski*

Korekta: *Dorota Marcinkowska/Słowne Babki, Bogusława Jędrasik*

© by MUZA SA, Warszawa 2021

ISBN 978-83-287-1590-5

Wydanie I

Warszawa 2021

Alfredowi Szklarskiemu
za etnograficzną inspirację,
Profesorowi Wojtkowi Burszcie
za antropologiczną czułość świata...

Prolog

Śmiertelna ucieczka

Уже на вторые сутки откуда-то со стороны массива Мак-Кинли [1] подул ветер с ледяными порывами. Он набирал силу, принося с собой первый снегопад, сначала небольшой, а затем все более и более сильный. В лишенных растительности верхних частях гор его мощь не сдерживала никакая естественная преграда, а внизу, в лесистой глуши долин, она была лишь шепотом - отражением бурь и ураганов, борющихся друг с другом где-то наверху..

Воздух медленно остановился. Температура резко понизилась, отрезав все окрестные ручьи, ручьи и реки слоем льда. День становился все короче и короче, он медленно уступал место все более настойчивой ночи. Бурый медведь [2] издавна прятался в земляных пещерах, каменных ямах и пещерах, чтобы впасть в зимнюю сонливость; всегда подвижные бобры куда-то исчезали, притаившись в тихих хатках; все реже и реже можно было увидеть величественно шагающего лося. То тут, то там мелькал волк, побеленный зимним мехом..

Зима держала жителей сурового, полярного царства в стуже мороза. Пора было ждать весеннего потепления. Люди, редко жившие в этой неприветливой стране, как бы опасаясь неизбежного здешнего одиночества, лишь по необходимости шли дальше известных им путей; даже животные держались своих стад.

Тем страннее, должно быть, казалась одинокая фигура, продвигающаяся по руслу замерзшего ручья, лениво протекавшего под толстым слоем льда. С первого взгляда можно было заметить, что таинственный мужчина был на последнем издыхании: с каждым шагом его движения становились все медленнее. Однако, несмотря на усталость, он не остановился. Все чаще и чаще спотыкаясь о неровности местности, он упорно продолжал идти.

Он только что миновал излучину ручья, который круто повернул направо и подошел к крутому берегу. Он остановился на мгновение, прислонившись спиной к склонившемуся стволу дерева. На мгновение он стянул кожаный капюшон, оставшись только в бобровой шапке. Луч бледного солнца упал на его изможденное лицо, покрытое бледной щетиной. Ему было не больше тридцати лет, но длинная изнурительная дорога оставила на нем свой отпечаток. Бледные обрывки щек над верхушкой щетины, синие пятна вокруг глаз.. – он смертельно устал. Время от времени, хрипя, как раненый зверь, он вырыгивал изо рта клубы белого пара. Кожаная куртка, застегнутая на груди, снова и снова поднималась в неровном темпе. Мужчина снова накрыл голову капюшоном. Он быстро убрал руку с кожаной перчатки, на мгновение засунув ее под теплую бобровую шапку - лоб покрылся горячим потом. Он вытер ее тыльной стороной ладони. Капельки, оставшиеся на густой шерсти, тут же превратились в крохотные комочки льда.

Он огляделся. Долина была покрыта снегом. Деревья - мрачные и загадочные - теперь походили на индейские тотемы. Они сидели под сугробом, который закрывал все более мелкие кустарники, извилины и неровности земли, оставляя видимым на поверхности лишь бескрайнее белое пространство.

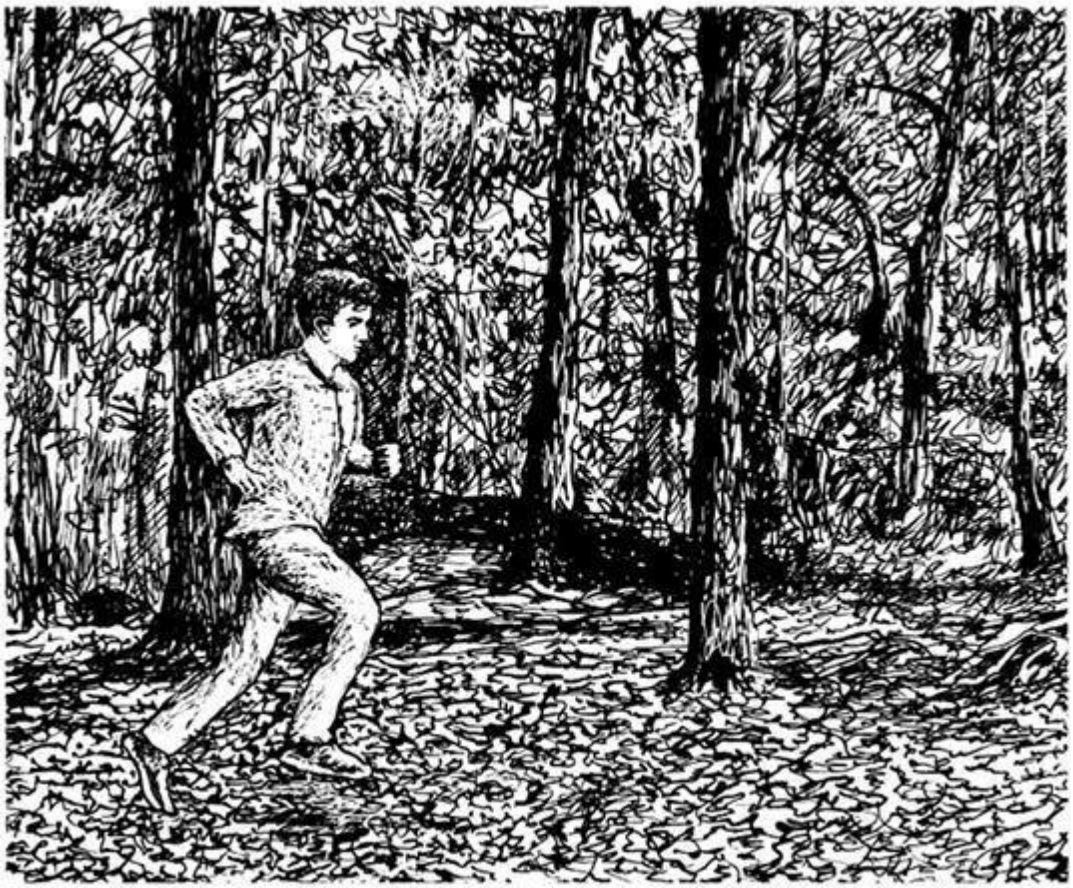
Мужчина повернул голову и с тревогой посмотрел на тропу, по которой неровно протоптали его собственные снегоступы [3]. Мгновение он смотрел на свои следы, исчезающие за изгибом скалы. Он прислушивался...

Было тихо. Но в воздухе витало какое-то странное беспокойство. Внезапно над его головой закачались ветви вековых деревьев, а где-то с вершин гор сильнее подул ветер. Он посмотрел вверх. Голубые облака тянулись прямо над верхушками деревьев. Надвигалась метель [4]. Еле заметная улыбка скользнула по худому лицу мужчины. «Если пойдет снег, я буду спасен! - он подумал. - Они не найдут никаких следов. Но теперь надо идти дальше! Да, надо идти, давай...»

Он снова начал двигаться. Тем временем небо было почти полностью закрыто нависшими облаками, и лишь где-то на западном краю горизонта виднелось чуть более яркое пятно. Наконец он упал; тяжелые, липкие хлопья, переносимые ветром, падали вокруг человека, все больше и больше уменьшая видимость. Но ему было все равно. Надежда на то, что он может наконец оторваться от погони, придавала ему новые силы. Он решил пройтись еще немного по замерзшему ручью, а затем остановиться на более продолжительный отдых, когда вокруг разверзся ад. Под натиском ветра, усиливавшегося с каждой секундой, трещали близлежащие деревья, падали ветки по долине, по которой шел человек. Снег забивал ему рот и глаза, а снегоступы все больше не находили опоры в мягком свежем снегу. Мышцы, которые немного отдохнули во время

короткой остановки, теперь определенно не слушались. Внезапно он почувствовал сильную судорогу в правой ноге. Он закричал от боли. И в тот же момент древний великан с глухим стуком рухнул прямо за ним. Упавшая широкая ветка дерева с большой силой зацепилась за куртку, разорвав ее почти по всей длине. Придавленный ударом, путешественник упал лицом в снег..

Буря продолжала бушевать. Через дюжину или около того секунд снег почти полностью покрыл его уставшее тело. С большим трудом человек поднялся и почти нащупал путь к краю маячащего перед ним ручья. Теперь каждый шаг был для него болезненным. Но он знал, что нельзя останавливаться ни на мгновение. Еще несколько шагов и еще несколько... упрямо повторял он в уме.



Внезапно он почувствовал, что теряет землю под ногами, и рухнул по колено в ледяную воду. В одно мгновение он понял,что случилось: лед треснул, и в этом одном месте он был так тонок, что не смог выдержать его веса.

Вокруг было совершенно темно. Ураган своей силой чуть не ослепил его глаза. В голове мелькнуло, что это конец, когда в сапоги хлынула ледяная вода. Он слепо раскинул руки в поисках какой-нибудь точки крепления. Раз и два без эффекта. Он попытался снова. Его руки сжались на том, что могло быть выступающим корнем дерева, попытался подтянуться. С большим трудом, сантиметр за сантиметром, ползая по тонкому льду, он выбрался из проруби. Еще несколько сантиметров, еще полметра, еще метр... Кровяное давление с пронзительным визгом затыкало мне уши, а сердце колотилось так, словно хотело выпрыгнуть из воспаленной груди. Он чувствовал, что если он не остановится прямо сейчас, все будет кончено. Но он продолжал.

В какой-то момент он почувствовал, что ветер уже не так сильно дует, и что снег уже не покрывает его белыми буграми. С большим усилием, лежа все время на спине, он приподнял голову; над собой он заметил выступ скалы, который образовывал вестибюль какого-то более крупного туннеля в этом месте. Глядя вперед, он мог разглядеть темное отверстие. "Пещера...?" Это промелькнуло в его сознании. Надежда на спасение немного придала ему новую силу; Он встал на колени и, как ребенок, на четвереньках прополз в нишу в скале.

Для него становилось все холоднее. Он сел, прислонившись спиной к грубой стене своего неожиданного убежища, немного отдохнул. Зная, что нельзя спать в промокшей обуви, иначе грозит обморожение. Он должен согреть ноги и высушить одежду. Дыша все ровнее и ровнее, он попытался оглядеть пещеру, но сумел разглядеть лишь темные очертания противоположной стены. Внезапно он вспомнил о маленькой коробочке, застрявшей во внутреннем кармане его куртки.. Дрожащими от холода пальцами, он

быстро вытащил их и разжал: дюжина спичек и немного трута для разжигания костра лежали рядом друг с другом, плотно завернутые в непромокаемую ткань. Он улыбнулся во второй раз. Сокращения мышц лица были болезненны. Он понял, что замерзает. С трудом, он чиркнул спичкой. Немного света позволило ему увидеть корни деревьев, торчащие над его головой.

Недолго думая, он потянулся к себе. К счастью, нож был на месте. Обрезанные, уже одревесневшие корни дерева быстро сложили в небольшую кучу. Вскоре насаженный на него трут вспыхнул бледным пламенем, которое вскоре охватило кучу. Хорошо просушенные корни сгорали почти без дыма.

Мужчина снял обувь и поставил ее возле костра. Уставший, он занялся подготовкой логова. Он сделал подстилку из мха на валунах пещеры и выдолбленных мягких частях дерева - это обеспечивало временную, но достаточную изоляцию от холода. Он лег и накрылся теплой курткой

Только теперь он мог более внимательно рассмотреть свое укрытие. Пещера была Г-образной; одна рука была вытянута наружу, а другая заканчивалась в тупике, защищенном от ветра, где горел его маленький огонь. Пещера была невысокой, но позволяла свободно передвигаться взрослому человеку. Правильно очерченные формы стен указывали на его периодическое затопление, что неудивительно из-за близости ручья, который ранней весной, питаясь огромным количеством тающего снега, вероятно, превращался в бурную реку.

После непродолжительного осмотра места мужчина начал анализировать ситуацию. Он спасся от метели и мороза, но положение его было совсем не веселым. Нет карты, нет оружия и находится посреди суровой северной зимы - будущее было не очень оптимистичным. Но худшее

было позади. Он знал, что если ему повезет, он наконец доберется до какой-нибудь индейской деревни или встретит белого охотника. Однако сначала ему нужно было уйти от погони, которая, вероятно, преследовала его по пятам.

Он прокручивал в уме недавние события. Он ясно помнил то морозное, ясное утро двухдневной давности, когда он проснулся от крепкого и освежающего сна. На улице только светало. Он быстро оделся, застегнул на бедрах пояс с охотничьим ножом и выскочил перед большой избой из деревянных бревен. Он окунул руки в первый мокрый снег этой зимой и освежил лицо. Тотчас же пролетел остаток сна. Он огляделся, вдыхая свежий северный воздух. Он решил взобраться на ближайший холм, над геологической базой, заложенной здесь поздней весной. База состояла из двух больших жилых домов, сруба [5] и одного поменьше, служившего складом. В нем жили всего пять человек: проводник, обеспечивавший его обитателей свежим мясом, и четверо ученых, проводивших исследования по заказу Американского геологического института[6]

Джек Нильсен — так звали героя того кровавого побега — молодой геолог был приглашен принять участие в геологической экспедиции в районе массива Мак-Кинли на Аляске. Он считал это отличием, тем более что получил приглашение от самого Альфреда Брукса [7], известнейшего исследователя Аляски, организовавшего циклические научные исследования в этом регионе с целью более полного знакомства с этой девственной местностью.

Взбираясь на редко заснеженную вершину холма, молодой геолог думал о том большом счастье, которое пережил он и его коллеги по экспедиции за прошедшее, очень насыщенное лето. Собирая образцы горных пород, им удалось обнаружить значительные месторождения никеля, олова и меди. Однако их величайшим открытием

стали богатые залежи золота, залегающие в глубоких слоях горных пород. Хотя это золото можно было выщелачивать только с помощью специального горнодобывающего оборудования, горнорудная компания, на которую они работали, была достаточно богатой, чтобы позволить себе такие инвестиции. Это был настоящий успех экспедиции, в которую он, как совсем молодой исследователь, внес большой личный вклад.

Американский
белоголовый орлан
(*Haliaeetus leucocephalus*)

Джек улыбнулся про себя. Фактически, их миссия завершена, и работа выполнена; ведь у них были составлены все необходимые карты и планы. Однако из-за приближающейся зимы решили переждать на базе самые хмурые месяцы.

Дни, перемежаемые короткими выездами за пределы базы и частыми разговорами, текли мирно. Большие снежные тучи все чаще и чаще клубились вокруг смутно различимого теперь Мак-Кинли. Джек остановился на небольшом холме, его взгляд остановился на небольшой долине с расположенным в центре водосточным озером.

„Долина без названия...” подумал он. И хотя ему нравилась его работа, иногда напоминавшая ему об экспедициях бывших путешественников и землепроходцев, работа, полная жертв, усилий и одиночества — ведь до ближайшего человеческого поселения было несколько сотен километров, — именно это одиночество тяготило его больше и больше... Только теперь, когда дни, до сих пор полные обязанностей, стали пустыми от скуки, он начал понимать это.

Он вспомнил, как несколько недель назад, как раз перед первыми морозами, на базу постучал одинокий траппер. Их не удивили эти визиты. Ловцы время от времени заходили поболтать или попить горячего чая. Они пришли и ушли. Однако этот отличался от тех, кто останавливался здесь до него. Во-первых, у него не было бороды, что было совершенно неслыханно для профессионально охотящихся людей. Борода очень эффективно защищала все лицо от мороза, а еще была удобной, потому что не приходилось регулярно бриться. А охотники обычно не уделяли особого внимания ежедневной гигиене. Тем удивительнее был внешний вид этого человека - приятный и опрятный. Это был темноволосый, высокий, не очень мускулистый мужчина. Он представился как Джо Блэк. Поведение новичка тоже было необычным. Обычно охотники, простые люди, не задавали слишком много вопросов. Наоборот, Блэк задавал их много. Говорил он довольно бегло, но обладал довольно странным и странным акцентом, который поначалу привлекал внимание аудитории.

Больше всего его интересовала работа геологической группы. Тогда это не казалось странным. На базе жили четверо молодых специалистов. Только старший из них, Бен, их проводник и поставщик свежего мяса, мог заметить что-то тревожное в поведении Блэка. Однако незадолго до прибытия гостя Бен отправился на охоту на несколько дней. "Последний раз перед зимой!" - бросил он на выходе, сплюнув на жеваный мутный табак

Поэтому любознательность вошедшего не вызвала никаких подозрений ни у кого из присутствующих. После дня отдыха, несмотря на надвигающуюся пургу, первую за эту зиму, Блэк объявил, что должен идти. Его пытались остановить, но он наотрез отказался, не объясняя причин. Они только пожали плечами - его дело. И Блэк ушел. Жизнь в геологической базе вернулась к своему обычному ритму.

*

Внезапно над долиной раздались ружейные выстрелы, множащиеся эхом. Вырвавшись из задумчивости, Джек посмотрел на здания базы, залитые ночным снегом. Около дюжины фигур отделились от опушки леса. На бегу стреляли в окна и стены блокгаузов. Внезапно входная дверь в одной из хижин неожиданно открылась. Ему удалось разглядеть изумленного Нила Гилла, управляющего базой, который от выстрела в упор тяжело упал в снег. Во второй корпус, где жили остальные участники экспедиции, вбежало несколько других фигур — они погибли, вероятно, не понимая, что произошло.

Джек стоял на холме и с ужасом наблюдал за трагическими событиями. Парализованный страхом, он был не в состоянии ни на малейшее усилие. Он хотел бежать, но ноги отказывались его слушаться. Перед самой большой хижиной высокий бандит быстро стал отдавать

приказы. Кожаный капюшон, закрывавший голову вождя, скользнул по спине мужчины, открывая лицо. Джек побледнел. Это был Блэк, таинственный незнакомец.

Теперь все начало становиться на свои места. Тем временем внизу группа бандитов разделилась на несколько более мелких, которые быстро принялись прочесывать окрестные холмы, ямы и излучины. Молодой геолог осознавал нависшую над ним опасность. Он понял, что бандиты ищут его. Инстинкт сработал. Джек повернулся и быстро побежал вниз по склону. Он убегал вслепую, прочь от места преступления, которого избежал только по счастливой случайности. У него не было плана - только дальше, только вперед. Он знал, что банда в конце концов найдет его и последует за ним. Он ускорил шаг. Страх придавал ему сил. Он знал, что если они догонят его, у него не будет шансов в бою, потому что его единственным оружием был нож. Целый день рокового побега начался.

Иногда он останавливался, чтобы прислушаться, ему казалось, что погоня уже близко позади него, за дуновением, излучиной ручья. У него не было сил думать... Сначала он побежал вниз по склону. Затем он повернул к ручью, который вытекал из озера. Он последовал вдоль течения, и это привело его к безопасному убежищу в скальном гроте.

Он вспоминал все это засыпая и в полусне, лежа у догорающего крошечного костра. Ему стало теплее. Хотя он выжил, он знал, что банда возобновит преследование, как только метель уляжется..

Дело было ясным: Блэк прибыл на базу геологического шпионажа как главарь банды. Вероятно, он хотел знать, сколько людей проживает там постоянно, чем они вооружены, а главное — в этом у Джека не было сомнений — обнаружено ли и где золото. Да... он это помнит — о, как они были наивны! - сказали ему, что нашли богатые

залежи, спрятанные внутри скал. Депозиты стоят целое состояние. Блэк не проявил особого интереса к этой информации и быстро перевел разговор на другую тему. Через несколько часов он попрощался с геологами, справедливо убежденный, что это всего лишь наивные ученые, которые не окажут ни малейшего сопротивления в случае необходимости. Значит, все дело в золоте! «Ловко задумано», — признал теперь Джек. Зимой весь экипаж станции погибает при загадочных обстоятельствах, прежде чем отправится новая экспедиция, прежде чем проверят, что случилось с ее участниками, может пройти много, даже очень много времени. На Аляске до сих пор умирают люди, их тела так и не нашли.
— Да, — повторил он. «Очень умно и жестоко...» Вскоре он снова заснул.

В ту ночь ему приснился дом его семьи в далеком Чикаго. Он лежал в мягкой постели, застеленной ароматными простынями. Он чувствовал близость к другому человеку. Он знал, что это была Мэри, его молодая жена. Он медленно открыл глаза и посмотрел на ее фигуру. Мягкие и теплые простыни укрыли ее тело. Он хотел прошептать: "Мария...", но с губ его сорвалось другое слово, породившее страх, который с каждым мгновением крепчал. Ибо рот его шептал: «Блэк, Блэк...». Фигура, стоявшая к нему спиной, внезапно обернулась. К ужасу Джека, лицо его жены было отражением Блэка, убийцы его друзей. Он сразу заметил, что лежит уже не в теплой белой постели, а в холодном снегу. Он не мог двигаться. Он хотел закричать, но голос застрял у него в горле. Блэк склонился над ним, скривив лицо в жестокой улыбке: «Я тебя достану...» — прошептал он. Джек вскочил на ноги, закричав. Но какая-то сила бросила его на землю. Он почувствовал сильную боль. Он закричал во второй раз. Он проснулся.

Он глубоко вздохнул еще несколько мгновений, вспоминая кошмар. Когда он совсем успокоился, то подполз ко входу в пещеру. Снаружи было серо. Ветер стих, снег еще сыпался мелкими хлопьями. Единственным свидетельством вчерашней бури были торчащие над снегом обрубки сломанных ветвей. Наступил еще один морозный день.

Джек быстро натянул кожаные сапоги на ноги, натянул сильно помятую куртку и выполз из пещеры. Он прикрепил ранее брошенные снегоступы прямо у входа и начал свой путь. Ночной сон, несмотря на все более и более тяготивший его голод, немного восполнил его силы. Время от времени, чтобы освежить тело, он клал в рот комки замороженного снега. Замерзшее русло ручья продолжало очерчивать его путь. Он знал, что в конце концов поток, по которому он шел, должен был слиться с какой-то более крупной струей воды. Индейцы часто разбивали лагеря в подобных местах, и теперь они были его единственной надеждой.

Прошли часы тяжелого пути. В какой-то момент ему показалось, что краем глаза он видит прячущиеся за деревьями фигуры. Он ускорил шаг, даже начал медленно бежать. Ему казалось, что эти таинственные лица движутся вместе с ним. Одно-единственное ужасное подозрение проникло в его мысли. Банда Блэка окружила его, и теперь они, вероятно, знают, что ему это не сойдет с рук, поэтому позволили ему сбежать. Все его побеги, все эти сверхчеловеческие усилия, думал он, были напрасны.

Однако, даже перед лицом полного поражения, Джек решил не продавать жизнь дешево. Он знал, что если его схватит банда, то он должен умереть, ведь он был единственным свидетелем событий последних дней. Поэтому он ни на мгновение не замедлил шаг и начал взбираться по склону долины, который в этом месте был

более пологим. Краем глаза он заметил, что погоня движется совсем рядом с ним. Кровь пульсировала в его жилах все быстрее и быстрее. Вчерашняя усталость вернулась с удвоенной силой. Он думал, что все кончено, что если люди Блэка не прикончат его, его убьет сердечный приступ. Он уже слышал позади себя отдельные слова и крики, он знал, что банда идет прямо за ним.

Потом он споткнулся о торчащую из-под снега ветку, потерял равновесие и упал на бок, подбросив фонтан снега. Он по инерции начал скатываться вниз по склону. Он перестал что-либо чувствовать. Все, что он знал, это то, что он все еще падает и падает. Ему казалось, что он падает в какую-то великую бездну, что это продолжается бесконечное количество времени. В голове мелькали разные образы: жена, семейный дом, время учебы...

Наконец он почувствовал, что уже не летит, а лежит, небрежно брошенный в глубокий снег. Розовые лепестки закружились перед его глазами. С его угасающим сознанием ему удалось увидеть круг лиц, смыкающийся над ним. Они смотрели на него спокойно, без ненависти. Он попытался дотянуться до ножа, но его окутала тьма. Он потерял сознание.

Rozdział I

U wrót Alaski

Была середина апреля. Кораблик бесшумно скользил по спокойным водам океана, разрезая темные глубины металлическим носом. В лучах заходящего солнца жемчужные кристаллы льда сверкали, когда крошечные льдины снова и снова слегка постукивали о борта. Однако курсу это не мешало. Паровая машина упорно толкала корабль на север

Уже смеркалось, когда на верхнюю палубу поднялся молодой человек — ему было не больше двадцати с небольшим лет. Его лицо было загорелым, лоб был высоким и благородно очерченным, а голубые глаза блестели серьезностью и рассудительностью. Он был похож на человека, который многое пережил в своей жизни, побывал в самых разных трудных ситуациях и, благодаря благоразумию, всегда выходил из них с твердой рукой. Его движения были плавными и экономичными одновременно. Он излучал спокойствие.

На нем была практичная одежда – теплая кожаная куртка до пояса и темные штаны. Все дело завершала широкая войлочная шляпа, из-под которой мягко выбивались пряди светлых волос.

Молодой человек остановился у металлических перил на краю палубы и огляделся. И было чем полюбоваться.

Корабль, находившийся в водах Тихого океана, который в этом месте вливался через бесчисленные каналы и проливы в различные фьорды, теперь путешествовал по квазикоридору, защищенному с запада сетью скалистых и покрытых густым лесом островков, а с на восток западным берегом Североамериканского континента. Это было так, как если бы плавание проходило по внутреннему каналу [8]. Эта иллюзия была тем сильнее, что густо заросшие лесом куски близлежащей земли сбегали к океану вечнозеленым лесом, где еще не ступала нога белого человека. Оттуда по воде снова и снова доносился птичий визг и доносился головокружительный запах смолистых деревьев.

Томек Вильмовски, так звали того юношу, как раз вдыхал прохладный северный воздух, наслаждаясь первозданными видами, когда позади него раздался высокий женский голос.:

– Томми, Томми! Я искала тебя повсюду, негодяй! Я вижу, дорогой, что ты устал от моего общества и от нашего дорогого капитана и решил спрятаться в самом дальнем углу этого корабля, — сказала Салли, притворяясь, рассерженной.

– О дорогая. - Томек прижал к себе жену. -Только вышел подышать свежим северным воздухом, и вот! . Но знаешь, милая, что первозданная природа действует на меня всегда одним и тем же волшебным образом. В любом случае, посмотри сама.

Солнце, едва различимое на горизонте, оставалось лишь слабым отражением его дневного великолепия. Деревья близлежащей земли и островки, все более окутанные сгущающейся тьмой, больше походили на древние религиозные места, чем на творения природы. Темные сучья и огромные стволы лесных великанов, густо

усыпанные иголками, напоминали огромных мохнатых чудовищ, о которых часто говорили у индейских костров. Таинственный и временами ужасающий пейзаж дополнялся звуками, исходящими из глоток невидимых обитателей этого девственного леса.

Салли глубоко вздохнула, подойдя ближе к мужу. Устроившись в его объятиях, она тихо прошептала:

– Ты прав, Томми, здесь очень красиво, но немного, ну, ужасно. Темнота вокруг деревьев и островов мне что-то напоминает, брр! До сих пор мне снится интерьер гробницы фараона, в которой я была заперта. [9].

Услышав эти слова, Томек тихо рассмеялся

– Видишь ли, дорогая, мы провели слишком много времени в благоустроенных английских городках, когда дочь австралийского первопроходца начинает бояться девственного леса. Ха! - ответил он, забавляясь страхом жены. «Ты , Салли, видишь опасность там, где ее нет».

Женщина, видимо, тронутая словами мужа, который с ранней юности был для нее образцом путешественника и мужчины, быстро овладела своими эмоциями и сказала::

– Знаешь, Томми, я не боюсь ни призраков, ни чар!

– — Конечно, моя дорогая, — успокаивающе сказал Том. «Я просто хотел сказать, что мы, должно быть, провели слишком много времени в лекционных залах и гостиных. Место путешественника в пути.

– Золотые слова, дорогой мальчик! Рядом раздался знакомый громовой голос.

Они оба повернули головы. Капитан Новицкий поднимался по металлическим ступеням, ведущим на нос корабля. Хотя уже несколько лет Томек и капитан были вместе на ты, старый матрос по-прежнему относился к

юноше как к своему подопечному, а в какой-то степени и к сыну и брату..

Святые слова, Томек. А то меня потянуло на путешествия - у них уже стоял Новицкий. - Я всегда говорю, что для моряка нет ничего хуже, чем стоять на якоре в порту, а путешественник и моряк - почти одно и то же. - Ну, о чем этот разговор? - спросил он - Я признаю, что эта лодка - удобная гостиница. Регулярное и обильное питание, покой, человек может вздремнуть по желанию...

– Минуту назад, Тадек, ты жаловался на то, как ты себя чувствуешь из-за отсутствия движения, а теперь хвалишь это скучное спокойствие. - пошутил Том над непостоянством своего друга. - Эх, стареете вы, капитан, стареете..

– До ста тысяч бутылок несвежего ямайского рома! Ты прав, братишка! — воскликнул Новицкий и нахмурился. - Ха! Вы видите, что я провел слишком много времени взаперти, как соленая треска в бочке, в тихой гавани , - сказал он с притворным гневом. - Ну давай же! Но довольно этой жалости. О чем вы, ребята, ворковали?

– Томми был просто в восторге от красоты тропы, по которой мы направляемся на север, а

– ...а Салли увидела в ближайшем лесу вместо деревьев мохнатых монстров, - перебил ее Том с чуть насмешливой улыбкой.

– Я вижу, милый, что ты становишься не только злым, но и непослушным, - надулась Салли и посмотрела на мужа из-под чуть приподнятых бровей. - Что касается меня, - спокойно продолжила она прерванную нить, - я заметила не только красоту этого места, но и его девственную природу. Верно, дорогой?

– Но, конечно, моя милая, ответил Томек с едва заметной ноткой восхищения в голосе, ибо жена всегда

поражала его своей осторожностью и умением выйти из любой ситуации.

– Да ладно, перестаньте себя пугать, как двух старых индюков, — перебил матрос и, обратившись к женщине, похвалил: — Браво! Ты красиво выразилась, Салли. Ты прав, и ты тоже, Томек, что ты был очарован необычайным очарованием этого места. Действительно, маршрут, по которому мы плывем на Аляску, рассматривается многими мореплавателями и путешественниками, особенно толпами золотоискателей, путешествовавших сюда тысячи лет назад [10], как самый красивый морской путь в мире. [11].

– Ты был здесь раньше, Тадек? — с любопытством спросила Салли

– А как же! Подтвердил капитан. - Мы как раз плыли на какой-то старой посудине с грузом муки. И я говорю вам, он понизил голос -у нас душа ушла в пятки: с каждой стороны тонны льда прижимались к нашей скорлупке так сильно, что временами нам казалось, что посудина рассыплется на мелкие кусочки.

Я припоминаю, сказал Том. - Ты уже говорил мне об этом. Это было в период золотой лихорадки?

– В самом ее разгаре, братишка! Я хорошо помню, потому что красота этой тропы была единственным, что подсластило меня на этом маршруте. Ты знаешь, Томек, что я не боюсь, но даю тебе слово, что тогда я так смотрел на лед, что сказал себе, что давно-долго не хочу его больше видеть. Ха! Видно, что период разрыва с этой заполярной лавкой мороженого только проходит... - Последние слова прозвучали немного как признание, сделанное то ли себе, то ли друзьям.

– Вы, Тадек и Томми, всегда будете меня чем-то удивлять. Салли была поражена. — Никогда бы не подумала, что ты тоже мог бывать здесь.

– Не из одной печи хлеб ел в жизни – - с гордостью признался Новицкий. - Уже такая моя непокорная душа, что я всегда гребу туда, где говорят: не лезь! Но, но... - продолжал капитан, - мы уже третий день греемся на этой посудине, как свиные отбивные.в капусте на сковороде, а я еще не побывал на капитанском мостике. Кстати, стоит воспользоваться приглашением капитана. Я еще не говорил вам, но как только мы зарегистрировались на борту, я пронюхал старого ирландца, который здесь главный. наете... - он загадочно улыбнулся и прищурился. – Свой своего, сразу...

Новицкий призывно махнул рукой и пошел дальше. Хотя Том и Салли не вполне поняли, что означало это загадочное подмигивание, они, движимые любопытством, последовали за своим другом, уже взобравшимся по металлическим ступенькам на капитанский мостик.

Темнота вокруг корабля быстро сгустилась, принеся с собой волны холодного воздуха. Видимость резко упала, и слегка волнистый океан превратился в тихое пространство, временами напоминающее спокойное озеро. Лишь тусклый свет луны иногда освещал из-за туч темные водные глубины..

Трое друзей, глухо стуча сапогами по узкой лестнице подъезда, очутились перед дверью маленькой комнаты капитанского мостика. Воздух, пропитанный влажным ароматом океана, смешивался здесь с резким запахом свежей краски. В диспетчерской был слабый свет. Капитан Новицкий громко постучал в дверь. Через некоторое время в них стоял худощавый молодой человек в офицерской форме. Мгновение он смотрел на нежданных гостей, пытаясь вспомнить их лица. Наконец он широко ухмыльнулся.

– Аа, пан, сэр Новицкий.

Помощник открыл дверь и жестом пригласил гостей.

– Капитан МакГрегор предупредил меня, что вы можете прийти к нам в гости. К сожалению... - начал он с явным смущением. — Как я мог сказать... капитан был болен. - И видя вопрошающих взгляды, он быстро добавил: «Ничего серьезного, к рассвету он обязательно восстановит свои силы.

Последние слова молодой помощник произнес с двусмысленной улыбкой на губах. Новицкий, который первым понял "немощь" капитана Макгрегора, нарушил неловкое молчание громким смехом:

– А это старый кит! Пусть меня бьют пули, если наш добрый Дик не отдыхает сейчас в блаженных объятиях доброй Ямайки. Не так ли, мальчик? Он повернулся к молодому офицеру и, увидев утвердительное выражение его лица, засмеялся еще громче. - А это старый пьяница! Ничего и ничего не изменилось, для него всегда были важны две вещи: полное море и полная бутылка рома!

– Так ты, Тадек, уже знал капитана Макгрегора? - в очередной раз за этот вечер недоверчиво спросила Салли..

– Конечно, синичка! - загремел матрос. - Мы со старым Диком переплыли полмира. Я же говорил вам минуту назад, что своего он всегда узнает..

Только теперь молодые поняли, что имел в виду Новицкий, когда говорил о первой встрече с капитаном корабля..

– Ну, ничего. - Новицкий потер глаза. - Мы не будем мешать старому Дику блаженно отдыхать. Но вы, - обратился он к офицеру, - не откажете ли нам в некоторых сведениях о нашем нынешнем убежище?

– Конечно, сэр! Мужчина услужливо произнес.-«Наш корабль «Святая Мария» имеет семьдесят четыре метра в длину и пятнадцать в ширину. Он состоит из двух палуб, предназначенных для перевозки пассажиров, и грузового

отсека. Saint Mary может одновременно взять на борт около трехсот пассажиров. Маршрут, по которому мы сейчас идём... — Он оборвался на полуслове, потому что где-то в носовой части корабля раздался пронзительный вопль впередсмотрящего. Офицер удивленным взглядом окинул своих друзей, столь же заинтригованных, как и он сам, а затем прыгнул на палубу.

– Что там могло произойти? - недоумевал Том и, увидев, что Салли пожала плечами, устремил вопросительный взгляд на капитана Новицки..

– Может быть, старина Макгрегор пытается протрезветь в водах Тихого океана? Моряк шуткой пытался прогнать тревогу.

– Я думаю, что это что-то более серьезное. - Томек смотрел на бледно освещенную нижнюю палубу корабля. - Посмотрите, что там происходит.!

В самом деле, на нижней палубе должно было произойти что-то необыкновенное, ибо выманенные из кают пассажиры с громкими криками бегали, то тут, то там спотыкаясь о брошенные тут и там в спешке подручные пакеты, сумки и чемоданы.

Первой заговорила Салли.:

– Думаю, нам следует... - не договорила она, потому что на капитанский мостик ворвался, как буря, офицер..

Лицо его горело, глаза были испуганными, а на висках вздулись синие вены. Казалось, он был напуган до смерти чем-то. На лбу выступили блестящие капли пота.

Капитан Новицкий некоторое время всматривался в первого помощника. Затем был задан быстрый вопрос :

– Что случилось? – Он смерил офицера суровым взглядом..

Тот лишь впился в него ничего не выражающим взглядом и через мгновение безвольно опустился на землю.

– Что случилось?! — резко повторил капитан, одновременно схватив матроса железной хваткой..

Наконец, очевидно, от боли, которую, должно быть, причинили ему медвежьи объятия Новицкого, офицер пробормотал:

-Мы плывем прямо на айсберг, ничто не спасет нас от столкновения, мы все умрем! - После последних слов он чуть не зарыдал..

В дверях появились два матроса в темных мундирах. Томек посмотрел на их лица-они не выдавали признаков ужаса. Нужно было действовать быстро. На поиски остальных офицеров нельзя было терять ни минуты

– Тадек, прими командование - сказал он..

Новицкий, не говоря ни слова, серьезно кивнул. Спокойно и деловито обратился он к прибывшим морякам:

– Как далеко от горы мы находимся?

– Меньше полумили, сэр! -они ответили. Судя по всему, они признали капитана Новицкого своим нынешним командиром..

– Господа! Ваша задача-как можно быстрее предотвратить панику на борту. В крайнем случае, - капитан понизил голос – - вы можете использовать оружие.

Матросы кивнули и без лишних слов вышли выполнять задание. Через несколько мгновений раздались возвышающиеся над шумом их возгласы, и вскоре стало тише.

– Ты, Том, поднимись на верх и дай мне знать, как дела у нашего куска льда, а ты, Салли, попробуй осветить чем сможешь переднюю часть корабля!

Женщина кивнула, и когда она собралась уходить, откуда-то из угла комнаты заговорил помощник.:

– Я пойду с вами и помогу! - Его голос еще выдавал признаки страха, но уже не дрожал.

Салли испытующе посмотрела на мужчину и посмотрела на своего мужа. Том молча кивнул. Ушли без лишних слов.

Новицкий вытер платком лоб. В мыслях он быстро анализировал факты: они плыли точно прямо перед айсбергом. С момента обнаружения опасности до этого момента прошла всего минута, может быть, две.

– Тадек! Голос Тома доносился откуда-то сверху. - Тадек, я его вижу, он огромный. Мы примерно в двухстах пятидесяти-трехстах метрах. Плывите левее! Левее!

– Я понял! — крикнул Новицкий в ответ и быстро облизал пересохшие губы языком. Он решился. Почти мгновенно он повернул руль в левом направлении.

Корабль, хотя и не слишком большой для судна, способного плавать в открытом море, сопротивлялся. Металлические листы, дощечки, шпингалеты и болты, направленные влево с силой руля стали громко скрипеть и странно царапаться. Однако он не сдвинулся ни на сантиметр и продолжал следовать по намеченному ранее маршруту. Увидев ситуацию, Новицкий яростно выругался себе под нос, но не сдался. Он прижался всем телом к штурвалу, пока его деревянные шесты предостерегающе не заскрипели. В этот момент в дверях кабины появился Том. Старый матрос устало посмотрел на него. Том только протянул руку перед собой.

– Смотри

Капитан посмотрел в указанном направлении. Нос корабля светился свободными факелами и керосиновыми лампами. Это Салли и лейтенант Дуглас пытались хоть немного рассеять темноту северной ночи..

– Будь я проклят!.. - тихо прошептал Новицкий..

Их глаза увидели огромный белый массивный кусок льда с неровными краями. Айсберг превосходил по размерам корабль на добрых несколько метров, также был значительно шире его. До столкновения оставалось еще несколько десятков метров, а «Сент-Мэри» по-прежнему упорно плыл ранее намеченным курсом. Новицкий понимал, что при такой массе корабля маневренности у него мало, но... Капитан дернулся, так как корабль вдруг сделал небольшое движение влево.

Томек и Новицки с надеждой переглянулись. Еще мгновение... Да! Сомнений не было - «Святая Мария» повернула.

Вдруг откуда-то из носовой раздался полный ужаса девичий крик. Томек и Новицкий, не говоря ни слова, выбежали с капитанского мостика на испещренные ледяными глыбами палубные доски. Сделав дюжину шагов они оказались в том месте, где еще несколько мгновений назад видели Салли и лейтенанта Дугласа. К ужасу Тома, перевалившись через борт, стоял только последний. Не было никаких признаков Салли

– Что случилось?! - рявкнул на лейтенанта обычно сдержанный Новицкий.

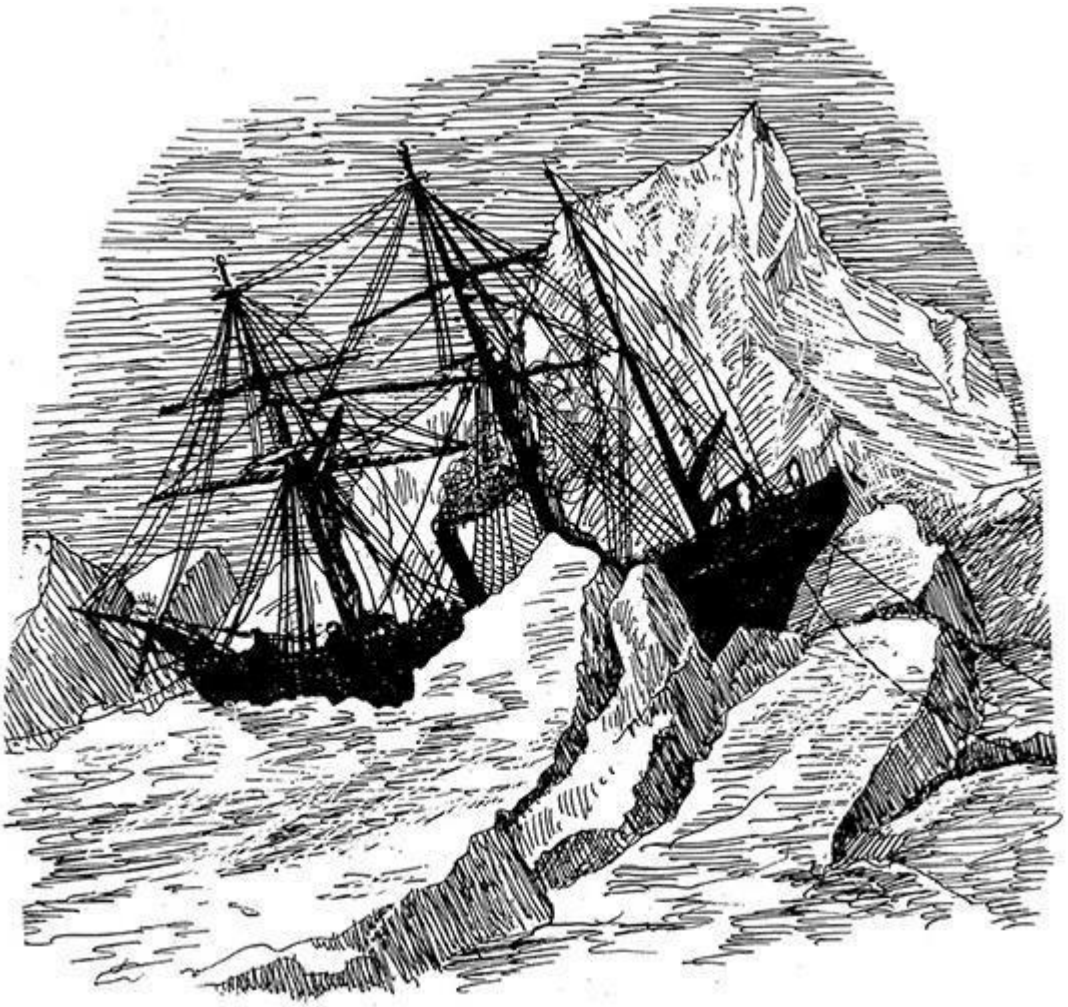
Дуглас, чьи зрачки были расширены до размера пятидолларовой банкноты, молча махнул рукой в сторону. В мгновение ока Новицки и Томек осознали ситуацию: Салли перегнулась через борт, потеряла равновесие и выпала из корабля. К счастью, ее довольно толстая меховая куртка зацепилась за выступающий элемент, защитив девушку от смерти в ледяной воде. Однако, к сожалению, Салли висела на таком расстоянии от края борта корабля, что только совместными усилиями Томека, Новицкого и лейтенанта Дугласа удалось вытащить ее из весьма опасного положения.

– Что ты хотела сделать, синица?! - ахнул взволнованный Новицкий.

– Я никогда не трогала айсберг – - Салли только пожала плечами и вместе с Дугласом и еще несколькими матросами двинулась на капитанский мостик.

– Любопытная, как сорока на подоконнике – - добавил себе под нос Томек, и Новицкий только покачал головой.

Друзья последовали за Салли, чтобы присоединиться к остальной команде. На их лицах была надежда. Прошло еще несколько мгновений напряженного внимания. Они уже были уверены: „Святая-Мария» не врежется в айсберг!



Проплывая мимо нее, они как загипнотизированные смотрели на ледяную громадину, медленно дрейфующее менее чем в метре от корабля. Томек почувствовал по всему телу холодное покалывание, и Салли прижалась к мужу, произнося:

– Брр! Аляска встречает нас не очень приятно, мы только отплыли на север и смерть уже заглянула нам в глаза.

– Но Салли! - Томек, совершенно уже успокоившись, укутал жену своей курткой. - Мы все еще находимся на территории Британской Колумбии, которая принадлежит Канаде, а Аляска является частью Соединенных Штатов[12].

Услышав эти слова, Новицкий поморщился и тихо пробормотал себе под нос:

Мы едва живы, а малец, как ни в чем не бывало, преподает этой юной сороке географию Америки. Ну ... у парня нервы....

– Что ты там шепчешь, Тадек? - спросил Томек.

– А ничего, ничего, братишка.

На капитанский мостик только что поднялся слегка покачивающимся еще шагом капитан Макгрегор. Несмотря на царящий холод, на нем были только рубашка и матросские брюки, на которые с давно распущенных волос капала вода. Прямо за его спиной стоял первый помощник, лейтенант Дуглас. Некоторое время два старых моряка молча смотрели друг на друга, а потом Макгрегор чуть хрипло рассмеялся:

– И это хорошо! Он говорил с отчетливым ирландским акцентом. - Старый бык Новицкий спасает мою посудину от участи быть раздавленной. Как только я увидел эту груду мускулов в порту Сиэтла, я говорю себе: «Осторожно, МакГрегор! Где бы ни был Новицкий, скоро будут неприятности!». И пусть акула ущипнет меня, как будто я был не прав!

Поляк улыбнулся своему старому товарищу..

– Э... ничего, - скромно сказал он. - Я только что отплатил тебе за услугу. Помнишь ту замусоренную лачугу

в Александрии? Ты едва вытащил меня из лап этих англичан.

Макгрегор громко рассмеялся.

– Одолжение!? – крикнул он. - Это была не услуга, а удовольствие. Несколько дерзких англичан. Как поляк, вы хорошо понимаете, что мы, ирландцы, не слишком любим захватчиков[13].

В разговор вмешался Томек.

– Ты никогда не рассказывал нам об этом приключении, Тадек.

– Э... потому что не о чем говорить, братишка! Увидев любопытные взгляды, Новицкий быстро добавил: -Ну... во всяком случае, если хотите, я могу рассказать вам об этом в свободную минуту.

– Мы ловим тебя на слове! – сказала Салли.

Тем временем группа матросов, стоявших вокруг, медленно таяла. Вскоре на капитанском мостике остались только: Вильмовский, Новицкий, капитан Макгрегор и лейтенант Дуглас, который теперь пытался любой ценой замести неблагоприятное впечатление, которое произвел на троих друзей. Он хотел было извиниться перед Новицким, но тот, чувствуя происходящее, только похлопал молодого офицера по плечу:.

– Не всегда человек такой, каким он хотел бы быть. В следующий раз будет лучше! – сказал капитан, весело подмигивая.

Лейтенант Дуглас почтительно кивнул и отдал честь. Новицкий только рукой махнул.

Так как время было еще довольно раннее, капитан Макгрегор, который, видно, уже все меньше и меньше чувствовал последствия дневного пьянства, пригласил троих друзей на офицерской столовую на чашку горячего чая. Через несколько минут они уже сидели за большим

столом, в обшитой светлым деревом каюте, а вокруг витал аромат крепкого чая. Томек первым нарушил молчание.:

– Тадек, ты много раз спасал нашу кожу, спасал ты нашу шкуру от гибели на воде, первый раз на опасном Енисее в Сибири, второй раз, не так давно, на Ниле [14], а теперь здесь ! Может, стоит создать постоянную водоспасательную базу? - пошутил Том.

– Э-э... — Новицкий поморщился. - Мой дорогой отец всегда говорил мне: "Тадек! Природа одарила тебя нужным ростом и силой, так что всегда защищай тех, кто в этом нуждается», так я и остался, а на воде, братишка, ты знаешь, что я чувствую себя наиболее уверенно.

– Макгрегор выслушал слова своего старого друга и кивнул

– О, да! По общему признанию, Тедди родился в рубашке!

– Это не плохо! — весело сказал Новицкий. «Но, — подумал он на мгновение, — в этом что-то есть... Вы все помните историю, когда мне было предсказано, что я не покину этот мир простым способом?»[15]

Все, даже капитан МакГрегор, кивнули в знак согласия..

– ...так что приключение, случившееся со мной в мерзкой таверне где-то в трущобах Александрии, доказывает, что это предзнаменование может сбыться.

Новицкий уселся поудобнее, вытянул длинные ноги, отхлебнул чая, обильно разбавленного любимым ямайским ромом, и начал рассказ:

Круиз из Белфаста в Александрию как раз подходил к концу. Само плавание было не столько тяжелым, сколько отвратительно скучным, а эти англичане... ведь вы должны знать, что на корабле, кроме меня, единственным неангличанином был не кто иной, как старый кит

МакГрегор. Мало того, что они максимально усложнили ему жизнь, так еще и задели меня своими выходками. Пару раз мы собирались вот так подраться, но капитан корабля, хоть и англичанин, как и все они, держал матросов на коротком поводке. Втихую было сказано, что, как только мы постоим несколько дней в александрийском порту, эти «fajwokloki» [16] умоют нас за кислое яблочко.

Макгрегор только улыбался и время от времени подтверждающе кивал головой. Новицкий снова сделал большой глоток из чашки и продолжал:: Мы с Макгрегором обрадовались, что бессмысленно было бы самому залезать Льву в пасть и оставаться на этой клекочущей лодке, тем более что контракт у нас был только до Александрии.

Поэтому мы решили выйти и затащить на какой-нибудь другой корабль. Мы так и сделали. Мы быстро нашли лодку одного турка, плывущего с товаром на Кипр. Так как турок уезжал только через несколько дней, мы с Макгрегором решили немного побродить по городу. И... - он весело подмигнул ирландцу, на мгновение понизив голос, - ...как это обычно бывает, мы устроились в не очень симпатичной, зато дешевой забегаловке. Помню, как сегодня: я как раз сидел за столом, потягивая какое-то мерзкое качественное пиво, когда в дверях стояли, не кто иные, как наши знакомые из этой английской коробки. Мне стало немного не по себе. Их было пятеро, а я один, потому что Макгрегор пораньше отправился в порт, чтобы узнать, когда именно мы отплываем. Те сразу меня поняли и продолжали ко мне приставать. Сначала казалось, что они просто хотели развлечься за мой счет, и что их было пятеро, они могли себе это позволить. Тогда один из них потребовал, чтобы я вышел с ними в кабак, как будто они что-то обязательно должны мне показать. Я уже знал, что это было! Я им говорю, что никуда не пойду, потому что мне здесь удобно.

Они настаивают на том, что, если я не хочу по-хорошему, они могут заставить меня сделать это по-другому. И далее! Двое хватают меня под бок и пытаются вывести. Я не остался им в долгу и без раздумий ударил одного в челюсть, другого куда-то в плечо. Но их товарищи, не дожидаясь своей очереди, все разом бросились на меня. Пять против одного! И было бы уже совсем невмоготу, потому что медленно темные лепестки начинали кружиться у меня перед глазами, если бы не прибежал Макгрегор. С таким напором и яростью он двинулся на моих мучителей, что в первый момент они, наверное, подумали, что это турецкий султан со своими янычарами наступает на них. Макгрегор воспользовался моментом неожиданности и, вытащив меня в полубессознательном состоянии, поплелся на судно к нашему Турку. Утром мы подняли якорь, потому что оказалось, что мой товарищ только что прибежал из порта, чтобы сказать, что турок отплывает с утра. Вот и вся история – - закончил рассказ Новицкий. - Но если бы не Макгрегор, Я бы, наверное, сегодня не сидел здесь с вами, а на лоне Авраама потягивал пиво...

– Было, как ты и сказал, Тедди, - отозвался Макгрегор. - Сегодня, наверное, и я обязан тебе жизнью.. - Ирландец хлопнул ладонью по колену. - Ты молодец!

– Э-э... - скромно подытожил старый матрос. - Нам просто очень повезло..

– Не то, что произошло с пассажирами самого большого корабля в мире, Титаник - вмешался Томек. - Вы слышали об этом ужасном событии несколько дней назад? Ужасно...

Все кивнули головами. Стало тихо и как-то не по себе. Первым нарушил молчание капитан Новицкий:

– Простите меня, - он встал из-за стола и грациозно поклонился, - но я пойду спать. Спокойной ночи.

– Я провожу тебя – - предложил McGregor.

Оба мужчины вышли.

В кают-компании остались только Салли и Том.

– Ты собираешься спать, любовь моя? — спросила Салли.

– Ты иди, - отозвался Томек. - Я еще немного подумаю.

– Спокойной ночи, почти прошептала она, целуя мужа в щеку.

– Спокойной ночи.

Томек остался один. Корабль плыл спокойно. Пассажиры оправились от неординарных событий и тоже начали засыпать. Стало тише. Том положил голову на руки и начал прокручивать в уме события последних нескольких недель..

Он вспомнил, как через несколько месяцев после возвращения из крайне опасной, как выяснилось уже во время, экспедиции в Египет, в их квартиру в центре Лондона постучался посыльный,присланый президентом Королевского Географического Общества. Посыльный вручил приглашение на встречу в штаб-квартире Общества. Томек, заинтригованный новостью, в назначенное время явился в величественное здание. Он бывал здесь и раньше, и его этнографические доклады о жизни папуасов и индейцев в амазонской пустыне получили необычное признание среди членов этой элитной организации. Говорили даже, что молодой Вильмовский наделен таким же большим научным талантом, как и его соотечественник Бронислав Малиновский[17], который уже несколько лет постоянно находился в Англии

Rosomak
(*Gulo gulo*)

В большом представительном зале принял Тома сам президент Общества, который сообщил ему, что совместно с Американским университетом в Чикаго готовят исследовательскую экспедицию на Аляску. Ее целью будет проведение разведки среди народов, населяющих эти нетронутые земли[18]. С американской стороны на эту экспедицию должна будет отправиться команда под руководством Франца Боаса и Альфреда Кребера[19], а с английской стороны экспедицией руководителем назначен именно он – Томаш Вильмовски.

Общество оценило ценность работ, представленных молодым, но уже имеющим необычный опыт путешествий поляком.

Услышав эти слова, Томек почти сразу был готов согласиться на все, но хладнокровие, которому он научился во многих своих экспедициях, заставило его попросить несколько дней на размышление. Президент добавил, что как руководитель экспедиции он сможет воспользоваться привилегией и выбрать двух участников.

Вернувшись домой, он рассказал обо всем Салли, которая так увлеклась идеей поездки на Аляску, что была готова немедленно бежать в штаб-квартиру Общества и помочь мужу подтвердить его готовность к поездке. Томек с трудом отговорил ее от этого намерения. Салли, как археолог, надеялась на интересные открытия. Оставался вопрос о третьем участнике. Решение пришло само собой. Так вот, капитан Новицкий, который часто навещал молодых Вильмовских в их лондонской квартире, как раз в тот день появился с ними. При известии о возможности отплытия матрос от волнения потер руки, ибо, как он неоднократно говорил, ему противна жизнь сухопутной крысы. Не было смысла больше откладывать окончательный ответ. На следующий день с помощью Новицки и Салли в той же

комнате, где до этого останавливался Томек, были назначены дата отъезда и маршрут путешествия.

К сожалению, ни отец Тома, ни их общий друг Смуга не смогли отправиться в экспедицию; оба были в Гамбурге, в компании Хагенбека, готовясь к новой экспедиции. С ними был и всеми любимый старый Динго, которого постоянно беспокоили неприятные собачьи недуги с момента его поездки в Египет, и который медленно выздоравливал под наблюдением специалистов.

Перед отъездом они успели обменяться лишь прощальными телеграммами. Они жалели, что не могут отправиться все вместе.

В конце марта, взяв с собой рекомендательные письма Британского Королевского географического общества к своим американским коллегам, они отправились из Белфаста в Нью-Йорк. Далее через Чикаго, где они пробыли два дня, они сели на поезд в портовый город Сиэтл на другом конце Соединенных Штатов, а оттуда, сев на первое судно, направлявшееся в Джуно, отправились на Аляску. Этим судном оказалась «Сент-Мэри»(«Святая мария») с капитаном МакГрегором.

Только теперь Томек понял, насколько близки были планы экспедиции на Аляску к краху еще до того, как они достигли этой северной земли. Им очень повезло, что именно в момент опасности они оказались на капитанском мостике вместе с опытным Новицким. Как всегда в таких ситуациях, капитан проявил хладнокровие и способность к холодному расчету. Страшно подумать, что было , если бы они нанесли визит на капитанский мостик чуть позже.

„Ничего - подумал Том. — Эта поездка выглядит неплохо... Интересно, что еще принесет нам встреча с диким Севером».

Вильмовский встал, погасил керосиновую лампу и по узкому коридору прошел в каюту. Салли уже давно спала.

Томек тихо, чтобы не разбудить жену, скользнул в постель. Еще несколько минут он лежал, размышляя над ожидающими их увлекательными приключениями. Однако вскоре усталость взяла верх. Веки все больше напрягались, не в силах отогнать неотвратимый сон. Через некоторое время борьбы он уже спал .

Rozdział II

W Juneau

Томек вскочил на ноги, руководствуясь инстинктами, развившимися за тысячи пройденных им километров. Каюта была еще тускло освещена, а койка Салли уже была аккуратно заправлена.

– Куда это ее опять понесло так рано... – пробормотал он, стряхивая остатки сна .

Энергичным движением он сдернул с иллюминатора небольшое одеяло, служившее занавеской [20]. Было почти восемь утра, первые лучи полуночного солнца серебрили гладкие глубины фьорда. Он быстро оделся. Святая Мария неуклонно разрезала волны пролива Гастино, который отделяет материковую часть Аляски от острова Дуглас, одного из многих на архипелаге Александра.

На борту было утреннее оживление. Том огляделся в поисках Новицкого и Салли. Часть съемочной группы уже суетилась в согласованном суточном ритме. Пассажиры представляли собой типичную, крайне пеструю смесь Севера: обветренные мужчины могли быть и исследователями, и звероловами, несколько индейцев или метисов сидели с каменными лицами на слегка запачканных

одеялах прямо на палубных досках. Внимание Тома привлекли крупные северные собаки — на первый взгляд помесь лайки и волка. Вся их стая, несмотря на царивший хаос, была очень миролюбивой. Только вздернутые носы вдыхали кристально чистый и влажный воздух, узнавая знакомые запахи северной земли..

По левому борту Сент-Мэри толпилось несколько десятков человек, в основном женщины с детьми. Все взоры были прикованы к водам воды. То и дело дети открывали рты от восторга, а пальчики указывали на необычное представление, разворачивавшееся на канале. Один взгляд позволил Тому увидеть, что происходит. Снова и снова дельфины пружинистыми движениями выпрыгивали из воды, скользя почти параллельно выпуклой линии Святой Марии. Вильмовский выглядел завороженным этим зрелищем, хотя и раньше видел этих млекопитающих, сопровождающих корабли, в разных частях света. Но здесь, на Крайнем Севере, зрелище было особенно прекрасным.

– Я вижу, братишка, что и тебя зацепило.. – Из-за спины Томека неожиданно донесся трубный голос капитана Новицкого. - Даа, вид первый класс, а место в первом ряду, совсем как у „окорока в трактире под красной свиньей”![21]

– Действительно, вид удивителен настолько, что мы находимся далеко к северу от районов, в которых, как правило, обитают эти морские млекопитающие. - Томек по-прежнему не отрывал взгляда от появляющихся и исчезающих в водах фьорда дельфинов.

Палуба Сент-Мэри медленно заполнялась пассажирами.

– Мальчик снова читает мне учебники по фауне. - Капитан добродушно вздохнул..

– Подождите минуту! И куда ты похитил мою жену, Тадек, так рано? -парировал друг.

– Когда ты, братец, во всю похрапывал , твоя Синица, велела мне вставать, не переодеваясь и сопровождать в утренней прогулке на борту корабля, потому что...

– - тут Новицкий сложил руки, словно в рулоне, и передразнил голос Салли: - ... бутылконосые шпроты подплывают к нашей лодке.

Томек громко рассмеялся, похлопав открытой ладонью мускулистое правое плечо моряка.

– Вижу, Господа с самого утра отлично развлекаются за мой счет. - Внезапно появилась рядом с ними Салли.

– Но, дорогая. Тадек только и говорил о вашем, простите, вашем, столь ранним утром исчезновении, – несколько смущенно объяснил муж..

Трое друзей на несколько секунд замолчали, словно все набрали в рот воды. Первым не выдержал Новицкий, разразившись громким смехом.

– Нет, братишка! Наша синица обвила тебя вокруг пальца, как канат корабельной мачты во время шквала. - Капитан хохотнул во весь голос, а Салли и Томек вторили ему..

– Если серьезно, то мне было очень любопытно, смогу ли я разглядеть среди аляскинских дельфинов загадочное животное, которого индейцы называют какрат, - серьезно объяснила девушка.

– Насколько мне известно, этот qaqrat происходит не от языка индейцев, а от одного из диалектов эскимосов Cup'ig из Мекорюка, главного поселения на острове Нунивак, - уточнил Томек.

– Ну-ну, Сороки из-под хвоста ни один из вас не выпал. - Новицкий аж присвистнул от восхищения. - Уважаемые родители ни на минуту не пожалеют ни одного цента, выделенного на вашу науку, но я искренне сомневаюсь в

существовании морского или другого чудища, которого еще не обнаружил человек.

– О, Тадек! А вы помните экспедицию в поисках таинственного окапи?[22] - хмыкнул Томек.

– Точно, братишка! Старею и память хорошая, но короткая, как говорит мой дорогой батюшка.

– Строго говоря, само слово qaqrat означает именно "морж-зверь". - Салли вставила свои три копейки.

– — Все это правда и еще раз правда, — перебил капитан МакГрегор, который до сих пор наблюдал за тремя с капитанского мостика и решил присоединиться к ним. - Однако сами эскимосы, среди которых есть много разных групп, как и индейцы, предпочитают называть себя инуитами, [23] что просто означает люди, и принимают название эскимосы в оскорбительном смысле.

– Доброе утро, капитан, - поприветствовала его Салли, также Новицкий и Томек дружески кивнули. - Я думала, в этом нет ничего оскорбительного. У наших австралийских соотечественников нет плохих ассоциаций со словом абориген.

– Насколько слово абориген, от английского „ab origine”, означает-"тех, кто был здесь с самого начала „, это слово Эскимос значит столько же, сколько” едок сырого мяса", – объяснял Макгрегор.

– Это важная и полезная информация для нас, тем более, что многие группы этих аборигенов живут на побережье и островах Аляски [24], — признался Томек.

– Мы тут про рыбу, мы тут про грибы, а у меня кишки марш играют, - весело вмешался Тадеуш.

– Именно с этим приглашением я пришел к вам. МакГрегор ободряюще указал на капитанскую кают-компанию.

– Посмотрите туда! – воскликнула вдруг взволнованная Салли, глядя за борт.

Все четверо почти одновременно повернули головы. В нескольких десятках метров со стороны Святой Марии виднелись величественно скользящие темные очертания кита. Тело в несколько десятков тонн вскакивало снова и снова, только чтобы через секунду разорвать пучину фьорда на тысячи частей.

Это серый кит, - не задумываясь, сказал Новицкий. - Этот морской гигант способен преодолевать тысячи километров в поисках благоприятных рыбных угодий и более теплой воды.[25].

– Поэтому среди моряков он получил прозвище марафонец – добавил Макгрегор.

– Я не раз сталкивался с китобойными судами, и мне самому судьба уготовила походить на таком судне. - Новицкий понизил голос и слегка опустил голову. - Скажу тебе, братец, что до сих пор у меня перед глазами сцены из ловли этих млекопитающих. Кровь и боль...

Кит слегка отскочил в сторону береговой линии, где, как правило, вода теплее, оставив Сент-Мэри в одиночном плавании

– Завтрак ждет! Позвал капитан.

Через некоторое время все четверо уселись в небольшой, но удобно обставленной капитанской кают-компании. На столе у них было жаркое из лося, вяленая рыба, консервированная фасоль и темные лепешки. Тадеуш и Томек съели огромное количество еды; они грызли еще кусочки лосиного мяса с лепешками. Кроме того, Новицкий клал на каждый кусок тонкого хлеба по большой ложке бобов. Внимание Салли привлекла засохшая паста в металлической миске.

– Это пеммикан из оленя карибу, – поспешил объяснить ирландец и, видя, что девушка не понимает, добавил: - Пеммикан-это сушеное мясо бизона, лося или оленя, которое после полного высыхания натирают в порошок, добавляя иногда сушеные ягоды и немного сала. Это старый способ индейцев консервировать и транспортировать пищу. Просто добавьте горсть в горячую воду, чтобы получить питательный суп. Вы также можете жевать его сырым. Пеммикан, дорогие мои, спас много жизней на севере.

– Я с удовольствием попробую это местное блюдо. - Новицкий потянулся к пемикану. - Мой дорогой отец всегда говорил.: "Ешь, что есть, потому что шерсть не шерсть, чтобы кишка была полна”.

Последняя фраза рассмешила завтракающих.

Тут в дверях кают-компании появился один из матросов и сообщил, что они как раз подходят к Джуно. Трое путешественников отправились в свои каюты за багажом, а МакГрегор занялся о подготовкой к швартовке..

Через несколько минут Томек, Салли и Новицкий уже стояли у борта, готовые сойти на берег. Как опытные путешественники, они имели с собой только ручную кладь, потому что они знали, что необходимые покупки всегда делаются на месте.

На портовом берегу толпились толпы. Сент-Мэри, ведомая умелой рукой Макгрегора, медленно поплыла к портовому причалу. Здесь было нелегко швартоваться. У Томека хватило времени на топографические наблюдения. Канал Гастино, по которому они только что добрались до гавани, втиснулся между двумя горными хребтами, возвышавшимися до 1200 метров над уровнем моря. Где-то на их вершине простиралось большое ледяное поле под названием Джуно Айсфилд[26], а чуть ниже, почти до

самого берега, царила зелень парящих елей. Языки ледника снова и снова врывались в твердую породу, образуя в самые жаркие годы живительные потоки, питающие канал..

Корабельная сирена подала сигнал случайным зевакам на причале и нетерпеливым пассажирам на борту — предупреждение не приближаться слишком близко к краю. Святую Марию медленно и почти грациозно остановила опытная рука, державшая штурвал, которой помогал местный лоцман, хорошо разбиравшийся в мелководье и водоворотах в гавани; точно в том месте, где только что поставили трап. Через некоторое время пассажиры стали покидать палубу парохода.

Перед тем, как сойти на берег, трое путешественников хотели попрощаться с капитаном. К этому времени он был слишком сосредоточен на швартовке. Прощальным объятиям Новицкого и МакГрегора не было бы конца, если бы не решительная Салли, которая с улыбкой, но твердо разняла обнимающихся моряков.

Ирландец, все еще держа в своей скрюченной руке Новицкого, приблизил свое лицо к обветренному лицу друга и сказал:

– Береги себя, старина. Я не хотел говорить это при твоих юных друзьях, но странные слухи доносятся с севера. Что-то скрывается в горах, бесследно гибнут золотые старатели, геологи и прочие пропадают без вести.

Новицкий внимательно слушал..

– Говорят, Джон Фрибс идет на своей лодке вдоль Алеутских островов, - добавил Макгрегор.

– Тот же Джон Кит Фрибс?! – спросил удивленный моряк. – Разрази меня гром! Вот это история. Приятно знать. Кого и какая судьба принесет ... Спасибо за все и до встречи, братишка!

– Это вам спасибо – - бросил капитан, дружески подняв руку на прощание.

Толпа в гавани и на пристани представляла собой еще более пеструю смесь, чем пассажиры «Сент-Мэри». На первый взгляд легко было сказать, что это был первый контакт Севера с остальным миром: в то время как подавляющее большинство пассажиров были одеты относительно опрятно, местные жители одевались во все пестрое. Часто они также носили наряды, частично сделанные из кожи и меха. Вокруг царила суета. И был постоянный лай по всему. Десятки собачьих глоток не отдыхали ни на миг.

Большинство собак больше походили на волков, чем на лучших друзей человека, прирученных на протяжении тысячелетий.

Томек обратил внимание на индейцев, которые работали в полной тишине при погрузке, с большим искусством загружая собак.

– О, Томми, у тебя будет еще много возможностей для наблюдения. - Салли потянула мужа за рукав. - А пока я хочу хорошенько выспаться и принять ванну..

– Верно, верно, – поддержал ее Новицкий. – Вы, как и ваш уважаемый батюшка, не можете оторвать глаз от аборигенов, а мне, если честно, совсем наскучили уже вяленая рыба и консервированные бобы.

– Ой, Тадек, Тадек ... что – то мне кажется, что ты начал стареть и уже в голове у тебя не приключения и путешествия, а только удобная кровать и изысканные блюда, - снисходительно парировал Томек.

– Ха, в этом что-то есть, - признался моряк. - Итак, давайте найдем наш отель.

Имея только удобный, не слишком тяжелый багаж, они двинулись в город. Портовую суету они оставили позади.

Джуно, который был столицей Аляски с 1906 года, представлял собой довольно своеобразное слияние еще не далекой истории золотой лихорадки и современного административного центра самого молодого штата Северной Америки.Прямо из порта вышли на широкую улицу, частью застроенную кирпичными домами, обычно одно-двухэтажными, частью невысокими, одноэтажными домами, сплошь построенными из деревянных бревен.От главной артерии города расходились более узкие немощеные улицы, которые обычно в это время года были заполнены медленно высыхающей грязью. Поэтому по обеим сторонам большинства улиц и переулков располагались своеобразные деревянные площадки, служившие мостовой для жителей.

-Ну же, брат! - Ахнул Новицкий, перекидывая с плеча на плечо матросский мешок, в который он пристегнул ранее багаж Салли, чтобы, как он выразился, крылья синицы не отвалились. - Веди к этому голубому оленю!

– Желтый Лось, Тадек. Наш отель называется Под Желтым Лосем.

– Синий или желтый - не имеет значения, только бы он не был на другом конце города. Я слышал, что Джуно считается самым большим городом во всей Америке. А длинные марши с коньком на спине - не моя специальность.

– Ты прав. - Томек пропустил мимо ушей замечание о тяготах этой прогулки. - Действительно, столица Аляски сейчас является крупнейшим городом во всех Соединенных Штатах и почти равна площади штатов Род-Айленд и Делавэр вместе взятых..

– Хмм! Ты утешил меня, как морская соленая камбала в деревянной бочке! – хмыкнул матрос, вытирая со лба капли пота.

– А вот и гостиница Под желтым лосем – - объявила Салли, указывая на двухэтажное кирпичное здание через дорогу.

– Наконец-то! - пробормотал Новицкий с видимым облегчением.

Через массивную деревянную дверь они вошли внутрь. Интерьер ничем не напоминал ни европейские отели, ни даже те, что просматривались во время последней экспедиции в Египет.Главный зал образовывал правильный квадрат со стенами, на которых висели многочисленные охотничьи трофеи: шкуры медведя, оленя и лося. Особое внимание Тома привлекло чучело головы белого медведя с открытой пастью; какое-то время он испытывал смешанные чувства по поводу представления галереи мертвых животных- как триумфа человека над природой..

Был еще довольно ранний час, и лишь несколько гостей за двумя столиками завтракали, а у длинной в несколько метров корчмы, которая, как оказалось, была и ресепшн отеля, стоял опрятно одетый мужчина средних лет. Изящные темные усы, только что уложенный волосы и ослепительно белые рукава рубашки резко контрастировали со строгим интерьером отеля.

-Я Кент. Кент Уильямс. Чем могу служить, сэр? - спросил портье с сильным британским акцентом.

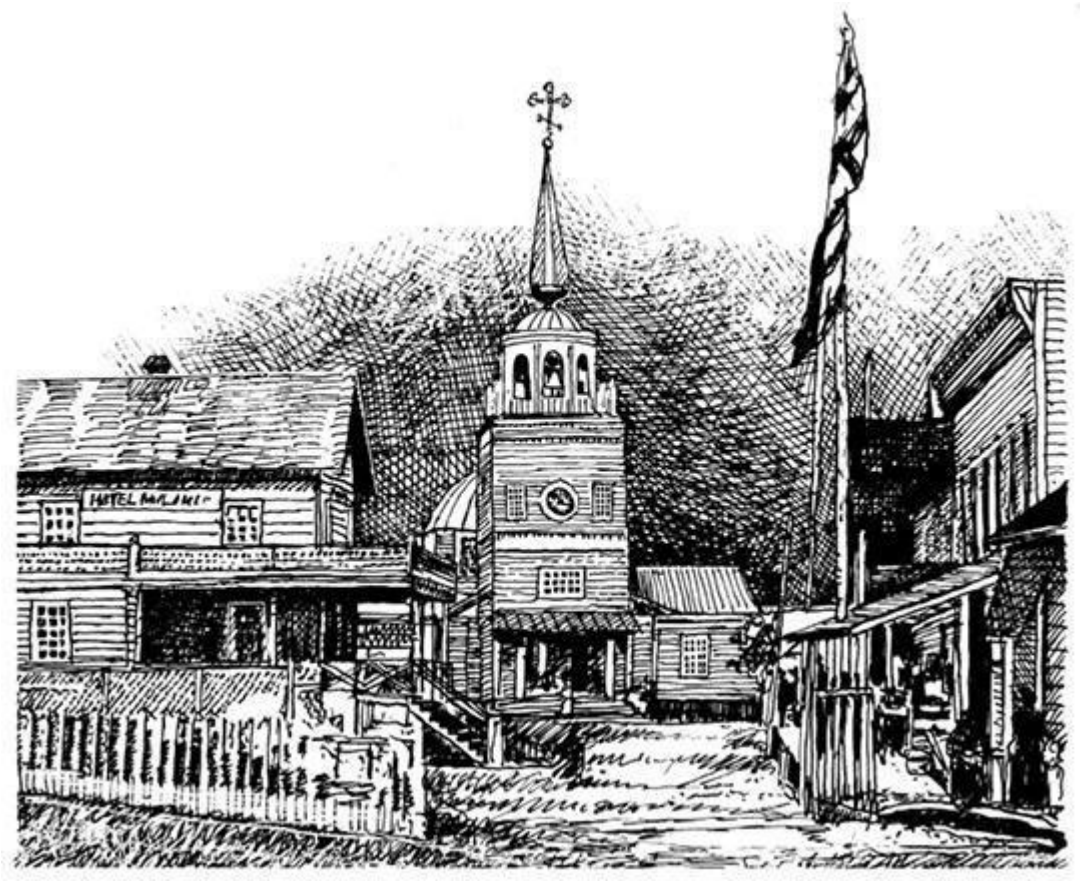
Мы забронировали номер на имя Вильмовских. - Салли взяла Томека под руку.

Уильямс лишь мельком взглянул на что-то, напоминавшее гостиничные записи, сделанные на одном листе, потом дружелюбно посмотрел на троих друзей и ответил::

Так и есть.. Ваши номера были арендованы Чикагским университетом[27] и уже несколько дней ждут вашего прибытия. – Он деловито улыбнулся и добавил с гордостью.: -Бронирование прибыло прямо к нам телеграммой из Чикаго. Добро пожаловать в Джуно двадцатого века!

-— Спасибо, — ответил Томек, немного удивленный радушием администратора. - Если это все, то мы хотели бы пойти отдохнуть.

–



Минуточку,. Мистер Уолтер Эли Кларк[28] просил передать, чтобы вы, сэр Вильмовски, как можно скорее прибыли в его кабинет. Это важно. - Вильямс склонился над блестящей от частой полировки гостиничной стойкой.

– А кто такой мистер Кларк?

– Это губернатор Аляски. А его представительство находится в двух кварталах отсюда.

На Новицкого, хотя он и остался невозмутимым, это произвело впечатление.

– Ну, брат, если такая фишка, как уважаемый губернатор, приглашает тебя поболтать, то надо немедленно идти!

– Да, да, Томми. - Поддержала Салли моряка. - Это, наверное, что-то важное, раз дело не может подождать. Ты, милый, иди, а мы с Тадеком обо всем позаботимся.

– Ха, раз решения уже приняты, жаловаться смысла нет - согласился Томек.

Действительно, офис губернатора Аляски находился в трехстах метрах от отеля. Хотя столица Аляски была такой же большой, как восточные штаты, в европейских реалиях это был бы довольно маленький, провинциальный городок. Том глубоко вдохнул в легкие северный воздух: запах зимы, быстро покидающей город, сочетался с характерным запахом рыбы, вяляющейся тут и там прямо на деревянных мостовых. Путешественник заметил способ сушки, наверняка заимствованный у местных индейцев: на веревках, натянутых между деревянных рам, висели многочисленные: икра, чавыча и кижуч. [29].

Офис губернатора Уолтера Эли Кларка располагался в одноэтажном кирпичном здании, южная часть которого плавно спускалась к каналу Гастино. В отличие от других губернаторских резиденций, которые Томек имел возможность посещать во время своих путешествий[30], эта Аляска представлялась крайне скромной, не сказать, убогой. Не слишком просторный вестибюль, выдержанный в коричневых тонах, служил одновременно приемной и приемной. Стены в основном выложены картами Аляски, относящимися к разным периодам. За небольшим

письменным столом, зажатым между стеллажами с бумагами, сидел аккуратно одетый мужчина средних лет. Томек обратил внимание на чуть более темный цвет кожи, сильно выступающие скулы и длинные черные волосы, гладко зачесанные назад. Индеец – без колебаний подумал он.

При виде посетителя мужчина встал и без лишних телодвижений кивнул на темную дубовую дверь позади себя. Он приоткрыл ее.

– Губернатор ждет. Низкий металлический голос индейца с сильным акцентом, говорящий, что его английский — это выученный язык, делал ситуацию еще более загадочной.

Кабинет губернатора, как и вестибюль, тоже был весьма скромно обставлен. Взгляд приковывали десятки набросков, планов и заметок, разбросанных почти по всей комнате. Уолтеру Эли Кларку было около сорока. Темные, аккуратно уложенные волосы он зачесал на правую сторону. У него был умный взгляд и пронзительные, прямо-таки ледяные голубые глаза..

– Сэр Томас Вильмовский, не так ли? Приятно, очень приятно, что Аляска может приветствовать опытного путешественника. – В голосе Эли Кларка прозвучала искренность.

– Не знаю, чем я заслужил такой лестный прием, но я очень рад, господин губернатор, - любезно ответил Томек..

– *Well*, ваша слава идет за вами, сэр Вильмовски. Зовите меня Уолтер. - Губернатор дружески протянул руку. - Так будет проще и быстрее, тем более что время-самый ценный товар.

– Томас. - Вильмовский был немного удивлен.

– Простите, что ничего не предлагаю, но, как видите, работаем мы здесь в немного, ну... спартанских условиях.

Пока, конечно. Смотри сюда. Хозяин приглашающим жестом указал на просторное окно. - Это наша новая штаб-квартира, новое сердце Аляски! - Он торжествующе возвысил голос.

За окном открывался вид на большое строение. Десятки повозок, запряженных мулами, перевозили древесину и другие строительные материалы. Дымовые трубы из специально организованных кирпичных заводов окутывали дымом площадь и окрестности стройки. И несколько сотен рабочих трудились над уже выросшими из земли стенами..

– Это наш Капитолий [31], резиденция правительства нового государства. — Мозг и ядро Аляски, — с гордостью сказал губернатор. - Мы цивилизуем эту страну, богатую опытом колонизации Дикого Запада [32], стараясь не допускать ошибок; да, да, мой дорогой друг, я не побоюсь употребить это слово - ошибки.

– Вы имеете в виду... извините. Вы имеете в виду, что происходило с индейцами?

– Конечно! И не только с ними. Индейцы, бизоны, земли, опустошенные почти грабительскими поисками золота в Калифорнии, и река Фрейзер [33]. Аляска, мой друг, — это надежда совершенно новой реальности, — продолжил Эли Кларк. - И именно поэтому мы должны любой ценой избегать конфликтов с местными: индейцами, эскимосами или алеутами..

– Как поляк, который знает, что такое рабство, я хотел бы, чтобы это было так. Я познакомился с реалиями проживания индейцев в резервациях несколько лет назад в Аризоне и Нью-Мексико [34], и я им искренне сочувствую, — признался Томек.

– Браво, молодой человек! Я вижу, что мы очень хорошо понимаем друг друга. Теперь к делу. Давайте сядем. Эли Кларк указал рукой на стул. «Поскольку это крупнейшее

государство, федеральное правительство управляет здесь огромной территорией, начиная с крайнего севера, прямо на границе с Россией, через Берингов пролив и заканчивая крайним югом. Военные посты и торговые фактории есть только в самых крупных городах, и значительная их часть до сих пор представляет собой белые пятна. Мы осознаем, что Аляска – это район, где есть не только золото, но и другие ценные ресурсы, такие как: серебро, платина, медная руда, олово и никель. Это огромное богатство, на которое точит зубы не только федеральное правительство, но и различные темные личности.

Томек слушал речь губернатора с возрастающим вниманием.

– Ну, чтобы исследовать эту огромную область, мы посылаем различные исследовательские группы вглубь штата в течение некоторого времени. Как правило, они состоят из геологов, географов и, с некоторых пор, также и антропологов. Мы хотим знать – чем мы, как самое молодое и самое большое государство, располагаем и будем распоряжаться в будущем. Особенно после одной группы, целью которой было проникнуть в район Маккинли или, как предпочитают местные жители, Денали, правительство ожидает чрезвычайных результатов. Группу возглавляет Джек Нильсен, помазанный самим Альфредом Бруксом. Вся экспедиция финансируется миллионером и филантропом Джоном Дэвисоном Рокфеллером из Чикаго, который не скрывает своих намерений эксплуатировать недавно обнаруженные месторождения.

– Это та группа, к которой мы вместе с чикагскими антропологами должны присоединиться от имени Королевского географического общества? - Том вопросительно посмотрел на губернатора.

– Точно такая же! И вот мы подходим к делу, мой друг. Ну, мы не имеем с ними никаких контактов в течение длительного времени. Курьеры, отправленные с информацией, а в заранее оговоренном месте передачи припасов никто не ждал, а значит... - Илай Кларк понизил голос.

– ... что-то случилось - закончил Томек.

– К сожалению, да, мой друг. Кроме того, мы получаем информацию о том, что на Севере, в районе экспедиции Нильсена, пропадают другие исследователи. В такой ситуации я был вынужден отозвать все разрешения на ранее заявленные экспедиции, а также отозвать те команды, которые только что вышли из Джуно.

– Значит ли это, что наша экспедиция не состоится? – спросил Вильмовский явно встревоженный.

– К сожалению, группу антропологов с профессором Францем Боасом во главе, к которой вы должны были присоединиться, я уже отправил обратно. Как представитель федерального правительства, я обязан

следовать процедурам и рекомендациям Вашингтона, и они однозначны.

Томек внимательно следил за жестами губернатора и, как пристальный наблюдатель, чувствовал, что тот не все ему рассказал.

- Я думаю, Вы хотите мне что-то сказать, не так ли?

– Браво еще раз! Кларк почти воскликнул. - Я вижу, что вы не только отличный путешественник, но и знаете людей. Это чрезвычайно ценно. Вы правы. Есть кое-что еще.

– У меня были отличные учителя, - скромно ответил Томек, имея в виду своего отца, Смугу и Новицкого.

– То, что я сейчас скажу, должно остаться между нами. Решение, которое вы примете, я уважаю, конечно. - Губернатор придвинулся ближе и вытащил из кармана пиджака конверт. – Это для тебя, мой друг.

Вильмовский, чувствуя нарастающее волнение, одним движением вскрыл конверт и вынул свернутый в три листа лист, на котором аккуратным почерком было написано:

Я рассчитываю на Вашу помощь, мистер Вильмовский. С уважением, Джон Дэвисон Рокфеллер

PS Во всех вопросах меня представляет дорогой Уолтер Илай Кларк..

*

Молодой путешественник вопросительно посмотрел на губернатора, и тот с улыбкой пояснил::

– Как я уже упоминал, мистер Рокфеллер лично участвует в поиске экспедиции Нильсена и готов независимо от результата пожертвовать гонорар в размере полумиллиона долларов[35] в обмен на продолжение

экспедиции, несмотря на федеральный запрет. - Илай Кларк произнес эту фразу на одном дыхании.

Томек почувствовал волну эмоций, щекочущую его чувства. Перспектива продолжения экспедиции на Север в качестве спасательной миссии была слишком заманчивой. Не мудрствуя лукаво, он коротко ответил:

- Согласен.

– Я был почти уверен, что ты согласишься, мой дорогой! — воскликнул губернатор. - Мистер Рокфеллер готов не только оплатить упомянутый мною гонорар, но и предложить любую помощь в организации и проведении экспедиции, в том числе...- он загадочно улыбнулся, в транспортировке на Север. Вы слышали о дирижаблях?

– Это большие воздушные шары с моторным приводом.

– Верно. Их конструктор Фердинанд фон Цеппелин[36] является другом г-на Рокфеллера и также использует его средства для тестирования этого современного вида транспорта. Из телеграммы, которую я получил сегодня, следует, что завтра он должен ждать вас здесь, в Джуно.

– Это потрясающе. Летать, как Икар... - Том явно был взволнован, хотя за годы опасных экспедиций научился контролировать свои эмоции.

– Это Аляска двадцатого века! Невозможное реально. - Торжествовал губернатор. - С моей стороны он предлагает вам помощь в виде проводника. Он индеец, но очень хорошо говорит по-английски. Кажется, он даже какое-то время провел в Европе. Он мало говорит, но отлично разбирается в местности. Он уже должен был ждать тебя Под желтым лосем. Итак?

– Тогда на север!

– Прощаясь с Томеком, губернатор пообещал явиться завтра утром и помочь в выборе необходимого снаряжения.

*

Вильмовски быстрым шагом возвращался в «Желтый лось». Мысли кружились под его светлыми волосами, а возбуждение от общения с Эли Кларком и предложения Рокфеллера, давало о себе знать по выражению лица. Был почти полдень.

Он был уже почти у дверей отеля, когда услышал повышенные голоса и крики, доносившиеся изнутри, один из которых показался ему особенно знакомым..

– Тадек! - крикнул Томек и с размаху ворвался в главный вестибюль.

Тревожное зрелище предстало перед его глазами. Трое мужчин лежали на досках отеля, корчась от боли. Двое других попытались броситься на Новицкого, прислонившегося к стене с поднятой в руке деревянной табуреткой. Рядом с моряком, в борьбе с еще двумя нападавшими, находился незнакомый мужчина. Разбитая мебель и битое стекло на полу дополняли картину. Том быстро оценил ситуацию и вытащил свою модель 1910 года — не задумываясь произвел три выстрела в воздух. Стук выстрелов явно отрезвил как нападавших, так и нападавших..

– Стоять! Всем стоять! Живо! – крикнул он. На лестнице он заметил еще испуганное лицо Салли.

– Давай, братишка! Вовремя! Эти птицы готовы улететь, не попрощавшись, - с трудом выдохнул Новицкий, с деревянным табуретом на изготовку.

– Тадек, хватит! Я сказал- достаточно! А вы, - обратился он к нападавшим и стволом кольта указал на дверь, - убирайтесь отсюда! Немедленно!

Бормоча себе под нос ругательства и поддерживая друг друга, но без лишних разговоров, все восемь человек направились к выходу и вскоре скрылись за дверью Желтого Лося.

– Что здесь произошло?!

Салли сбежала с лестницы и прижалась к мужу.

Да ничего такого. Эти джентльмены не желали присутствия в баре того джентльмена, а когда тот не внял их, скажем так, просьбе, они хотели вышвырнуть его через закрытую дверь – - сообщил Новицкий.

– Но по какой причине? – допытывалась Салли.

– Они, кажется, не любят индейцев, объяснил моряк. - Ну, я должен был среагировать, потому что они действительно были готовы причинить мальчику боль.

– Ты хорошо справился, Тадек. Наш долг стоять на стороне слабых.

– ... как правильно говорит твой дорогой отец, - закончил Тадеуш.

Томек некоторое время смотрел на индейца, все еще сидевшего на полу. В нем было что-то знакомое.

– С тобой все в порядке? — обеспокоенно спросил

он и подошел ближе. На мгновение воцарилась

тишина.

Мой брат Нах'тах ни йез'зи и Разящий Кулак снова спасают жизнь Красному Орлу[37], – заговорил индеец.

– Красный Орел?! Это правда ты?! - закричали почти одновременно все трое.

– Угх! Тот самый, мои белые братья.

Rozdział III

Na północ!

Утренний рассвет медленно входил в еще дремавшую в это время года аляскинскую ночь. Кое-где все более редкие звуки ночных завсегдатаев леса начинали сопровождаться утренним пением птиц и все громче ворчание леса.

Сон к Томеку все не приходил. Неожиданная встреча с давним другом, с которым познакомились несколько лет назад, и перспектива очередной спасательной поездки [38] на Север не давали ему спать по ночам. Особенно на него произвел впечатление рассказ истории Красного Орла, с которым он провел весь вечер наедине. Не желая будить Салли, он выскользнул утром из своего гостиничного номера и нашел тихий уголок рядом с главным залом «Желтого лося». Он долго не мог собраться с мыслями. Проведя взглядом по стенам, он обнаружил массивный книжный шкаф, полный книг и газет. Большинство из них были старыми выпусками журнала «Джуно и Аляска». Томек спокойно перелистывал страницы журналов. Внезапно его внимание привлек почти полностью неповрежденный выпуск весны 1912 года, посвященный в основном только что созданному штату.

.

Вильмовского особенно заинтересовала статья некоего Болдуина Харта об истории Джуно. Первым европейцем, достигшим этого района, был Джозеф Уидби, штурман корабля «Дискавери», участвовавший в экспедиции Джорджа Ванкувера [39] в 1791–1795 гг. В начале августа 1794 года, плывя с юга, Уидби заметил небольшой остров на полпути вдоль фьорда. Кроме краткой записи в судовом журнале об «ледяном острове», других сведений о нем не было. В дальнейшем о Джуно не было информации больше ста лет. Лишь во второй половине девятнадцатого века из-за неоднократной золотой лихорадки об острове заговорили.

В 1880 году человек по имени Джордж Пильц из Ситки, Аляска, предложил награду любому, кто приведет его к золотым полям. На его предложение ответил Кови, вождь племени аука, который подошел к нему с несколькими золотыми самородками. Пильц отправил в Джуно группу старателей, но в первой же экспедиции они обнаружили малоинтересный район. По настоянию Коуи Пильц перенаправил своих людей Джо Джуно и Ричарда Харриса к каналу Гастино, которые были удивлены, обнаружив повсюду золотые самородки размером с горошины и бобы. 18 октября 1880 года они разграничили территорию в шестьсот пятьдесят тысяч квадратных метров и устроили на ней шахтерский лагерь. Менее чем за год лагерь превратился в небольшой городок — первый на Аляске с тех пор, как его купили США. Первоначально они назывались Харрисбург (в честь Ричарда Харриса), через некоторое время переименованы в Роквелл, в честь капитан-лейтенанта Чарльза Рокуэлла. А в 1881 году город получил свое нынешнее название, происходящее от имени исследователя и золотоискателя Джо Джуно. В 1906 г., после того как доходы от китобойного промысла и торговли пушниной снизились, было потеряна значимость Ситки и

резиденция правительства переехала в Джуно. Затем он получил статус крупнейшего города штата..

– А, вот ты где, браток! - Новицкий стоял в дверях, прогоняя остатки сонного оцепенения из мощных мышц шеи.

– Я не мог спать, Тадек. Рассказ Красного Орла о его судьбе после отъезда из родной Аризоны совершенно не давал мне сомкнуть глаза.

– Да, рассказывай, браток, пока твоя Синица не начала засыпать тебя сотней лишних вопросов. - Новицкий понизил голос и добавил с улыбкой: - впрочем, тебе все равно придется рассказать всю историю еще хотя бы три раза.

– Красный орел сможет рассказать все сам. Именно он и является нашим проводником в походе на север, Тадек - объявил Томек.

– Это твоя история! Позвольте мне сказать тебе кое-что, мальчик. - Тон Новицкого был покровительственным, от которого он никак не мог избавиться. - Хотя я должен был привыкнуть к тому, что общение с Вильмовским всегда полно невозможных вещей все эти годы, я все равно удивляюсь.

– Здесь я полностью согласен. Эта история на самом деле совершенно неправдоподобна, но даже больше, чем тот факт, что мы неожиданно встретились на другом конце Америки, меня волнует судьба Навахо.

Новицкий посмотрел на часы. Было почти пять.

– Говори, братец, что там у тебя на печенке лежит, пусть тебе полегчает, – сказал матрос, поудобнее устраиваясь в соседнем кресле..

Томек громко вздохнул, словно вынырнув из глубины.

– Помнишь, Тадек, после наших приключений в Африке доктор рекомендовал мне как можно больше отдыхать?[40]

– Черт! Как я могу забыть?! Мы едва спасли тебя, а с тобой уже было плохо!

– Вот именно, мы оказались тогда, как и сейчас, втроем, то есть я, Салли и ты, в Северной Америке, – продолжал читать лекции Томек.

– Память меня до сих пор не подводит, братец, что бы ты мне, как маленькому ребенку, все в точности напоминал и объяснял. - Новицкий был несколько раздражен..

– Я просто стараюсь сам расположить все в правильной хронологии. Не сердись, Тадек.

– А чтоб тебя..! Совсем как мой дорогой отец! Том сделал вид, что не слышит, и продолжил.

– Помните, как во время моего выздоровления я получил задание от мистера Гагенбека [41] из Гамбурга набрать группу индейцев для цирковых представлений в Европе?

– Помню, конечно, - подтвердил Новицкий, кивая головой. - Я также помню, что Красный орел и еще несколько Апачей, участвовавших в этой группе, уехали в Европу.

– И здесь начинается история навахо [42]. - Том прикусил нижнюю губу. - Позвольте мне быть до конца честным, Тадек, что если бы я знал тогда то, что знаю сейчас, я бы никогда не позволил даже одному индийцу поехать в Европу и принять участие в цирковых представлениях.

– Ты хочешь сказать, брат, что наш старый Гагенбек надул краснокожих? - Моряк был явно удивлен словами друга.

– Если бы дело было только в деньгах, Тадек! - Томек с возмущением повысил голос. - Они обращались с ними как с животными в цирке! Красный Орел рассказал, что сидя в клетке, раскрашенный, как цирковой клоун, в бессмысленные цвета, одетый в собственную одежду, они должны были притворяться дикими и кровожадными индейцами!

– Трудно поверить, что Гагенбек допускает такие ситуации. Может он не знал? — наивно спросил Новицкий.

– — Ты прекрасно знаешь, Тадек, что в компании Гагенбека ничего не происходит без его ведома, — отрезал Вильмовский. - Да, до меня доходили сигналы о том, что такие ситуации имеют место, но я никогда не осознавал, какое унижение испытывают эти люди..

– Ты прав. Скажем прямо: сначала белые отняли у них землю, загнали в жалкую жизнь, а потом показывают их на радость зевакам в ... зоопарке.

– Но самое ужасное, что люди, которые приходят на такие зрелища, именно этого хотят. Голос юного исследователя становился все печальнее. - Они хотят думать, что индейцы, зулусы в Африке и аборигены в Австралии лишь немного выше в эволюционной иерархии, чем дикие животные, на которых мы охотимся.

– ...Я уже знаю, почему здесь так обошлись с Красным Орлом, – почти шепотом добавил Новицкий..

Томек вопросительно развел руками, глядя на Тадеуша.

– Вы, наверное, не заметили маленькую табличку с надписью „Собакам и индейцам вход воспрещен”[43], висевшую над дверью, – грустно пояснил моряк.

Томек почувствовал, как его начинает охватывать гнев..

– Видишь ли, брат, – заговорил Новицкий, наблюдая за эмоциями друга – - уже так устроен этот мир, что...

– Нет, Тадек! Это не мир так устроен! — резко прервал Том. - Кто-то конкретно так устроил. У нас на родине москали, тут американцы, а в случае с Красным орлом, Гагенбек и отчасти мы...

– И ни сейчас, ни завтра мы ничего с этим не поделаем. У нас есть работа, и это единственное, что сейчас имеет значение, - сказал старый товарищ, затем положил свою массивную руку на плечо молодого человека и сжал так сильно, что на его лице появилось гримаса боли. - Ты лучше закончи историю Красного Орла.

Вильмовский глубоко вздохнул. Поблагодарив друга взглядом, он продолжил.

– Красный орел и остальные индейцы уже через несколько недель собрались расторгнуть контракт с Гагенбеком. К сожалению, оказалось, что это решение выполнить не так просто. Это могло привести к огромному штрафу, которое на практике означало продление контракта на любой срок. К счастью, Гамбург-портовый город, и Красный Орел отлично знает английский. Они нашли корабль, идущий в Нью-Йорк, и ... однажды все сбежали. - Томек впервые довольно улыбнулся.

– Пусть акула проглотит его! Вот лиса хитрая в курятнике! - Новицкий хлопнул ладонью по колену..

– На корабле, следовавшем в США, он случайно встретил высокопоставленного чиновника из Бюро по делам индейцев[44], отвечавшего за Аляску. После нескольких переговоров чиновник предложил Красному Орлу работу проводника на Аляске. Короче говоря, это была удача, что наши пути снова пересеклись..

– Вот это история! Но ты не скажешь мне, что наш Орел, ничего ему не сказав, упаси господи!, чем он лучше местных индейцев, знающих местность и язык - поинтересовался Тадеуш.

– Ты удивишься, Тадек, - с улыбкой ответил Том. - Перед поездкой в Америку я достаточно внимательно изучил всю доступную информацию об аборигенах Аляски и северной Канады. Оказывается, языком навахо является diné bizaad [45], который представляет собой южную форму атабаски, на которой говорит большая часть индейцев Аляски. Если добавить отличный английский, знакомство в Европе и среди белых, то отчетливо видно, что Красный Орел выделяется среди многих своих соотечественников.

– Мальчик снова сыплет фактами, как из энциклопедии, — вздохнул Новицкий и добавил, сменив тему: — Ну, браток! Пора приготовить что-нибудь на гриле, потому что сухопутные крысы начинают устраивать гонки в моем животе.

Во время завтрака к ним присоединилась Салли, которая все еще была немного сонная. Ее никоим образом не уговорили остаться под Желтым Лосем, и сразу после трапезы все трое, взяв все свою ручную кладь, отправились встречать губернатора и Красного Орла. Салли не могла отделаться от ощущения, что чьи-то глаза следят за каждым движением троих друзей. Но она прогнала это назойливое ощущение. Позже оказалось, что женская интуиция ее не подвела. Что-то витало в воздухе, и густые темные тучи сгущались над ближайшим горным хребтом.

*

Воздушный корабль с изящным названием «Фортуна» был пришвартован на одной из больших полян, которые несколькими годами ранее огнем и топором были созданы посреди леса золотоискателями, которые использовали дерево в основном для строительства простых хижин и отопления.

Казалось, все жители Джуно и окрестностей высыпали на Поляну, потому что пестрая толпа густо заполняла все ее заломы и нотки. Губернатор Эли Кларк в сопровождении Красного Орла уже ждал возле дирижабля, который даже на скептически настроенных зрителей производил неизгладимое впечатление. Несмотря на то, что LZ 127 Graf Zeppelin должен был иметь более двухсот метров в длину и тридцать пять метров в диаметре, прототип, предоставленный Рокфеллером для экспедиции на Север, был немного меньше и, следовательно, более маневренным, и требовал меньшего экипажа[46].

При виде троих друзей по лицу Красного Орла, стоящего в полшага позади губернатора, пробежала едва заметная тень радости. Эли Кларк приветствовал всех троих улыбкой от уха до уха.

– Вот Аляска в меру двадцатого века! Вот мечта Икара! - Губернатор говорил возвышенным, почти проповедническим тоном.

Новицкий наклонился к Томеку, хрипло шепча::

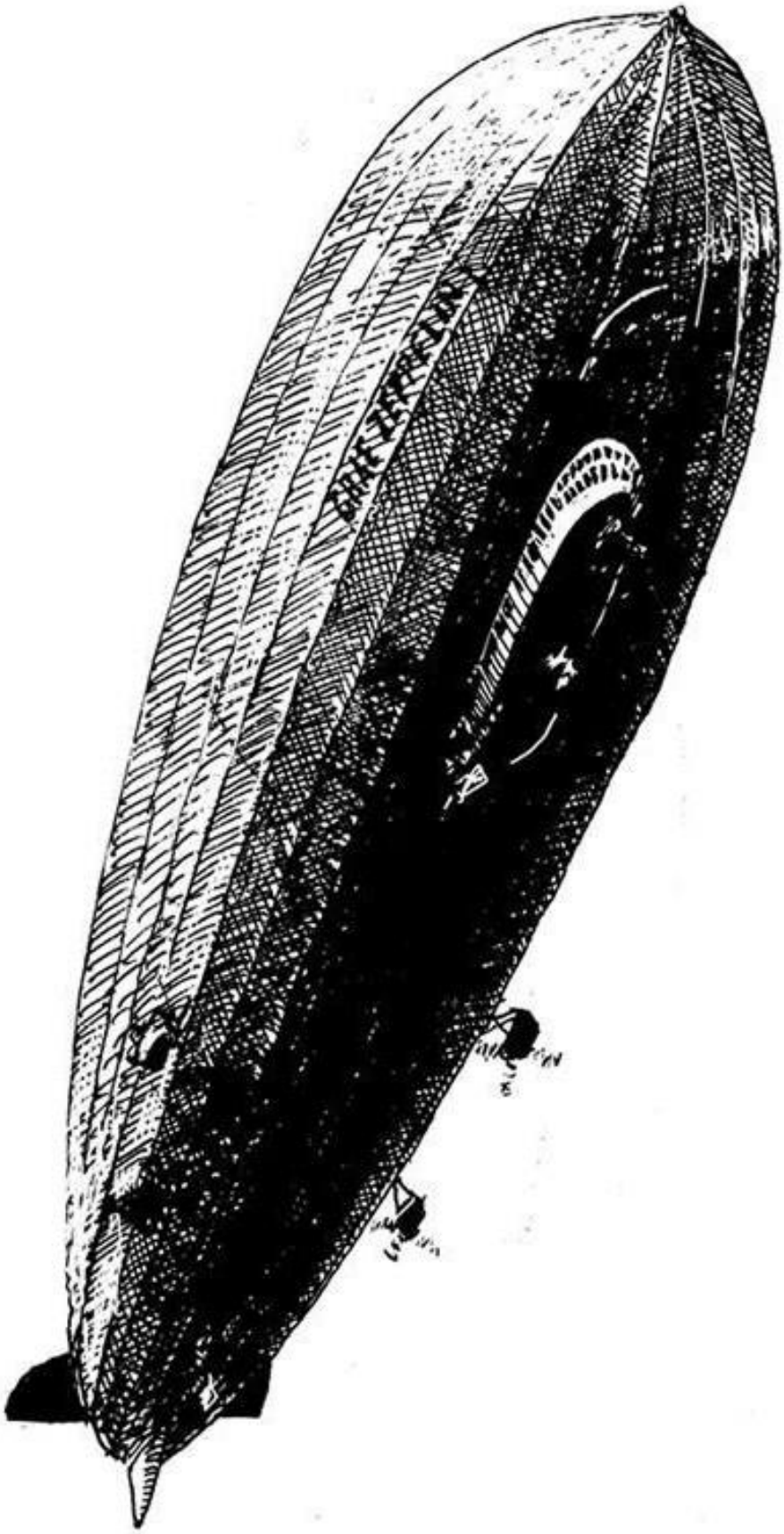
– Только креста и кадила в лапе ему не хватает.

Салли, услышав шутку моряка, чуть не фыркнула от смеха и чтоб скрыть, быстро прикрыла рот ладонью

– С Красным Орлом, насколько я знаю, вы уже знакомы. - Эли Кларк не терял хорошего настроения. - По-моему, ваше снаряжение превосходно. Современное оружие и боеприпасы, продукты герметично закрываются, карты, бинокли. Словом, идеальный комплект. Точно! Это капитан Фортуны, герр Отто Ларсен из Германии. - Губернатор указал на невысокого худощавого мужчину, одетого в кожаную куртку, стоявшего прямо у входа в дирижабль.

Ларсен бесстрастно кивнул и добавил с сильным акцентом:

- Добро пожаловать на борт.



– Мне ничего не остается, как пожелать того, же, что отражает название нашего воздушного корабля, - удачи-дорогие друзья!
– Эли Кларк наклонился к Тому и придерживая его за рукав куртки, добавил: - все заставы, фактории и форты[47] в моей юрисдикции проинформированы, они готовы оказать вам помощь, если вы только попросите ее. Королевская конница [48] тоже. Доусон уже на канадской стороне.

– Спасибо, и, надеюсь, увидимся, – ответил Томек, поднимаясь последним на борт дирижабля.

Только наметанный и чуткий глаз наблюдателя мог разглядеть ничем не примечательную фигуру, голова которой была плотно спрятана под меховым капюшоном. В пестрой толпе, окружавшей дирижабль, сливающийся с окружающими человек, выдавал себя лишь блестящими лакированными туфлями, носки которых торчали из-под длинного плаща, отороченного мехом енота, доходящего до щиколоток .

Глаза таинственного человека тщательно скользили по каждой детали этого необычного события, которым был первый полет дирижабля в столице Аляски. Особенно интенсивно его взгляд фиксировал часть, предназначенную для пилотов, изучая отдельные элементы конструкции.

В тот момент, когда Фортуна отшвартовалась, таинственная фигура, не дожидаясь взлета корабля, повернулась, отказавшись от самой захватывающей части события и направилась к величественному зданию поблизости. Через несколько мгновений в одном из самых дальних его углов послышалось ритмичное и размеренное постукивание от ударов по рычагу передатчика.

Интерьер Фортуны был просторным и светлым. Капитан Ларсен исчез, занятый своими обязанностями. И все

четверо, включая Красного Орла, который, как правило, сохранял каменное лицо, не скрывали волнения.

– - Ты мне не скажешь, браток, что человеку нормально летать, как голубям моего старика на Повислье. - Новицкий явно нервничал.

– Угх! — Разящий Кулак абсолютно прав, — добавил обычно молчаливый Красный Орел. - Рыба плавает, птица летает, а человек...

– Летает! - весело перебила Салли. - Мой брат хотел сказать, что и человек летает.

– Но, Тадек, мир движется вперед. Наверное, твой дорогой отец не представлял, что его сын будет таким же путешественником, как ты, и все же ты такой, - прокомментировал Томек.

– И пусть вас кашалот накроет хвостом! - отрезал Новицкий, садясь возле одного из ящиков. - Я больше ничего не говорю. Я просто хочу снова оказаться на земле.

– Внимание! Взлетаем! - раздался голос Ларссена..

Снаружи был слышен рев могучих двигателей, нарастающий, переходящий в гул. Все они почувствовали мягкий, но ощутимый рывок..

– Томми, Томми! Мы летим! – восторженно воскликнула Салли

– Они смотрели через окно дирижабля из тонкого стекла. Люди и здания быстро становились миниатюрными и терялись. Они быстро набирали высоту, поднимаясь в кристально прозрачном воздухе.

– Мы будем лететь довольно низко для возможностей дирижабля. Не более ста пятидесяти-двухсот метров. Отто Ларссен внезапно появился в маленькой дверце, отделяющей диспетчерскую от пассажирского салона, коротко сказав: «Полеты — это будущее человечества!»

– Надеюсь, посадка тоже запланирована, - мрачно добавил Новицкий.

– Дирижабль набрал скорость, оставив столицу Аляски позади. Они летели плавно, раскачиваемые от работы пяти могучих двигателей, размещенных в гондолах. Долгое время все четверо друзей в безмолвном восторге любовались на гладь еще одного безымянного озера.. — Его берега, за редким исключением, были густо увиты хвойным лесом, который взбирался к безымянным горным вершинам, покрытым снежными шапками и лед. Как и обещал капитан, выше двухсот метров они не поднимались, так что над ними еще была крыша из более-менее перистых облаков.

Путешествие шло лениво, даже скучно. Губернатор позаботился не только о необходимом во время экспедиции инвентаре, но и отлично снабдил кухню. Новицкий, как правило, дремал, а тем временем „бросал что-то маленькое на решетку", как он назвал поглощение горы холодного оленьего жаркого.

Салли и Томек снова и снова расспрашивали Красного Орла о деталях работы на правительство США, а капитан Ларсен не покидал рубки.

День быстро подходил к концу, и отблески полуночного солнца раскрашивали последние краски горных вершин и исчезали в глубинах озер. Используя превосходный бинокль, Томек наблюдал на воде фантастические формы и цвета.

– Мои братья-атабаски [49] из района озера Илиамна говорят, что Беш живет в глубинах некоторых озер, — сказал вдруг Красный Орел.

– Ты имеешь в виду что-то вроде призрачного монстра? - немного иронично спросил Томек..

– Нет! Это животное. - Орел был тверд. - Мой брат знает легенду о шотландском монстре с озера Лох-Несс?

– Мой брат простит меня, если я обидел его. Конечно слышал, - примирительно ответил Томек.

– Это не только легенда! Старый Джош Макгвайер, шотландец по матери и отцу, с которым я довольно долго плавал между Гамбургом и Ливерпулем, клялся всем святым, что в детстве несколько раз видел это чудовище в озере Лох-Несс. - присоединился к разговору Новицкий.

– Смотрите, смотрите туда! Воскликнула вдруг Салли.

Внутри «Фортуны» стало тихо. Снаружи уже почти стемнело, и северный горизонт освещали мерцающие вспышки зелено-серых огней. Вся стена северного горизонта, казалось, колыхалась, как театральный занавес.

– Это северное сияние, - коротко прокомментировал Новицкий.

– *Северное сияние (*Aurora Borealis) *в Северном полушарии а в Южном полушарии - Южное сияние(*Aurora Australis) *[50] - добавил Томек.*

– Правда, Томми?, я австралийка, но никогда не видела такого явления. - Салли выглядела взволнованной.

– О, моя дорогая. Австралис(Australis) не означает, что он встречается во всех частях Австралии. Это больше о южном полушарии, — терпеливо объяснил Томек..

– О, Томми, какая я глупая. Мне абсолютно необходимо узнать об этом больше! - заинтересовалась Салли ...

– Черт возьми! Перед тем, как вы устроите нам здесь ночной академический диспут, я как неформальный руководитель экспедиции объявляю тихий час. - Новицкий прервал дискуссию пары. — Судя по тому, что сказал капитан Ларсен, завтра мы должны быть над Доусоном. Это, пожалуй, единственное преимущество этого летающего монстра в том, что не надо трясти брюхом по лесным кочкам, - добавил он, засыпая, подложив руку под голову.

– Верно, Тадек. Пора спать. — Кто знает, что принесет завтрашний день, — согласилсял Томек, обнимая Салли.

– Через через несколько минут трое друзей уже спали. Только Красный Орел сидел на корточках и о чем-то напряженно думал. Какая-то деталь, которую он не мог вспомнить, теперь беспокоила его. Наконец, утомленный за день, он закрыл глаза и заснул.

*

То, что вырвало всех четверых из сна в тот момент, когда северная ночь быстро приветствовала прохладное утро, можно было назвать коротким: ад. Грохот, дым и запах горящего газа неудержимо смешивались с криками экипажа, доносившимися с нижней палубы. В этой суматохе слышалось призывание капитана Ларсена сохранять спокойствие и оставаться на палубных креслах.Томек, все еще обнимавший Салли, к тому же с помощью кожаного ремня с пряжкой пристегнулся к небольшой металлической рукоятке. Точно так же поступил Новицкий с Красным Орлом. Они чувствовали, что теряют высоту, а Фортуна заваливается на бок, и все незакрепленные предметы смещаются в одну сторону.

Из рубки послышался повелительный голос Ларсена: сбросить газ! Сбросьте газ! Сбросьте газ! Фортуна снизила полет и, казалось, на мгновение вернулась на уровень, чтобы, Однако, после доли обманчивой надежды начать быстро снижаться. В дверях диспетчерской появился Ларсен. Он обвел взглядом всю каюту и покачал головой

– Да хранит нас Господь! Мы падаем! - крикнул он и исчез в рубке управления..

Последнее, что запомнил Томек, - большие глаза Салли уставились на него в надежде, что они в очередной раз выйдут из неприятностей целыми. Он крепче сжал жену, еще ближе притянув ее к себе.

– Я люблю тебя – - тихо сказал он.

– Я тоже тебя люблю, Томми.
– Затем Фортуна врезалась в мягкий песок берега озера. Томек потерял сознание.

Rozdział IV

Dawson

[51]

Бывает, как говорят некоторые, что в самые драматические минуты жизни, когда смерть холодными глазами смотрит на его предсмертный вздох, вся жизнь проносится перед глазами. Предположительно...

Горящие части Фортуны были разбросаны в радиусе нескольких сотен метров от того места, где врезалась пассажирская гондола. Импульс столкновения дирижабля был значительно заторможен мягким илом и мелкой в этом месте водой озера.

Томек с усилием открыл глаза. Он почувствовал полное онемение мышц, а гул в ушах переходил в высокие тона и заглушил крики и крики снаружи. Лежа на спине, он попытался выбраться из того, что всего несколько минут назад было частью гордого воздушного корабля. Он приподнялся на локтях не более чем на десяток сантиметров. Струйка крови сочилась из его рассеченного лба и заливала глаз. Ему казалось, что массивная фигура, напоминающая Новицкого, скользит к нему, раздвигая, как таран, повсюду обломки Фортуны. Он чувствовал крепкую хватку рук на своих руках и обрывки слов, доносившиеся издалека:

– Ни... эти... это... ааа?! Тебе ничего... не... да?!? Ты в порядке, браток?!!! Это был старый моряк с закопченным лицом, трясший его осторожно, беспокоясь, чтобы Томек не получил более серьезного ранения.

– Са ... лли, Салли? - прошептал Вильмовский..

– Она в порядке. Она с Красным Орлом. Вон там! Тадеуш указал на ближайшую группу елей. - Несколько синяков и все!

– А остальные? – с беспокойствол спросил Томек, уже усаживаясь.

– Ларсен оценивает потери. Если бы не его хладнокровие и это озеро, от нас не осталось бы даже мокрого пятна, - бросил Новицкий.

– Но что могло случиться? Губернатор и Ларсен были настолько уверены в надежности этого средства передвижения. - Томек уже стоял на ногах и стряхивал остатки пыли и грязи.

– Как говорил мой старик: рыба плавает, птица летает, а человек ходит по земле! Место человека на земле!

Томек пропустил мимо ушей последнее утверждение друга, тем более, что Салли, успокоившись от первого шока, с тревогой начала искать мужа, а когда увидела его, стоящего на собственных ногах, она выбежала бегом из группы деревьев.

– А, Томми! Томми! Жив! Ты в порядке?! – выпалила она, обнимая мужа снова и снова .

– К счастью, со мной ничего не случилось, и слава Провидению, что и с тобой, и с Тадеком тоже все в порядке. Я бы никогда себе не простил, если бы с тобой что-то случилось в результате моего решения.

– Да ладно, браток! Видно, уже такая судьба нам уготована, что раз на телеге, а раз на ... земле, – вмешался Новицкий, заставив себя слабо улыбнуться.

– Но, что это за трагическая случайность? - спросила Салли, стряхивая с волос остатки травы.

– Это была не случайность - раздался вдруг голос Красного Орла, незаметно вынырнувшего из зарослей, окаймляющих озеро.! Черные волосы навахо, покрытые слоем пепла, беспорядочно ниспадали на его плечи. Его лицо было почернело от дыма, а в глазах был таинственный блеск.

– Что мой брат имеет в виду? - спросил Томек.

Орел, не говоря ни слова, вытянул перед собой руку. В руке он держал то, что еще несколько минут назад было, вероятно, фуражкой одного из пилотов. Томек, Салли и Новицкий, не понимая, в чем дело, вопросительно посмотрели на Красного Орла. И он через невидимое сначала отверстие в передней части фуражки просунул палец.

Новицкий и Томек молча кивнули. Салли, все еще не понимая, что происходит, спросила:

– И что это означает?

– Это говорит о том, что Фортуна разбилась не из-за какой-то неисправности, а из-за того, что в пилота кто-то стрелял. И очень метко – - ответил Томек, вертя в руках дырявую фуражку.

– К сожалению, это правда! - В разговор вступил капитан Ларсен, который уже довольно долго стоял рядом с ними. Пот и вода стекали по его лицу, а из многочисленных ран сочилась кровь. По его лицу можно было прочесть и ярость, и боль. - Второму пилоту за долю секунды до катастрофы показалось, что он видит со стороны Земли вспышку выстрела. Тогда Гудей, тот самый бедняга, которому принадлежала эта фуражка, опустился на штурвал, разбив его по основанию. Было слишком поздно реагировать, и ... мы рухнули....

Новицкий внимательно огляделся вокруг.

– А это означает, что на нас кто-то охотится и... - тихо сказал он.

– ...а значит, враг где – то еще здесь, - закончил Томек. - Тадку, ты знаешь, что делать? Капитан, какие у нас потери?

– Новицкий молча кивнул и направился к остаткам пассажирской гондолы. Красный Орел молча последовал за ним.

– К сожалению, трое погибших, пятеро тяжело и легко раненых. К счастью, у остальных десяти только синяки и царапины.

– Салли, займись ранеными. - Капитан, - молодой Вильмовский не терял хладнокровия, - прошу назначить ей кого-нибудь на помощь, а остальных вооружить тем, что найдет Тадеуш. Встретимся через пять минут у той ели.

Ларссен одобрительно кивнул и направился к своим людям, плотно сбившимся в кучу. Только Томек заметил Новицкого, нагруженного уцелевшими винтовками, как услышал прямо над ухом голос Красного Орла, который снова незаметно приблизился к своему другу.

– Два стрелка. Два выстрела. - Навахо на открытой ладони держал две гильзы.

– Мой брат не теряет времени даром, - с признательностью сказал Томек.

– По крайней мере, у одного из них был длинный глаз. Красный орел уже видел нечто подобное.

– Длинный глаз???

– Позволяет сделать точный выстрел даже с расстояния в одну милю[52] — объяснил индеец.

– Знаю! Оптический прицел [53]. Я слышал об этом, и это может означать, что мы имеем дело либо с военными,

чего я исключаю, либо с кем-то, кто имеет доступ к техническим новинкам, — подытожил Вильмовский.

– В любом случае, птички сделали свое дело и улетели, как я понял? - Новицкий присоединился к Томеку и Красному Орлу.

Томек в подтверждение кивнул.

Караулы расставлены, а наша синичка занимается ранеными, словно всю жизнь трудилась в госпитале Младенца Иисуса на охоте[54]. Капитан Ларсен хочет остаться с ранеными, тем более что до Доусона меньше трех часов ходьбы.

– Я не думаю, что это было случайно. Я думаю, что кто-то охотится на нас и очень не хочет, чтобы мы достигли цели нашей экспедиции. - Томас вернулся к прерванной теме.

– Вопрос только в том, как этот кто-то узнал о нашем полете из Джуно в Доусон и, прежде всего, как он добрался сюда раньше нас. Вот, браток, загадка....

– Здесь нет никакого секрета. Телеграф, Тадек. Кто-то прислал сообщение о рейсе Джуно-Доусон и именно с этой стороны пришли убийцы, а значит, мы имеем дело не только с очень хорошими стрелками, знающими местность, но и с организованной группой, — пояснил Томек..

– Угх! - подтвердил Красный Орел..

Вся четверка подошла к наскоро организованную полевую больницу – чудом уцелевшие элементы обшивки дирижабля представляли из себя временное укрытие.. Салли вместе с двумя людьми Ларссена петляла между ранеными. Мрачное впечатление произвели на всех лежащие неподалеку тела, накрытые обгорелыми и пропитанными дымом одеялами. В воздухе все еще стоял густой смрад горящего топлива.

Томек обвел взглядом все место пожара. Капитан Ларсен, хотя это удавалось ему с видимым трудом, старался быть спокойным.

– С остальными выжившими после катастрофы я остаюсь на месте. Мне нужно подлечить раненых, чтобы они смогли добраться до Доусона своими силами.

Вильмовский кивнул и добавил:

- Мы сообщим ближайшему участку королевской конницы о катастрофе и вашем местонахождении. Они Вам помогут.

– Видно, что мы находимся к юго-востоку от Доусона и, идя вдоль берега озера, мы сможем через час добраться до одного из притоков Юкона на той же стороне, где лежит город – - дополнил Новицкий через несколько мгновений, который вместе с Красным Орлом изучал карту.

– Итак, в путь. Мы должны добраться до Доусона ближе к вечеру - скомандовал Томек.

Прощание с капитаном Ларсеном и остальной частью уцелевшего экипажа было коротким и мрачным..

– Надеюсь, увидимся при лучших обстоятельствах, герр Вильмовски – - грустно бросил Ларссен..

Томек кивнул. Они закинули на спину ручной багаж, оружие и с интервалом в несколько метров двинулись на северо-запад. К счастью, компас, с которым Томас никогда не расставался во время экспедиций, не был поврежден. Красный Орел лидировал, опережая трех друзей на добрых несколько десятков метров.

Они шли вдоль озера без названия. Кое-где уже были видны признаки стремительно приближающейся весны. Пучки зеленеющей свежей травы робко пробивались над слоем земли, оттаивающей после многомесячной зимы. Кое-где из зарослей леса доносились свист и пение птиц, почувствовавших приближение весны..

После часа марша Салли внезапно подняла руку, замедлив шаг.

– Стоп!

– Что случилось? - забеспокоился Томек.

– Посмотрите, как мы все выглядим! То, что мы идем почти невредимыми после катастрофы, не означает, что мы должны быть в грязи - заявила девушка.

– Ну же, браток! Наша синица заботится не только о тебе, но и о всей нашей экспедиции. Ну-ну, если так дальше пойдет, то я буду самым элегантным моряком на этой пустоши – усмехнулся Новицкий.

– Я вижу, твой юмор вернулся, Тадек, это очень хорошо - прокомментировала Салли, умываясь водой..

– Не только юмор, но и хотелось бы что-то поджарить, потому что для меня кишки играют похоронный марш. - Новицкий, по примеру Салли, тоже умылся..

– К сожалению , с едой придется подождать. У нас нет с собой припасов и нам некогда охотиться, - ответил Томек, тщательно вытирая руки и лицо..

Внезапно появился Красный орел. На его лице на долю секунды показалось удивление.

– Пусть мои братья поспешат. Недалеко отсюда стоит лодка, идущая в город. Они обещали взять нас с собой – - бросил он..

Без лишних вопросов они двинулись за Навахо, который снова скрылся за излучиной озера.

Пройдя несколько сот метров по заболоченной местности, они оказались в небольшой бухте, окруженной с трех сторон обвалившимися скалами. В нескольких метрах от берега пришвартовалась лодка длиной несколько метров, которая, по быстрой прикидке Новицкого, могла вместить десять человек.

– Рад приветствовать вас на борту моей скромной лодочки. Меня зовут Стефан Ярош [55]. Натуралист и путешественник.

Новицкий и Томек переглянулись, не скрывая огромного удивления.

– Стефан Ярош? Поляк? - спросил Томек по-английски.

На этот раз Ярош не скрывал удивления.

– Я рад, что так далеко от моей родной страны кто-то знает, что несмотря на неволю, такая страна все же существует, - ответил он с удовлетворением.

– Меня зовут Томаш Вильмовский, а это Салли Вильмовский и Тадеуш Новицкий и Красный Орел - навахо – - уже по-польски представился Томек.

– Великие небеса! Соотечественники! Кто бы мог подумать! Ну, кто бы мог подумать! - Ярош чуть не подпрыгнул от радости. – Пожалуйста, проходите. Ваш проводник говорил что-то о катастрофе, что вы упали с неба или что-то в этом роде, но кто бы мог понять краснокожего.

– Красный орел-не наш проводник, а друг, – твердо подчеркнул Томек. - А то, что мы упали с неба, это правда. дирижабль, на котором мы летели с Джуно, был, скажем так, неисправен. Мы чудом выжили без серьезных травм и мы хотим добраться до Доусона.

– Прости, мой друг, если я обидел тебя, но ощущение, что я встретил своих земляков в таком отдаленном уголке мира, казалось, совершенно лишило меня на время моих хороших манер и воспитания. Ярош обратился непосредственно к навахо.

Красный Орел согласно кивнул, не говоря ни слова, и бросил свой багаж на дно лодки. Проводниками польского географа, как оказалось, были два индейца-тлингита [56], которые с большим умением вели одномачтовую лодку, обходя валуны, обломки сломанных деревьев и другие препятствия, скрытые в водной пучине.

Ярош рассказывал о цели своей поездки с энтузиазмом и подробностями. Он хотел подняться на самую высокую вершину Аляски, Денали, в одиночку, одновременно исследуя природу вокруг самой высокой горы в Северной Америке[57]. Томек с большим любопытством слушал рассказы путешественника о фауне и флореАляски и о большом потенциале этой самой северной части Америки..

– Вы должны знать, дорогой друг, что наши соотечественники имеют огромную заслугу в изучении и изучении местности Аляски. Достаточно сказать, что первым губернатором этой территории был Владимир Кржижановский[58], - гордо говорил Ярош.

– Вот это история! Наш земляк на таком посту – - вступил в разговор Новицкий.

– Кржижановский — чрезвычайно колоритный персонаж. Об этом можно говорить часами. Он тоже был генералом гражданской войны, воевал на стороне Союза, - добавил натуралист. - Я верю, что еще будет возможность поговорить не только о Кржижановском.

Несколько мгновений они уже плыли по быстрому течению Юкона, с которым было связано безымянное озеро. Лодка сделала плавный маневр, умело избегая огромной ветки дерева, только что проплывавшей мимо. Салли, которая до сих пор была немного мрачной, зажатой между багажом, вдруг вскочила на ноги и побежала к краю лодки. Она перевесилась вся за борт, цепляясь руками. Через некоторое время она глубоко дышала, вытирая мокрые глаза и рот.

– Дорогая, что случилось? - спросил Том с беспокойством.

– Наверное, из-за перегрузки и постоянного раскачивания меня тошнило, объяснила Салли.

– Последние дни сказались на всех нас. Встреча с айсбергом, затем катастрофа Фортуны. Ты права, все это действует на нервы, - сказал Том, обнимая жену..

– Впереди Доусон! - крикнул вдруг Ярош..

Путешественники увидели город, зажатый между могучей рекой с одной стороны и горным хребтом с другой. Вершины все еще были покрыты снегом и льдом. Расположение самого города было похоже на свежеиспеченную лепешку с правильными формами . Главная улица представляла собой довольно широкий проспект с двухэтажными кирпичными домами. Некоторые из них просто шокировали своим щегольством и размахом, выделяя себя на фоне остальных. В переулках, характер которых напоминал протоптанные лосями тропы или лесные тропинки, стояли совсем неровные, скученные или беспорядочно разбросанные деревянные избы.

Эта пестрота явилась результатом поспешного основания этого города-эфемериды, рожденного золотой лихорадкой, охватившей весь мир, привлекшей в течение нескольких месяцев в маленькое шахтерское поселение десятки тысяч жителей. На пике своего развития город насчитывал почти пятьдесят тысяч жителей и был одним из северных мегаполисов. Отели, банки, филиалы дорогих нью-йоркских складов, роскошные заведения и штаб-квартиры газет вырастали здесь, как грибы после дождя. Все это подпитывается одним топливом , которое- завораживает и снижает ваше здравомыслие. Золото.

Лодка достигла берега. Ярош вместе с тлинкитами и Салли отправился в гостиницу, расположенную в центральной части города, а Томек и Новицкий решили немедленно сообщить о катастрофе Фортуны в штаб местной Северо-Западной конной полиции[59], а также отправить сообщение губернатору в Джуно.

Ближе к вечеру участники всей поездки нашли место под названием Lucky Place [60], которое несколькими годами ранее считалось зеркальным отражением нью-йоркских ресторанов. Конец эпохи золотой лихорадки лишил владельцев колоссальных доходов за один год, и город обеднел, потеряв более зажиточный сегмент своей клиентуры. Тем не менее, Lucky Place все же мог удовлетворить даже самые взыскательные вкусы гостей, которых, несмотря на раннее время, было достаточно много, чтобы заполнить большой интерьер.

Ярош и Вильмовски договорились, что продолжат свое путешествие вместе, по крайней мере, до Фэрбенкса [61]. Польский географ в очередной раз поразил всех своим знанием природы. Он сыпал названиями животных, растений и мест. Салли, уставшая от тягот путешествия, отдыхала , а Красный Орел вместе с тлингитами отправился на ближайший склад компании Хадсон-Бей-Компани, которая снабжала в основном многочисленных звероловов и любителей праздничной охоты. Индеец хотел пополнить инвентарь, потерянный в катастрофе.

В это время Новицкий отправился в порт, чтобы купить билеты для всех участников очередного путешествия вверх по Юкону, в который впадала Танана[62] - река, протекающая близ Фэрбенкса. Не прошло и часа, как могучий моряк кисло сел за стол, занятый Томеком и Ярошем. Не говоря ни слова, он выпил стакан виски у вездесущего официанта.

– К сожалению, это не Ямайка – - сказал он, отставляя пустой стакан. Томек вопросительно посмотрел на друга.

– А во-вторых, к сожалению, браток, ближайшее судно вверх по течению отходит завтра вечером, и даже бочковой селедке некуда втиснуться. Там так много людей!

– Вот тебе и невезение! А когда следующий корабль? - спросил Ярош.

– В том-то и дело, что никто не знает, но не раньше, чем через несколько недель – - ответил Новицкий.

– Это усложняет дело. Путешествие в это время года на другом транспортном средстве, кроме корабля, — это, во-первых, неизвестное время, которого у нас нет, а во-вторых, множество неожиданных опасностей. -Томек вслух обдумывал положение

– Что ж, всем следует знать, что в это время года не только Юкон, но и другие более мелкие реки могут внезапно удвоить свой объем в результате весенних оттепелей, — пояснил Ярош.

– Не везет, так не везет... - Новицкий опрокинул второй стакан виски, подставленный официантом.

Внезапно появился Красный Орел. Он сел рядом с Томеком с невозмутимым лицом.

– Все в порядке. Патроны, пемикан, несколько ножей, - перечислил Навахо. - Тлинги охраняют инвентарь..

– Мой брат хорошо справился. К сожалению, у нас есть проблема с дальнейшим путешествием. На корабле нет ни одного места. - изложил ситуацию своему другу Вильмовский.

Внезапно из-за соседнего столика поднялся мужчина среднего роста. Он был одет аккуратно, если не сказать изысканно, по меркам Доусона.

– Господа, простите, пожалуйста, вашу дерзость, но я уже давно прислушиваюсь к разговору джентльменов, и у меня складывается впечатление, что я мог бы помочь вам найти выход из вашего неудобного положения - он говорил на безупречном английском, хотя и с чуть уловимой французским акцентом. - Извините, я не представился. Я

Жан-Клод Риго, уполномоченный совета компании Гудзонова залива по северным исследованиям.

– Присоединяйтесь к нам, мистер Риго. - Томек указал на место слева от себя..

– Спасибо. Пожалуйста, зовите меня Жан-Клод, — ответил он. - Господа, я хотел бы быть ясным с самого начала. Что ж... Завтра над Доусоном состоится последняя в сезоне гонка на собачьих упряжках. Компания Гудзонова залива на протяжении многих лет всегда ставила свою команду на соревнования. Так должно было случиться и в этом году. К сожалению, мои два участника бесследно исчезли вчера, поставив меня и компанию в довольно... скажем так, затруднительное положение.

– Я не совсем понимаю, как мы можем помочь. - Томек не скрывал удивления.

– Теперь, если двое из вас примут участие в завтрашней гонке, оказав мне такую ценную услугу, то я приглашу всех вас в ту часть Мэри Луис, которая предназначена исключительно для сотрудников Компании.- Риго, увидев изумление на его лицах, добавил: Господа, это завтрашний круиз, на который билетов нет и больше не будет!

Красный Орел склонился над ухом Тома на мгновение, что-то объясняя..

– К сожалению, мистер Жан-Клод. Никто из нас не погонщик собак, так что ... - Новицкий был явно раздражен ситуацией. Тем более что официант, до сих пор ревностно исполнявший свои обязанности по отношению к матросу, куда-то пропал.

– Мы принимаем предложение! - вдруг выпалил Том, перебивая Новицкого, который с удивлением повернул голову в его сторону.

– Отлично! Тогда отдохните и увидимся завтра в восемь утра. У вас будет время, чтобы ознакомиться с маршрутом и подружиться с нашей упряжкой. Спокойной ночи.
– Риго был очень доволен таким поворотом событий.

Когда они остались одни, Новицкий взорвался:

– Ты что, браток, с ума сошел?! Ни ты, ни я никогда не ездили на собачьих упряжках! Тем более в соревнованиях!

– Мы нет, но Красный Орел только что прошептал мне, что он много раз пользовался этим видом транспорта, работая на правительство США. Зимой это единственный транспорт. - успокоил своего друга Вильмовский.

– Ну, не знаю, не знаю... но одно я знаю точно ...

– Новицкий взял у официанта долгожданный стакан виски. - Это мой последний глоток сегодня вечером. А вам советую хорошенько выспаться – - закончил он, многозначительно указывая пальцем на Тома и Навахо.

Они поболтали еще несколько минут, после чего разошлись.

Рассвет следующего дня встретил их полуночным солнцем, беспардонно светящимся под их закрытыми веками. После быстрого завтрака все пятеро вместе с Салли, которая уже чувствовала себя намного лучше, отправились встречать Риго. Только тлинкиты остались охранять снаряжение.

Я был уверен, что вы не подведете ни компанию Гудзонов залив, ни меня. - Жан-Клод встретил всех лукаво широкой улыбкой. - А вот и наша стая! Одни красивые и опытные экземпляры – - добавил он, указывая на девять похожих на волка лохматых четвероногих. Это были типичные аляскинские собаки, и их родословная недалеко отклонялась от родословной их лесных братьев. Особенно выделялся вожак стаи, которого Риго красноречиво называл Спид[63]

Толпа зевак собралась возле штаб-квартиры НВС, прямо у центра Доусона. Здесь лежал немного спрессованный снег, припорошенный за ночь.

Весь маршрут длиной в три мили был отмечен цветными котильонами и вел на первом участке легким подъемом-вокруг холма, на склонах которого снег держался еще довольно хорошо.

Салли, Новицкий и Ярош заняли свои места рядом с Жан-Клодом Ригой. Он улыбался, захваченный атмосферой предстоящей гонки..

– Это довольно уникальное соревнование, - рассказывал он. - Насколько мне известно, больше нигде не встречается.

Маршеров-то двое, и они ежеминутно меняются на санях. Пожалуйста, обратите внимание на нашего лидера[64]. Только внешне он выглядит вялым предводителем. - Риго указал на протяжно зевающего могучего хаски, который стоял в стае первым.

На старте выстроилась дюжина или около того двоек Машера, в том числе несколько индейцев. Красный орел уже давно неторопливо, даже флегматично прохаживался по стае, приседая рядом с каждой собакой. Тому показалось, что он шепчет всем на ухо несколько слов.

Суматоха нарастала. Собаки, чувствуя приближение старта, все больше возбуждались и издавали звуки с поразительными тонами и тембрами. Навахо сосредоточенно объяснял тому правила забега.

Вдруг над этой всепоглощающей суетой прозвучал голос комиссара соревнований. Через металлическую трубу он приглашал все упряжки на стартовую линию-ее насыщенный красный цвет четко отсекался от снежного фона. Воздух на миг словно затих, собаки затихли, напрягая наготове каждый мускул для прыжка. Раздался выстрел, сигнал к старту. Внезапно все пришло в движение. Энергия, накопленная в каждом фрагменте собачьих тел, взрывалась, подгоняемая лаконичными командами маршеров. Все тронулись.

В первый момент Томек под воздействием чрезвычайно сильного рывка собак чуть не выпал из саней. После этого он внимательно слушал короткие реплики Красного Орла и пытался подражать его действиям. Они перепрыгнули первые несколько десятков метров. Сани, хорошо смазанные бобровым салом, плавно скользили по слегка подмороженному снегу. Риго, подчеркивая класс своих собак, знал, что говорил, потому что еще через несколько сотен метров перед Томеком и навахо было всего два

экипажа, а сзади еще три, остальные десять были далеко позади.

Они прошли половину маршрута. Томек со все возрастающим восхищением смотрел на Красного Орла, который правильными командами и великолепному балансированию тела умело управлял упряжкой. Покраснели щеки маршеров-в порыве ветра и щипало от легкого мороза. Их дыхание стало тяжелее, потому что на подъемах они были вынуждены спрыгнуть с саней и бежать почти вровень с собаками.

Команда, открывавшая соревнование, во главе с двумя индийцами из окрестностей городка Уайтхорс [65], явно вышла вперед. За ним шли еще две команды.

Упряжки двигались довольно ровно, разрывая полозьями, казалось бы, однородный слой снега, сцепившийся с землей многомесячными морозами. Навахо хоть и ловко руководил командой, но не смог избежать всех ухабов, таящихся под слоем снега. При спуске со склона, внешне выглядящего пологим, когда полозья саней неоднократно натыкались на скрытый крупный камень или пустое место, скрытое под снегом, Томек неудержимо подпрыгивал. Только благодаря прочному кожаному ремню, соединявшему его с Красным орлом и санями, удалось избежать опасного падения с саней.

Гонка вступала в решающую фазу. Следующие несколько сотен метров шли по довольно узкому уступу скалы, и после пологого поворота начался длинный финиш перед штаб-квартирой компании Гудзонова залива.

Рядом с упряжкой Тома и Красного Орла, воспользовавшись щелью между высокой стеной хребта и сбруей двух друзей, показалась собаки во главе с подрастающим маламутом, такого белого цвета, что едва отличался от заснеженной земли , прошло незаметно. Орел отреагировал короткой командой, ускорив бег упряжи.

Внезапно метрах в дюжине над ними послышался гул, который с каждым мгновением становился все сильнее. Навахо погнал собак, на этот раз используя высокую и гортанную команду. Сани дернулись. Они еще больше ускорились. Поднялся глухой гул, сотрясая узкую дорожку. С вертикальной стены покатилась лавина камней, сначала мелких, потом все крупнее и крупнее. Томек быстро понял, что происходит. При этом огромный валун упал менее чем в метре от заднего края саней.

Ускользнув от опасности, Красный Орел остановил упряжь. В то же время первые две команды, не зная о ситуации, победоносно въехали в Доусон. Они заняли третье место.

– Нам повезло – - бросил Томек, стоя в клубах пара, вырывающихся из зияющих собачьих морд. Навахо молчал и смотрел на гору валунов и камней.

– Красный орел уверен, что перед сходом лавины он видел человека на вершине хребта – - коротко сказал он..

– А это значит, что... - Томек оборвал голос.

– Что за нами все время кто-то охотится, — закончил навахо.

Томек осмотрелся по сторонам, но ничего тревожного не увидел. В ветвях елей мягко плясал еще утренний ветер, стряхивая ночной иней и остатки снега.

– Надо вернутся в город.

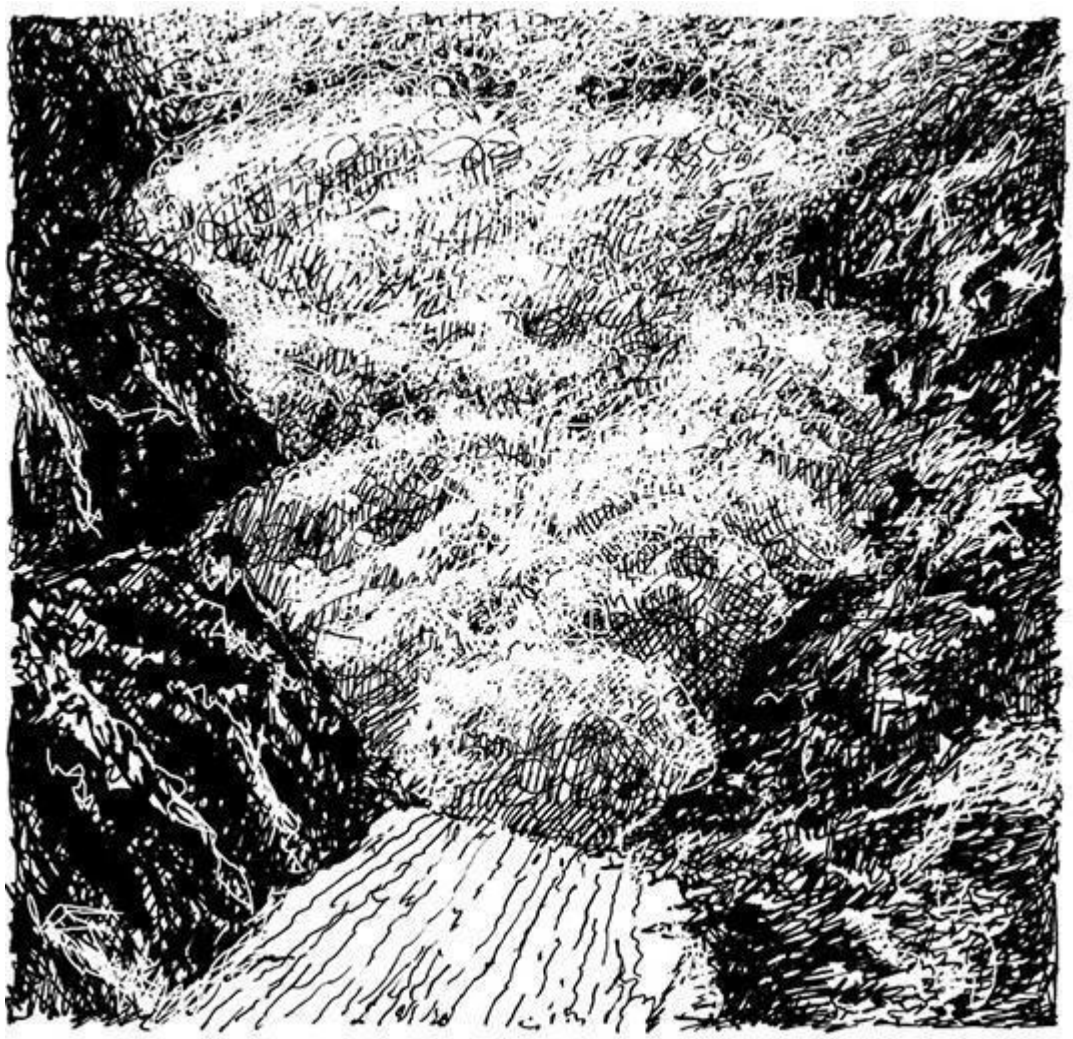
– Угх! Красный Орел ответил, приказывая стае трогаться. Через несколько минут они оказались перед зданиями НВС. . Толпа приветствовала победителей, хотя некоторые с тревогой наблюдали за следующими прибывающими экипажами, не подозревая об опасности, нависшей над тропой. Жан-Клод Риго был вне себя от радости.

– Я был уверен, что Вы меня не подведете. Занять третье место сразу после фаворитов — это большая удача! Искренне поздравляю и благодарю от себя и от имени Компании! Приглашаю всех вас на самый роскошный ужин, какой только можно устроить на борту «Мэри Луис», который отправляется ровно в полдень!

– Поздравляю, поздравляю, - присоединился Ярош, улыбаясь Томеку и навахо.

– Только Новицкий и Салли заметили, что что-то не так. Но, чтобы не нарушать радостного настроения, они преодолели свое любопытство.

–



Вскоре один из сотрудников Компании подошел к Риго, сообщив о сходе лавины. Жан-Клод какое-то время молча слушал.

- Самое главное, что никто не пострадал, - сказал он. - Что ж, дамы и господа, увидимся в полдень в порту...

Они отправились в обратный путь к Лаки-Плейс. Не желая терять времени, Навахо шепотом объяснял Тому все секреты вождения собачьих упряжек. Ярош с Новицким в лучших традициях справлялись об идеальном рецепте маринования оленьих ног. Когда они приблизились к отелю, Салли дернула мужа за рукав, сказав:

– Мне хочется еще подышать этим чудесным воздухом, дорогой. Пойду немного прогуляюсь и, кстати, сделаю несколько набросков Доусона.

Томек, привыкший к идеям жены, появлявшимся внезапно, не возражал. Добавил только:

– Только не возвращайся слишком поздно. Нас ждут довольно изнурительные дни, поэтому нет смысла тратить силы.

– Конечно, дорогой, – вкрадчиво согласилась Салли. Хлопая ресницами и встав на цыпочки, она поцеловала Тома в щеку.

Вильмовский улыбнулся и проводил взглядом жену, исчезнувшую через некоторое время за углом ближайшего здания.

Салли, как только убедилась, что за ней никто не следит, поплотнее натянула капюшон на голову и решительно направилась к ближайшему холму. У нее была четкая цель. Ожидая финиша собачьих бегов, она поговорила с Жан-Клодом Риго о близлежащем и одном из старейших золотых приисков в этом районе. Шахта была закрыта в течение многих лет, и Риго настоятельно рекомендовал не

проникать в шахту из соображений безопасности. У девушки был бунтарский характер, и во время рассказа Риго она решила хотя бы на мгновение посетить заброшенный золотой рудник в Доусоне.

Она оставила позади последний дом и по заснеженной и едва заметной тропинке взобралась на скальный уступ. Это стоило ей больших усилий. Она почувствовала, как по ее плечам стекает теплый пот. Наконец она встала перед огромным входом в скальный грот, заколоченным старыми досками. Она повернулась к городу. Вид был передний. Приближался полдень, и в Северном солнце панорама города производила огромное впечатление. Все более интенсивные солнечные языки обнажали другое, весеннее лицо Доусона. Она набрала полные легкие воздуха. На мгновение она почувствовала легкое головокружение, но через секунду минутное утомление от лазания сменилось приливом сил. Она повернулась ко входу в шахту. Их скрыла большая куча металлолома, старые веревки и много шахтного мусора. Салли быстро собрала что-то вроде простого фонарика. Она подошла ближе ко входу. Она проигнорировала старую едва заметную табличку с надписью «Не заходить!» Доски, много лет подвергавшиеся снегу, морозу, дождю и солнцу, были уже сильно изношены, и достаточно было приложить небольшое усилие руки, чтобы ослабить ржавый гвоздь в его самом слабом месте, так что прогнившая перегородка упала, открыв проход.

Изнутри повеяло холодом, и Салли почувствовала запах, который не могла определить. . Полумрак, царивший сразу после входа, через мгновение озарился тусклым сиянием факела.Она медленно шла по коридору вглубь. . Подняв факел, она с любопытством разглядывала останки того, что еще десяток лет назад зажигало умы людей со всего мира. Стены шахты имели очень неровную поверхность с видимыми следами кирок и других горных инструментов..

Ей приходилось быть осторожной, потому что под ногами снова и снова хрустели, словно оставленные в спешке, остроконечные элементы того, что когда-то наверняка составляло одно функциональное целое чего-то совершенно необходимого при добыче золота.Теперь одинокие, брошенные элементы, неизвестного назначения кое-где валялись на дне коридора.

„В принципе ничего интересного", - подумала она. Она уже приняла решениео возвращении, когда прямо у входа, в десятке метров от себя, она увидела очертания фигуры. Солнце светило ей прямо в спину точно так, что она не могла видеть ничего, кроме неподвижной тени..

– Кто там? Здравствуйте! Кто Вы? – закричала девушка.

– Тень некоторое время молчала. Он мощно растянулся в полумраке. Внезапно до ее ушей донесся умноженный реверберацией пещеры звук слова.

– Хороших снов!

Тень исчезла, и прежде чем она успела что-либо сделать, мощный взрыв отбросил ее на несколько ярдов дальше по темному коридору. Она только слышала, как сотни килограммов камней усыпали вход в шахту. На мгновение наступила полная тишина и темнота. Она попыталась пошевелить руками и ногами. К счастью, похоже, она не получила никаких травм. Она все еще сжимала тлеющий факел в правой руке. Она ощупывала спички почти в темноте. Факел снова вспыхнул.

– Браво, Салли! Поздравляю! Ты опять вляпалась в неприятности, - сказала она себе.

Однако дочь австралийского пионера не потеряла хладнокровия. Если главный вход в шахту был засыпан, он попытается найти другой. Риго упомянул ведь, что из соображений безопасности в шахтах такого типа всегда строились дополнительные выходы, как раз на случай подобных событий. С горящим факелом в руке она двинулась по темному коридору. Уже через несколько

десятков метров она почувствовала легкое дуновение холодного воздуха. Она осветила пространство справа от себя. Да! От главной штольни отходил чуть меньший коридор. Она двигалась быстрее. Через несколько минут она была на поверхности. Она облегченно вздохнула, отряхивая каменную пыль и пыль. Оказалось, что запасной выход был всего в десятке метров в сторону от главного. Не оглядываясь по сторонам, она двинулась в сторону Лаки-Плейс, которая в этот момент приобрела для нее совершенно новый смысл.

Через несколько минут быстрой ходьбы она была на месте и, воспользовавшись боковым входом, оказалась в гостинице. Она сняла туфли. Ей хотелось тихо и незаметно оказаться в комнате. Удалось. К счастью, Тома внутри не было. Она сбросила с себя куртку и посмотрела в зеркало. На лице у нее было несколько мелких царапин. Она быстро промыла его водой. Только сейчас напряжение ослабло. Она еще раз посмотрела в зеркало:

- Не сомневайтесь, госпожа Вильмовская! Несомненно! На нас кто-то охотится!

Rozdział V

Na Jukonie

Солнце уже давно склонилось на вторую часть своих суточных часов, заливая борт и часть палубы темными потоками. Мэри Луис оказалась небольшим речном судном с одной одной дымовой трубой, из которой в чистый Северный воздух струился черный дым. Источником топлива служил сгоравшие древесные отходы., которая приводила в действие паровую машину. Корабль, при условии постоянного пребывания, мог взять на борт не более тридцати человек. Небольшой пассажирский уровень, рассчитанный на экипаж из нескольких человек и гостей Hudson's Bay Company, располагался под палубой.

Юкон на этом участке имел множество притоков и многочисленные отмели, скрытые в это время года, особенно в прибрежных зонах, под тонким слоем льда. Несомненно, река была крупнейшей водной артерией на северо-западе Северной Америки, [66] труднопроходимой даже в течение короткого весеннего и летнего периода здесь. Огромные массы воды стекали по склонам гор, толкаемые силой весенней оттепели, и часто вырывали с корнем огромные деревья. Таким образом создавались пороги на основе многочисленных подводных валунов, представляющих смертельную угрозу для тех, кто пытался добраться к северу или югу от городка Уайтхорс. К Юкону

выше Доусона присоединялась небольшая по меркам Аляски река Фотимайл(Сороковая миля) [67] — затем она отскакивала на юго-запад и после впадала в Танана [68], чей приток Чена доходил до Фэрбенкса.

Мэри Луис, ведомая умелой рукой рулевого, скользила по центру течения. Рулевой находился в постоянном контакте с пилотом, предупреждавшим об опасности. Пассажиры, как правило, предавались дремоте, прерываемой лишь на скромное питание. Снова и снова, как на правом, так и на левом берегу реки, можно было легко различить могучего лося, спокойно наблюдающим за судном. В другом месте медведица гризли[69] предусмотрительно отгоняла от речных отмелей свое потомство, которое появилось на свет несколькими месяцами ранее.

Четверо друзей, как и остальные пассажиры, по очереди дремали или болтали, не делая ничего особенного. В основном они сосредоточились на катастрофе дирижабля и каменной лавине на маршруте гонок на собачьих упряжках. Все согласились, что оба события тесно связаны. Ярош, пользуясь присутствием Жан-Клода Риго, расспрашивал подробности, касающиеся флоры Аляски, в то время как два молчаливых тлинкита предпочли остаться на борту..

– - Присоединяйтесь к нам, мистер Вильмовский. Ваши спутники тоже. Господин Риго рассказывает очень интересные вещи о компании Гудзонова залива, - как-то сказал Ярош.

– Помещение было пропорционально маленькому кораблю в целом. Новицкий, забившись в один из углов кают-компании, прислонился спиной к задней стенке, а его правая рука касалась бортовой палубы, являвшейся также внешней стенкой пассажирской палубы.

– - Присаживайтесь поудобнее, насколько сможете, в этой скорлупке. - Риго дружелюбно прищурился. - Я рассказываю мистеру Ярошу историю компании Гудзон-

Бей, которая, в конце концов, неразрывно связана с историей всей Америки.

– - Что Вы хотите сказать? Новицкий проявил интерес. — Вы имеете в виду, что ваша компания пришла сюда с Колумбом?

– –О, нет! – Жан-Клод улыбнулся. - История Компании Гудзонова залива, правда, восходит почти к середине семнадцатого века, но, конечно, гораздо позже, чем первые французские и английские колонии на территории Северной Америки.[70] сегодня, с точки зрения двадцатого века и нескольких сотен лет, можно говорить об этой истории, даже несколько критически, ибо и есть о чем.

– - Что вы имеете в виду? - спросил Томек..

– - Ну, надо же понимать, что Северная Америка, какой мы ее знаем, выросла из разбойничьего завоевания земель, принадлежавших туземцам, завезенных сюда болезней и рабов из Африки, - в одной строке упомянул Жан-Клод..

– - Вы, кажется, подрываете весь прежний мировой порядок - - заметил Ярош.

– - Ничего подобного! — Я констатирую факты, — продолжал Риго. - Когда в 1670 году была основана Компания Гудзонова залива, на этом континенте господствовало постоянное соперничество между Англией и Францией, привезенными из Европы, и самому моменту ее создания предшествовало не что иное, как стремление получить максимально возможную прибыль. из меховой торговли, на которую был огромный спрос на Старом континенте. Каждый хотел иметь бобровую меховую шапку.

– - И что в этом плохого? - вмешалась Салли..

– - В бобровой шапке? Ничего, конечно – -несколько иронично ответил Жан-Клод. - Тем не менее растущее желание наживы и растущие заказы из Европы приводили к битвам, столкновениям и даже войнам, в которых всегда проигравшими были индейцы.

– - Ну, не из-за бобровых шуб шли войны с индейцами? - попытался пошутить Новицкий.

– — А если я скажу вам, что бобр — символ опустошительной эксплуатации, сможете ли вы в это поверить? Войны между Францией и Англией за влияние и господство в Северной Америке на самом деле всегда велись из-за ресурсов, и чтобы использовать эти ресурсы, индейцев использовали то одна, то другая сторона , а также натравливали друг на друга. Так что туземцев стало меньше, а пришельцев, мягко говоря, все прибывало...

– - Вы говорите так, будто сам индеец. - Не унимался Новицкий..

- В самом деле, дорогой друг. В моих жилах течет индейская кровь. Мой дед Жан-Пьер женился на женщине из племени кри[72] по имени Два Цветка, - гордо сказал Риго.Tomek dopiero teraz przyjrzał się Jeanowi-Claude'owi. Ciemniejsza, nieco oliwkowa cera, kruczoczarne włosy i wystające kości policzkowe...

– Вот почему вы так чувствительны к проблемам индейцев — сказал он понимающе. - Наша страна, Польша, более ста лет потеряла независимость и мы имели возможность наблюдать повседневную жизнь в условиях оккупации на нашей собственной территории..

Ярош и Новицкий утвердительно кивнули головами.

– - А, теперь я понимаю, почему я сразу почувствовал к Вам симпатию

– — ответил Риго и широко улыбнулся. - Но вернемся к теме... Мы, как канадцы, почти избегали войны с

индейцами, так болезненно переживаемые американской стороной. Мы пытаемся построить совершенно новое общество.

Niedźwiedź grizli
(*Ursus arctos horribilis*)

– — Вы говорите почти как губернатор Аляски, — сказал Том.

– - Уолтер? Верно. Об этом мы не раз спорили на наших семинарах в Уэслианском университете [73]. Однако вывод всегда был один. Уолтер в Штатах , а я в Канаде должны сделать все возможное, чтобы изменить Новый Свет.

– – Вы упомянули, что канадцам почти удалось избежать войн с индейцами, - с любопытством допытывался Томек. – Это значит, что, однако, какие-то были. Я правильно понимаю?

– - О, да! Я имею в виду так называемое восстание на Красной реке 1869 года. Восстание возглавил Метис Луис Риэль[74]. Хорошо образован, говорит на английском и французском языках. Все началось с того, что тогдашняя Северо-Западная территория, большую часть которой составляли метисы, должна была официально войти в состав Канады. Метисы, почувствовав угрозу, оказали вооруженное сопротивление. К нам присоединились некоторые из моих кри-людей. Восстание было подавлено, и Риэль был повешен в результате вынесения ему приговора после обвинительного судебного процесса в 1885 году..

– - Значит, опять индейцы и метисы проиграли? – вступил в разговор молчавший до сих пор Красный Орел.

– - Нет, нет! Впоследствии, большинство требований, послуживших причиной восстания, были приняты во внимание правительством Оттавы, поэтому смерть Риэля не была напрасной, заключил Риго.

– - Ну хоть это хорошо– коротко кивнул Новицкий..

– - А компания Гудзонова залива принимала в этом какое-то участие? - спросил Томек.

– — Компания уже несколько десятков лет проводит совсем другую политику, чем первые двести лет. Мы не только торгуем с местными жителями, но и стараемся дружить жить с ними. Ведь это наша общая страна, — с гордостью ответил канадец. - Возвращаясь к вопросу, да, правительство Оттавы обратилось к Компании за помощью в переговорах с метисами. Конечно, мы согласились, и переговоры и переговоры вел человек, по имени Дональд Смит. Насколько мне известно, было достигнуто так много,

что, наконец, к справедливым требованиям метисов стали относиться серьезно.

– . Белые никогда не держали свое слово – - мрачно отозвался Красный орел..

- Мой брат прав. Каждая война и мирный договор рано или поздно заканчивались его нарушением, от Войны короля Филиппа до подавления Танца Духа [75] и бойни Вундед-Ни [76], с грустью констатировал Риго.

– Услышав последнюю фразу, Томек и Красный орел обменялись взглядами. Ведь именно из-за участия Навахо в сопротивлении в виде танца Духа, во главе которого стоял вождь мятежных Апачей Черная Молния, Красный орел был вынужден уехать в Европу.

– - Расскажите, если возможно, об этих событиях, – попросила Салли..

– Риго сделал большой глоток виски. Он вытер уголки рта платком. Некоторое время он молчал, затем начал:

– - Первое серьезное и организованное сопротивление индейцев произошло в тысяча шестьсот семьдесят пятом году и в следующем году в южных районах Новой Англии. Туземцы, все больше оттеснявшиеся вглубь страны, подвергавшиеся постоянным нападениям со стороны английских колонистов, обращавшихся с ними как с животными, потянулись за оружием. Их возглавлял вождь племени вампаноагов Метакомет, прозванный англичанами королем Филиппом. Война длилась более десяти лет и закончилась смертью короля Филиппа, уничтожением большей части его племени и изгнанием оставшихся в живых и союзных племен с коренных земель.

– - Я читал об этом! - вмешался Томек. - Ведь индейцы первые годы помогали остаться в живых белым колонистам- пионерам, которым ежеминутно грозила гибель на Новой Земле.

Ano-Thlush, wódz plemienia Taku, Tlingit

– - Верно – - подтвердил Риго и продолжил – - Еще одним большим столкновением был союз племен под руководством Понтиака, вождя Оттавов. Восстание началось сразу же после того, как французы проиграли

войну англичанам, и вы должны знать, что, несмотря на все оговорки в отношении Франции, их целью никогда не было покорение коренного населения Америки, а прежде всего установление хороших торговых отношений. Более того, Понтиак был верным союзником французов и стоял на их стороне до самого конца.

– - Разве эти истории не были одним из мотивов романа Джеймса Купера? - спросил Новицкий.

– - Джеймса Фенимора Купера[77], – дополнил Риго. – Вы правы. Судьба Понтиака сложилась так же, как и у большинства индейских вождей. После проигранной войны, покинутый союзными племенами, он был убит в окрестностях реки Мауми в тысяча семьсот шестьдесят девятом году своим соотечественником, подкупленным англичанами. Еще одна большая фигура, которую нужно назвать здесь, - Текумсе, вождь племени Шаванезов. В конце восьмидесятых годов восемнадцатого века он сформировал союз племен, выступавших против колонизации белых. Образовалась великая Конфедерация индейских племен из окрестностей Великих озер, во многом союзная англичанам из Канады. К сожалению, после серии первоначальных побед вооруженное движение ослабло, и Текумсе погиб в битве при Моравиантауне в ходе англо-американской войны в тысяча восемьсот тринадцатом году. Несмотря на огневое преимущество, англичане в какой-то момент отступили, оставив на поле боя одиноких индейцев. Ярым последователем идей Текумсе был Черный ястреб, вождь племен Сауков и Фоксов, не сложивший оружия после проигранной англичанами войны.

– - Печально, - тихо прокомментировал Ярош.

– Да, очень печально. Войны переместились дальше на Запад. Вы, конечно, знаете эту историю с сопротивлением Лакотов и битвой при Литтл Биг Хорн[78]. В основном большинство племен Северной Америки оказали вооруженное сопротивление. В отличие от американцев Канада охотно принимала беглецов с юга из группы

Лакотов во главе с Сидящим Быком, который после победного сражения укрылся на нашей территории вместе со своими соплеменниками.

– Новицкий задумался. Салли увидела это почти сразу.

– - Что , Тадек? История о Сидящем Быке так тронула вас, что вы потеряли дар речи? - Девушка попыталась пошутить, однако, увидев глубоко огорченное лицо матроса, тут же посерьезнела. - Что-то случилось?

– Новицкий вздохнул и высоко поднял правую часть рта в гримасе горькой задумчивости.

– –– Не знаю, всем ли это будет интересно, но, услышав рассказ достопочтенного господина Риго, мне вдруг вспомнилась история из моей жизни, – медленно начал моряк..

– - Пожалуйста, пожалуйста, - ободряюще вмешался Риго..

– – Да, да, да! - хлопнула в ладоши Салли..

– Ну, не позволяй мне упрашивать, ты же не откажешь женщине — Вильмовский наклонился к уху своего друга.

- Хорошо. Хотя это не история об индейцах, но история тоже происходила на американской земле, а если быть точнее, то в Карибском море. Если вас это действительно интересует, то вы должны знать, что мы отплыли под американским флагом на корабле «Надежда» из порта Майами в не очень дальнее плавание, по определению коммерческое. Все началось во Флориде, через порты Гаваны, Кубы, Кингстона, Ямайки, где, как вы уже догадались, мы должны были принять большую партию моего любимого напитка, рома, чтобы отправиться обратно на север, к берегам Соединенные Штаты. Круиз не легкий и не сложный. Как раз к хорошей погоде и как можно с минимумом усилий через месяц после выхода из порта вернуться в него целым и невредимым.

Новицкий круговым движением головы растягивал огромные мышцы шеи и затылка до тех пор, пока не стало почти слышно, как скрипят отдельные связки и сплетения под кожей могучего моряка. Он нетерпеливо толкнул почти пустой стакан, чтобы наполнить его. Через некоторое время он наполнил его янтарным ликером почти до краев. Он громко щелкнул, поглощая каждую унцию силы..

– Рейс был действительно спокойным, а море лишь слегка волнистым, как на экскурсии. Временами это было слишком скучно, но... - тут Новицкий заговорщицки подмигнул, - повар Мигель был отличным специалистом и наколдовал из запасов морской кладовой такие блюда, что я никак не мог бы их ни назвать, ни повторить. . И именно кухня спасала меня от смертельной скуки.

– - Хорошо, что рейс, должен был быть относительно коротким, потому что, если бы он продлился дольше, он действительно мог закончиться для тебя, Тадек, не очень приятными последствиями в результате обжорства, - в шутку вмешался Томек.

– - А тут я тебя удивлю, браток! От морской кухни я не набрал ни грамма! – ответил несколько обиженный моряк..

– - Не могли бы вы прерваться и в другой раз поговорить о кулинарных тонкостях Карибского моря? - прервала нетерпеливым голосом Салли.

– - Конечно, синица. Все для тебя, ответил Новицкий, делая еще глоток. - Гавана немного изменилась с момента моего последнего визита. Ветхие гостиницы и роскошные дома заменили типичные постройки колониального города. Я воспользовался случаем, чтобы заглянуть туда и сюда, навестить старых друзей..

– – ... дислоцированных, наверное, в местных тавернах, - съехидничал Вильмовский. Матрос проигнорировал насмешливое замечание друга и продолжил рассказ.

– - На следующий день, на рассвете, мы отправились в сторону Ямайки и еще через два дня мирного плавания достигли Кингстона. Здесь ситуация была похожа на Гаванскую, но с той разницей, что почти все говорили о беспорядках на соседнем Гаити.

– - Вы имеете в виду бывшую французскую колонию, называвшуюся до тридцатых годов девятнадцатого века Сан-Доминго? - спросил вдруг Ярош.

– – Да, именно о ней я и говорю – - ответил Новицкий..

– - Интересным образом переплелись судьбы польских легионеров, дважды отправляемых в армию Наполеона для подавления восстаний местного населения. Потомки рабов приняли близко к сердцу лозунги Французской революции «Свобода. Равенство. Братство» и сами требовали для себя этой свободы.

– - О, это очень интересно. Я не знаю этого фрагмента нашей истории, – вмешался Томек..

– - Вы мне позволите? - повернулся Ярош к Новицкому. - Позвольте мне объяснить очень кратко. Поляки дважды высаживались на остров в тысяча восемьсот втором и восьмисот третьем годах. Через несколько дней они поняли, что их послали подавить стремление местных жителей к свободе. Подавляющее большинство из них не согласилось на кровавую бойню, заказанную французами. Большая часть прибывших умерла от тропических болезней, а другие открыто встали на сторону повстанцев против их недавних союзников, от рук которых они наивно ожидали независимости своей родины. Это все, в двух словах.

– – Ха! Святые слова, господин Ярош. Мне даже довелось однажды встретить потомка одного из наших легионеров в порту Порт-о-Пренс. Он с гордостью рассказывал, что носит имя в честь своего прадеда Яна, который боролся за свободу и независимость Гаити.

– – Меня никогда не перестанет удивлять множество необычных мест и обстоятельств, в которых находились поляки, – сказала Салли. - Продолжай, Тадек..

– - Да.... На чем я остановился? О, да! Вспомнил! Новости о беспорядках на Гаити.[79] Признаюсь честно, что меня это несколько обрадовало, потому что это предвещало перемены в нашем скучном плавании. Во всяком случае, груз любимой Ямайки был загружен, и на следующий день мы взяли курс на Порт-о-Пренс, Гаити. Через несколько миль после отплытия погода начала меняться.До сих пор помню цвет сгущавшихся на горизонте облаков. Что-то вроде очень спелых венгерских слив. И этот аромат, подгоняемый порывами ветра, с каждым мгновением становится все сильнее. Что-то среднее между насыщением серой вперемешку с очень интенсивной влажностью. Наиболее суеверные члены экипажа стали с тревогой смотреть на небо и молиться там. Ветер становился все сильнее и сильнее, поднимая гребни волн на несколько метров вверх. Буквально через несколько минут разразился морской ад. . Наша лодка, хотя и не принадлежала к числу самых маленьких, казалась лишь скорлупой от ореха у этих гигантских гребней волн. Положение с секунду на секунду ухудшалось все больше, и корабль все громче трещал. Палубу заливали тонны воды, и тут я на мгновение подумал, что надо было на самом деле руководствоваться добрыми советами моего старика и выбрать другую профессию. Внезапно пришла волна, какой я никогда не видел ни раньше, ни позже. Она ворвалась на палубу, накрыв корабль целиком. Я слышал только треск и стоны тонущих, призывавших на помощь. Наступила тьма. Кажется, я потерял сознание, снесенный на ящики, беспорядочно катящиеся по палубе, - Новицкий на мгновение замолчал, сделав еще один глоток рома.

–

– Я не знаю, через какое время я пришел в себя; я чувствовал, что что-то ползет по мне. Я был прав. По моему животу гулял краб, я лежал на берегу. Я не знаю, как со мной ничего не случилось? От нашего судна и, что важнее,-от экипажа не осталось и следа. Я огляделся. Вокруг меня только прибрежные скалы, песок, а в глубине тропическая растительность.

– - Необитаемый остров! - воскликнула обрадованная Салли.

- Не совсем так, миледи, но, должен признаться, я сначала так и подумал. В голове пронеслись разные рассказы и воспоминания мореплавателей о человеческих скелетах, случайно найденных на пустынных островах. Спустя много лет. *Ха! Я оставлю хороший сувенир. Безымянный скелет на безымянном острове* – я подумал в тот момент. Однако мой инстинкт заставил меня встать с мягкого песка и поискать что-нибудь поесть и попить. К моему везению, уже через некоторое время я наткнулся на исчезающие в прибрежном песке ручейки с пресной водой, а рядом с ней склонились кокосовые пальмы. Несколько хороших орехов уже лежали на земле. К счастью, нож все еще был на моем поясе. *Новицкий, не плохо!* Я утолил жажду. Накинул на спину кучу орехов и начал разведку "своего острова".

- Как Робинзон Крузо![80] - Салли все больше восхищалась рассказом Новицкого. Боцман пожал плечами, не очень понимая, о чем речь.

– - Каково же было мое удивление и радость, когда после часа ходьбы по берегу моря я стал слышать человеческие голоса. Я направился к ним. Ведомый своим опытом и не зная, с какими птицами я буду иметь дело, я нырнул в высокие кусты. Через несколько минут из-за огромной кокосовой пальмы я полностью осознал события, разворачивающиеся перед моими глазами..

– - А именно? - вмешался Томек.

– - А именно то, что я увидел рабский рынок двадцатого века, браток! Женщины, дети, мужчины! Небораки, привязанные веревками, сидели на корточках. Худшее зрелище-дети, которые, не понимая, что происходит, не издавали ни звука. Я не хотел бы видеть это зрелище больше никогда! - Новицкий был явно расстроен от своих воспоминаний..

– - Кто были мучители? - спросил Ярош.

– - И это самое удивительное! Я ожидал увидеть белых охотников и работорговцев, а увидел ... мулатов!Брат на брата! И это в двадцатом веке!

– – Что было дальше, Тадек? – допытывалась Салли.

– «К сожалению, кроме ножа, у меня не было никакого оружия, а их было двадцать». Я решил дождаться темноты, надеясь, что судьба предложит решение. Судьба распорядилась гораздо быстрее, чем я ожидал. Внезапно с моря послышался треск палубных орудий и канонада выстрелов. Я выглянул из-за своего дерева. Какое прекрасное зрелище! С востока плыла моя Надежда, а с северо-запада-канонерская лодка с ярко развевающимся флагом Соединенных Штатов!

– - Вы были спасены! - вмешался Ярош..

– - Да Да. Оказалось, что это только смыло меня с палубы во время этого адского шторма, а весь корабль в основном не пострадал и отправился на поиски меня. Мне повезло. «Надежда» столкнулась с патрульным кораблем ВМС США, которое долгое время успешно пресекало торговлю людьми в этом районе.

о - Хорошо, Тадек, но какое это имеет отношение к истории об индейцах Северной Америки? - спросил Томек.

– - Ну, так много общего - где бы не появился белый человек, там всегда начинается смерть, эксплуатация и рабство, - грустно ответил Новицкий..

Наступила тишина.

Внезапно завыла корабельная сирена. Риго огляделся и объявил:

– - Мы только что пересекли границу между Канадой и Соединенными Штатами. Скоро будет остановка. Экипаж должен пополнить запасы древесины и воды. Прошу прощения, но долг зовет. - Он двинулся к капитанскому мостику..

Томек только сейчас заметил, что Мэри Луис подошла к одному из берегов, почти касаясь края ледяной плиты, на расстоянии десятка или около того метров соединялся с сушей. Несмотря на апрельский сезон, лед был еще достаточно крепок, что при соблюдении особых мер предосторожности можно было безопасно добраться до земли.

Салли снова захотелось спать, поэтому она пошла в крохотную каюту, чтобы выспаться, в то время как Новицкий и Ярош были поглощены обсуждением лучшего рецепта приготовления свежей трески. Красный орел тоже куда-то пропал. Не зная, чем себя занять, Том решил размять ноги на суше во время остановки..

Увидев, как матросы «Мари-Луис» передвигаются по льду, он сошел с палубы на деревянный трап и двинулся следом. Ботинки на льду заскользили. Томек с трудом удержался на ногах. Потом медленно пошел к берегу. Лед казался прочным, хотя видневшиеся кое-где более темные пятна указывали на приближающуюся весну.

.

Ему потребовалось несколько минут, чтобы добраться до берега, хотя в обычных условиях, это заняло бы всего мгновение. Он уже оставил далеко позади молчаливо посапывающую Мэри Луис. В нескольких сотнях метров от него где-то справа вдалеке слышались тупые и приглушенные удары топоров. Экипаж судна взялся за подготовку топлива для дальнейшего путешествия.

Одним прыжком Том перепрыгнул тонкую нить воды, которая через несколько дней разрастется до размеров ручья, и очутился в полной тишине леса. Снова и снова из чащи доносился крик птицы. Он также заметил крупную черно бурую лисицу с длинным хвостом, маленькими ушами и золотистой шерстью , которая при виде человека тут же скрылась за одной из елей. Вильмовский уже хотел повернуть назад к реке, как вдруг ему в ноздри ударил сладко-тошнотворный запах , который невозможно было спутать ни с каким другим. Он много раз чувствовал эту вонь во время своих многочисленных охотничьих вылазок и был уверен, что ее источником была давно разлагавшаяся туша. Обоняние и опыт не подвели его и на этот раз: не более чем в десяти метрах от него, на краю небольшой поляны, он заметил несколько ворон, которые внезапно взлетели, с шумом, почти как выстрел пробки из бутылки.

– Томек вышел на небольшую поляну, но через некоторое время остановился - рефлекс, выработанный в течение многих лет, был в крови. Осторожность. Причина стремительного бегства ворон стала ясна, когда из зарослей леса вынырнули сначала два маленьких медвежонка, а сразу за ними могучая самка медведя гризли. Уже с первого взгляда было видно, что малыши недавно появились на свет, а мать после зимнего перерыва измождена и насторожена. Вильмовский, имея в памяти явно предыдущую встречу с медведем этого вида и не будучи вооруженным, предпочел не рисковать последствиями[81]

Он не сводил глаз с могучего животного и медленно начал удаляться с поляны. Внезапно под его ногами раздался сухой треск ломающейся ветки. Медведица тут же навострила уши, подняла огромную голову, принюхиваясь. Медвежата играли в лучшие выщипанные пучки мха и не обращали внимания на беспокойство матери. К счастью для Тома, ветер, лениво протискивающийся между поваленными деревьями, дул со стороны оленей и медведицы, что затрудняло ей быстро почуять незваного гостя. Он знал, что спастись бегством от гризли, будь то на открытом пространстве или между деревьями, нереально. Медведь смог догнать на коротких дистанциях не только бегущего человека, но и бегущего оленя. Единственный шанс на спасение - воспользоваться временным замешательством медведицы относительно источника звука.

Вильмовский прыгнул на слегка согнутых ногах за ближайшее дерево и побежал, то и дело прислушиваясь, не последовало ли за ним в погоню животное. Его больше не волновал путь обратно к Марии-Луис, он не смотрел, та ли это тропа, которая привела его на злосчастную поляну. Он бежал вслепую. Смуга и Новицкий уж точно не стали бы хвалить его за безрассудное удаление от корабля, да еще и без оружия. Однако друзей не было и приходилось справляться самому

Он ускорился. Он слышал, как в нескольких десятках шагов позади него через лес пробирается медведица, следуя за звуками хлопающих ежеминутно веток. Что-то тревожило ее, и она предпочла проверить это, чем рисковать жизнью потомства. Он мчался так быстро, как только мог, по лесным зарослям. Всего через несколько минут во рту у него пересохло. Его дыхание участилось. Сердце билось на полной скорости, в груди глухо стучало. Медведица уже напала на его след - он услышал ее

внезапный рев в десятке метров позади себя. Изменилось направление ветра, и невыносимый для медведя запах человека с удвоенной силой ударил ей в ноздри. Наконец Томас услышал долгожданный шум реки. Спасение было близко. Наконец, запыхавшись, он вывалился на покрытый тающим льдом берег реки. Он посмотрел налево. Он был в нескольких сотнях метров от Мэри Луис. У него не было выбора. Он выбежал на лед, не обращая внимания на опасность. Он был в десятке метров от того места, откуда вывалился из леса, когда из-под деревьев вынырнула медвежья голова. Он не обращал на это внимания. Он надеялся, что кто-нибудь с корабля его заметит.

Медведица вдруг остановилась, словно удивленная видом реки и льда. Это дало Тому преимущество в несколько мгновений. Он сделал еще одно усилие, ускорил темп. Он огляделся. Она по-прежнему стояла на берегу, только покачивая головой и издавая глухое ворчание. Он вымученно улыбнулся. Ему казалось, что он видит движение на корабле. Я спасен, подумал он, снова улыбнувшись. Мэри Луис становилась все ближе и ближе.

Вдруг он услышал звук, будто глухой винтовочный выстрел. Сначала один, потом другой. На мгновение он остановился, но через мгновение снова двинулся. На этот раз еще быстрее, скользя по льду. Медведица уже перестала быть его единственной угрозой. Он хорошо знал, что происходит и что означают звуки, похожие на винтовочные выстрелы. Один, другой, третий, четвертый... это коварно и во многих местах одновременно лопались последние оковы льда на реке!

Лед трещал, крошился и ломался вдоль всей береговой линии, образуя ледяные острова и островки, беспорядочные архипелаги, дрейфующие по воде в стремительном течении. Силуэты на Мэри Луис уже приобретали более четкие очертания. Тем не менее он

приближался, хотя кое-где застывшее за долгие месяцы ледяное поле выбивалось гейзерами под напором льда и воды.

Внезапно, прямо под ногами Тома, в нескольких десятках шагов от борта Мэри Луис, замерзшая оболочка потеряла свою плотность и разорвалась под тяжестью тела на крошечные кусочки. Скорее всего, он попал в подводный разлом, в котором вода рвущимся подледным течением предательски режет ледяную глыбу. В одно мгновение он оказался под водой и, что хуже всего, подо льдом. В последнем отчаянном рефлексе он успел еще набрать в легкие как можно больше воздуха.

Течение затягивало его глубже. Он почувствовал во всем теле пронизывающий холод. Одежда, мокрая и тяжелая, сковывала движения и тянула на дна. Течение подо льдом было в этом месте исключительно сильным. Томек снова и снова ударялся о лед. Он был ошеломлен. Ему не хватало воздуха. Повышающееся из-за недостатка кислорода давление разрывало ему череп. Попытки ухватиться хоть за малейший край в ледяной ловушке не дали никакого результата. Он чувствовал все больший страх и оцепенение. Его начали покидать остатки сознания. Лед в этом месте был кристально чист – он еще успел разглядеть в нем яркое пятно солнца. Угол рта у него онемел в полуулыбке. Ему казалось, что вокруг воцарилась тишина, пугающая тишина ледяной бездны, в которой преобладают все оттенки серого и черного.

Он уже совершенно ничего не чувствовал, когда прямо над его головой кто-то расколол мощными ударами топора куски льда. Он не чувствовал, когда крепкие руки Новицкого одним движением вытащили его из ледяного гроба. Он не слышал поднятых криков радости экипажа Мэри Луис или испуганного голоса Салли. Он не

реагировал, когда Красный орел с огромным мастерством возвращал его к жизни, вдувая ему воздух из своих легких.

И только когда кровообращение стало медленно восстанавливаться и температура его тела повысилась настолько, что стали возвращаться жизненные функции , он с усилием открыл глаза. Запыхавшийся, Новицкий, прекрасная Салли с глазами, полными беспокойства, Красный Орел, вытирающий пот со лба, Риго и Ярош с гримасами радости и напряжения на лицах, а также два молчаливых тлингита окружили его плотным кругом..

– - Я не умер, не так ли? Он с трудом

пробормотал.

– Первой отреагировала Салли..

– - Ты жив! Ты жив, любимый! Ты здесь, ты здесь с нами! Тадеуш и Красный орел вытащили тебя в последний момент из-под льда, – выговорила она, то улыбаясь, то плача.

– Ну, брат! Но ты нас всех напугал! - Новицкий все еще тяжело дышал. - Если бы не Красный Орел, обеспокоенный твоим отсутствием и начавший в бинокль наблюдать за окрестностями, то ... Там, черт возьми! Как хорошо, что ты здесь, парень!

Боцман был явно взволнован и тронут..

– - Надо признать, что путешествие с господами доставляет впечатления совершенно неожиданные – - элегантно вмешался Риго..

– Ярош утвердительно кивнул.

– - За мной гналась медведица гризли. У нее были детеныши. Я бежал по льду и дальше вы уже знаете, что произошло – - сказал Томек..

– - Вот видишь, синица. Наш парень всегда лезет туда, где его не ждут. - Новицкий повернулся к Салли..

- Главное, что ты в порядке, любовь моя. - Жена обняла замерзшего Тома.

– Мэри Луис уже давно плыла по быстрой реке. Капитан отряда вдруг оказался в дверях маленькой кают-компании, которая после несчастного случая с Вильмовским использовалась как лазарет.

– - *Mon Seigneur Rigaud, Fairbanks est en avance!*– — сказал он по-французски.

– *Merveilleux, merci!*[82] – — ответил Риго. «Дамы и господа, Фэрбенкс впереди нас!»

Rozdział VI

Tajemnica skrywana w lodzie

Фэрбенкс был основан в 1902 году, когда золотая лихорадка на Аляске была в самом разгаре. Город раскинулся на обширной равнине, окаймленной с севера лесистым горизонтом холмов. Одной из причин, по которой золотоискатели основали поселение в этом месте, была его доступность, которую обеспечивала река Чена, являющаяся притоком Тананы, извивающаяся через город.

Томек и его друзья остановились в отеле «Банк хотел» — двухэтажном здании со стенами, выкрашенными белой краской, что в солнечные дни создавало впечатление исходящего из этого места свечения. Риго, этот энергичный и предприимчивый канадец, отправился с места, как он сам говорил, на трудные переговоры с американцами, не теряя драгоценного для него времени. Они касались объединения НВС и сил США в сфере совместных добывающих предприятий. После краткой консультации четверо друзей вместе с Ярошем и его тлинкитами согласились остаться в Фэрбенксе на один день. Они понимали, что этот город надолго станет их последним воспоминанием о цивилизации.

План был прост, если смотреть на карту. Из Фэрбенкса они планировали добраться до реки Ненана и таким образом выйти в район массива Денали. В то время как

Ярош раскрыл цель своей поездки в самом начале встречи, Вильмовский же решил сохранить в тайне настоящую цель поездки. У него были очевидные опасения по поводу безопасности. Таинственные и тревожные события, происходившие с начала путешествия, только укрепили его уверенность в том, что за исчезновением участников исследовательской экспедиции в районе Денали должно стоять что-то еще.

Короткое письмо от губернатора Эли Кларка ждало их в «Банк отеле», где они заняли комнаты с видом на широкую улицу. По сути, речь шла о судьбе экспедиции. Том на мгновение задумался над ответом. Наконец, он поручил отправить короткое сообщение:

Экспедиция без помех точка завтра мы двинемся по реке Ненана в район Маккинли точка

Красный Орел вместе с Тлингитами после быстрой трапезы отправился на берег и раздобыл две просторные легкие деревянные лодки с поднятыми носами. Томек и другие члены экспедиции сели за стол в гостиничном ресторане, напоминавшем затерянный салон [83] на Диком Западе.

– Господин Ярош, - начал Новицкий, - или мне кажется, или на самом деле Вы обещали рассказ о наших соотечественниках на тех ухабистых дорогах, где у человека случается растрясти жирок?

– Да, конечно – - признался путешественник, вытирая губы. - Если только вы хотите послушать.

– Пожалуйста пожалуйста! Салли аплодировала, понимающе улыбаясь. - Я ведь уже практически наполовину полячка по мужу. По понятным причинам я еще не была в стране мужа и его друзей, но мне интересно все, что с ним связано. Томми так много рассказывал мне об этом.

– Пожалуй в этом что-то есть, синица! - вмешался Новицкий.

– Я глубоко верю, что скоро наступит время, когда мы снова сможем стоять на Краковском предместье... - добавил Томек.

– ... и посмотреть, что хорошего у моих стариков на Повисле. - Новицкий поставил точку.

– Да, да... мы все скучаем по стране, поэтому я постараюсь, чтобы рассказ о наших соотечественниках здесь, на Аляске, вышел как можно лучше и не был скучным, – ответил Ярош. - Часть этой информации является неподтвержденной, а часть является хорошо задокументированной главой в истории Аляски, а также наших соотечественников.

– Пожалуйста, - ободрил Томек.

Polacy na Alasce. Opowieść Jarosza

– Наверное, следует начать с того, что поляки попадали на Аляску через царскую Россию, которая до конца семнадцатого века считала эти земли частью Сибири и, следовательно, частью империи и своей собственностью.

– Смотрите..! Даже американцы испытали на себе царский режим! -прервал Новицкий

– Не совсем, – понимающе улыбнулся Ярош. - В те времена, о которых я говорю, Северная Америка, особенно ее северная часть, была почти не известна и не признана, а Соединенные Штаты еще не существовали.

– А старик всегда говорил мне: учись, Тадек, учись, чтобы ты не был дураком! - Моряк слегка нахмурился.

– Ха! Забавно слышать это из твоих уст, Тадек. - Томек улыбнулся комментарию друга.

– Вы, наконец, можете перестать подшучивать и позволите говорить господину Ярошу?! - категорически вмешалась Салли.

– Томек и Новицкий после такого выговора почти одновременно приложили пальцы к губам в жесте успешного смирения. Ярош снисходительно улыбнулся и похватил брошенную минуту назад нить повествования.

– Согласно многочисленным источникам, первым поляком на Аляске был греко-католический священник с Волыни Игнатий Косаржевский. Он приехал на Дальний Восток России в качестве ссыльного. А причиной его депортации, по всем признакам, было его нежелание переходить в православие. Он прибыл на Аляску около 1730 года. Вероятно, послан царской администрацией вместе с русскими казаками для сбора налогов с местного населения. Напоминание о его присутствии - река Косаревская.[84].

– Смотреть! Мы были не первыми поляками, потерпевшими крушение на этой речушке, - сказал Новицкий.

– Конечно нет, - подтвердил Ярош. - У нас есть данные, что вторым поляком, проникшим на западное побережье Аляски, был Маурций Бенёвски [85]. Как участник Барской конфедерации попал в плен к русским в районе Жванца и в тысяча семьсот семьдесят году был выслан на Камчатку. Как он сам пишет в своих путевых очерках, 12 мая следующего года он поднял восстание ссыльных и бежал из царского плена на захваченном им корабле. По пути на юг он довольно глубоко проникал через Алеутские острова и северо-западное побережье Америки.

– Бенёвский — колоритный персонаж, о котором писал наш поэт Словацкий, — вмешался Томек.

Новицкий тоже хотел что-то добавить, но передумал и просто махнул рукой.

– Первая половина девятнадцатого века ознаменовалась прежде всего присутствием поляков на Аляске по поручению Русско-американской торговой компании[86]. Стоит упомянуть таких деятелей, как капитан Филипп Баранович и капитан Дионизий Заремба, имя которых носит рыбный порт на острове Принца Уэльского в архипелаге Александра в заливе Касаан-Баранович. Сам Заремба с тысяча восемьсот двадцать седьмого по тысяча восемьсот сорок первого года совершил множество разведывательных плаваний вдоль побережья Аляски и того, что сейчас является Британской Колумбией. Реку Стикине открыл польский капитан. Заремба провел несколько лет, исследуя архипелаг Александра, открыв несколько новых островов. Один из них, лежащий между проливами Стикин и Самнер, также был назван в его честь - остров Зарембо.

– Я не знал, что так много ваших соотечественников исследовали эту прекрасную, северную землю. Салли была удивлена.

– Жаль только, что все это ради славы других флагов и бандеровцев - мрачно добавил Новицкий..

– Должен признаться, что во время своих исследований по истории и географии Аляски я встречал гораздо больше польских имен и людей. Ба! Я познакомился с несколькими исследователями и сам исследователями, - продолжил Ярош. - Например, геологи Хенрик Чецотт [87], Кароль Богданович [88] и Юзеф Морозевич [89] и, наконец, Казимеж Гроховский [90]. Также стоит вспомнить географию Эугениуша Ромера [91]. С Казимежем Гроховским связана интересная история. Ну, а первым шафером на свадьбе Гроховски с Элизабет Джумит в Сан-Франциско 5 ноября тысяча девятьсот двенадцатого года

был не кто иной, как Джон Гриффит Чейни, то есть Джек Лондон![92]

– Да! Еще будучи ученком варшавской гимназии, я зачитывался его романами! - вскрикнул Том.

– В рассказе о поляках, открывающих для Европы и Америки интерьер и побережье Аляски, нельзя обойти вниманием фигуру Фридриха Шватки или, как он сам подписывался Швалки [93]. Шватка, будучи профессиональным офицером армии США и выпускником знаменитого Вест-Пойнта, дважды организовывал исследовательские экспедиции на Аляску, вероятно, в тысяча восемьсот восемьдесят третьем и тысяча восемьсот восемьдесят шестом году. Одна из них должна была стать экспедицией по спасению экспедиции некоего Джона Франклина [94]. К сожалению, насколько мне известно, она оказалось безрезультатным. В одной экспедиции он исследовал на плоту великую реку Юкон до ее впадения в Берингово море, а в другой погрузился в доселе неизведанный район, простирающийся от Ильинских гор до побережья Тихого океана. Затем он открыл реку Джонс. Кстати, конечно же, он сделал карты исследованных районов, и следующим результатом стало несколько книг. Наверное, мало кто помнит, что в честь его заслуг перед США на Аляске стоят горы Шватка, входящие в состав гор Брукс.

– Это потрясающе — сказала Салли. - Ведь в моей родной Австралии есть горы Стшелецкого, которые открыл и описал поляк Стшелецкий.

– Павел Эдмунд Стшелецкий тоже путешествовал по Америке [95], - добавил Томек.

– Да, все правильно, - подтвердил Ярош. - Однако самой интересной кажется история с покупкой Аляски Соединенными Штатами. Знаете ли вы, что и с российской,

и с американской стороны об условиях соглашения договаривались поляки?

– Не может быть! - оживился Новицкий..

– Да, это правда. Дело, однако, требует более широкого освещения. Ну а когда в середине девятнадцатого века в результате нескольких войн, поглотивших огромные суммы денег, царская казна опустела, начались напряженные поиски новых влияний.

– Какие войны вы имеете в виду? - спросил Томек.

– В основном две: Крымская война против Англии, Франции и Сардинского королевства[96] в тысяча восемьсот пятьдесят третьем — тысяча восемьсот пятьдесят шестом году, которая, как известно, закончилась поражением России и остановкой ее стремлений в Европе, особенно на Балканах, ну и конечно Январское восстание в Царстве Польском[97].

– Вы думаете, что именно проигрыш поляков в Январском восстании вызвал необходимость продажи Аляски? - недоверчиво спросил Томек.

– Косвенно да. Царская касса была пуста. Государство действовало по устаревшим правилам, а на реформы требовались деньги, которых не было. Более того, Январское восстание способствовало формированию нынешнего облика Соединенных Штатов.

– А это уже полная загадка. - Новицкий озадаченно покачал головой.

– Так вот. Союз, то есть северные штаты, крайне опасались, что Англия и Франция могут принять участие в боях на стороне конфедератов. Однако из – за участия в восстании, среди прочего, Пруссия, ради собственной безопасности оставила свои войска в Европе - добавил Ярош.

– Это увлекательно. Из этого следует, что поляки внесли гораздо больший вклад в создание Соединенных Штатов, чем мне казалось до сих пор, - увлеченно вмешалась Салли..

– К сожалению, да.

– Почему к сожалению? - спросила Вильмовская.

– Потому что после поражения восстания царь Александр II отменил автономию Царства Польского, создав Привислинский край, который существует и сегодня, - пояснил Ярош.

– Кроме того, десятки тысяч повстанцев вывезли в Сибирь, отобрали имущество у его участников – - дополнил Новицкий, у которого в этот момент застыли глаза..

– А отец и ты, Тадек, много лет спустя, сражаясь за свободную Польшу, вынуждены были бежать за границу, - прошипел Том сквозь зубы.

На мгновение воцарилась тишина. Наконец, Ярош возобновил тему:

– Территория нынешней Аляски управлялась Русско-Американской компанией, о которой я уже упоминал. Русские, как и англичане, а позже и канадцы через Hudson's Bay Company(Компанию Гудзонова залива), были в основном заинтересованы в развитии торговли мехом. Ну, а здесь, особенно на побережье, было обилие морских выдр и норки. Однако после значительного уничтожения пушных животных и в результате политических проблем, о которых я говорил ранее, они решили, что этот регион мало привлекателен и без особых перспектив. Впрочем, точно так же казалось американцам. Вот почему возникла идея продажи Аляски. Изначально делались предложения европейским странам, но безрезультатно. К счастью для американцев, этим малодоступным кусочком Северной Америки заинтересовался тогдашний госсекретарь Уильям Сьюард [98]. Сьюард делегировал Влодзимежа

Кржижановского, генерала, воевавшего в Гражданской войне на стороне Союза, вести переговоры. Это тот самый, о котором я вам уже говорил, «Первый губернатор Аляски». Другой поляк, ветеран Ноябрьского восстания, Хенрик Корвин-Калусовски, сопровождал Кржижановского в качестве переводчика.

– Это удивительно и увлекательно, — прокомментировала Салли. Ярош с признательностью оценил комплимент девушки.

– Дальше будет еще интереснее. Как вы думаете, кого царь назначил представлять себя на переговорах с американцами? – спросил он таинственно.

– Вероятно, какой – нибудь ловкий беспринципный политик, - многозначительно бросил Новицкий.

– Ловкий, да. В остальном ничего не знаю.

– Пожалуйста, не держите нас больше в неизвестности и продолжайте рассказывать – - попросила Салли.

– Ну, Эдуард де Штокль, то есть... Эдуард де Столецкий, сын Анджея Столецкого, представлял русскую сторону - с блеском торжества провозгласил Ярош.

– Вот как?! Из этого следует, что поляки совершили между собой самую крупную сделку в истории Северной Америки? - Томек не мог прийти в себя от изумления. - Откуда вы об этом знаете?

– У меня была возможность познакомиться с Альфонсом Александром Козел-Поклевским [99], который был внуком Альфонса Козела-Поклевского [100]. Альфонс Александр женился на Зое де Штёкль [101], внучке барона Эдуарда де Штёкля. Я даже обедал у нашей баронессы. Зоя довольно подробно описала мне историю продажи Аляски. По словам ее дедушки, переводчики были не нужны, так как стороны часто переключались на польский язык.. Для

самого Эдуарда или Эдварда это была самая важная миссия. Вскоре после ее окончания, уже в тысяча восемьсот шестьдесят девятом году он полностью отказался от работы на царский режим и уехал в Париж.

– Ну вот, значит, какая-то часть его говорила по-польски, – кивнул Новицкий.

– Из слов внучки следовало, что большая. В Париже у него было много друзей поляков, - заявил Ярош. - Ему было за что жить, ибо царь наградил его суммой в двадцать пять тысяч долларов и шестью тысячами пожизненного жалованья.

– Ах ты! Хорошая сумма! - Новицкий аж причмокнул.

– После знаменитой сделки в течение нескольких последующих лет общественность в Соединенных Штатах возмущалась, что более семи миллионов долларов были выброшены в грязь или, скорее, в снег и лед. Аляска называлась „ледником Сьюарда", а сама сделка - „безумием Сьюарда". Однако, когда в начале девяностых годов девятнадцатого века во многих ручьях, особенно в районе реки Клондайк близ Доусона, было обнаружено золото, мнение о Сьюарде быстро изменилось.

– Наверное, русские и царь плюнули друг другу в бороду? - выпалил Новицкий.

– Этого я точно не знаю – - признался Ярош. - Но были многочисленные голоса о желании аннулировать сделку, и я даже слышал, что в определенных кругах говорили о желании вернуться на Аляску. Ведь в первый год после обнаружения золота было добыто на сумму, в несколько десятков раз превышающую саму сделку.

– А Кржижановский? Он был так же успешен, как Столецкий? - спросил Том.

– Не совсем. В знак признательности Сьюард присоединил Кржижановского к официальному корпусу,

поручив ему миссию по надзору за территорией Аляски. Аляски. Однако он не справился и довольно быстро был уволен с этого поста. В дальнейшем он занимался различной деятельностью. И вам нужно знать, что Кржижановский был родственником Шопена.

– С... Фредериком Шопеном? – в очередной раз недоверчиво отозвался Томек.

– О, да. Родная сестра отца Кржижановского, Юстина, была матерью нашего великого композитора Фредерика.

– Подожди, подожди. - Новицкий приподнял брови и напряженно о чем-то задумался. - Это Кржижановский был ближайшим кузеном Фридриха!?

– Да, двоюродный брат, если быть точным, сказал Ярош..

– Спасибо. Это была действительно удивительная история, — сказал Том.

Попрощались и все легли спать.

– Последняя ночь под крышей... - пробормотал Новицкий засыпая.

Томеку не спалось и даже не пытался. Суматоха мыслей так и крутилась вокруг него. Достигнут ли они цели экспедиции? Что бы сделал отец на его месте? Одобрили Смуга его решения? Он сел на широкий подоконник, соприкоснулся с прохладным стеклом окна. Он посмотрел на Салли, которая мерно дышала во сне. Он невольно устремил взгляд на тихую улицу города. Лишь двое бородатых, уже сильно подвыпивших людей, возвращаясь в домашние укрытия от ночных выходок в местные бары, нарушали пустоту улицы. Ему вдруг показалось, что в здании напротив на мгновение мелькнул свет.

Он сузил глаза, чтобы убедиться то ли это иногда случайная иллюзия, вызванная усталостью. На мгновение ничего не произошло. Однако через некоторое время свет снова вспыхнул, на этот раз в нескольких местах одновременно. Том напряг глаза, пытаясь понять, что здесь происходит. Ему удалось разглядеть, как в нескольких окнах появились продолговатые фигуры вместо огней, вероятно, от зажженных на время керосиновых ламп. Лунный свет на мгновение заиграл серебром на некоторых из них. Все было ясно! Он слишком часто видел подобные образы, чтобы не понимать, что они означают. Через долю секунды он вскочил на ноги с криком:

- Всем на пол!

В то же время из противоположных домов был произведен ружейный залп, выбив окна в их комнате. Еще через мгновение залп превратился в канонаду.

Салли и Новицкий, разбуженные криком Вильмовского, соскользнули с постельного белья и легли на пол. Тадеуш подполз к Тому и сказал:

– Стреляют как минимум из семи стволов!

– Восемь! - поправил Томек. - Я успел сосчитать.

В это время пули разнесли убранство гостиничного номера, дырявили подушки, вырывая из них перья, беспорядочно летающие по комнате. Салли заползла под кровать и закрыла голову сцепленными руками. Томек и Новицки переглянулись.

– На счет три! - отдал команду Вильмовский.

Моряк досчитал до трех, подняв винтовку к плечу. Они начали стрелять, целясь вслепую. Через мгновение с гостиничного первого этажа к ним присоединилась пальба еще нескольких стволов. На помощь пришел Красный Орел.

Перестрелка продолжалась еще несколько минут, пока, наконец, не затихла. Через минуту возле гостиницы стоял патруль местного шерифа. Короткий осмотр здания, из которого был обстрелян отель, не дал никакого результата. Кроме гильз и нескольких небольших пятен крови, ничего не было найдено. Преступники скрылись, вероятно, незадолго до прибытия местной полиции.

– Верно, как аминь в молитве, - мрачно пробормотал Новицкий.

– Что верно, Тадек? — спросила Салли.

– Да, в чем же он уверен? – к вопросу присоединился все еще испуганный Ярош.

– ... что кто – то охотится на нас, как на уток, - ответил моряк.

В ту ночь больше никто не спал. С оружием на коленях они дождались до рассвета.

*

Утро поприветствовало их бодрым порывом со стороны гор. Весна в этом году пришла необычно рано. После быстрого и не очень обильного завтрака они направились в небольшую гавань. Красный Орел и тлингиты уже ждали их там на двух лодках. Снаряжение экспедиции было аккуратно уложено на дно лодки и покрыто непромокаемой тканью. В одной лодке сидели индейцы вместе с Ярошем, в другой-Томек с остальной экспедицией. Они отскочили от берега, введя лодки по течению реки, которая на этом участке лениво текла, смывая с берегов остатки северной зимы.

Первой плыла лодка Яроша, потому что в ней были тлингиты, и они достаточно хорошо знали и берега, и течение реки. Лодки теперь скользили между холмами, поросшими не слишком высоким хвойным лесом. Уже после часового плавания из-за стены зелени стали появляться величественные горы, вершины которых указывали на их вулканическую природу. Контраст между зелеными и белыми ледяными шапками, покрывающими потухшие вулканы был настолько живописен, что Салли, которая какое-то время проявляла таланты рисования, потянулась за своей портативной записной книжкой.

Незаметно наблюдая за своей женой, Том улыбнулся. Столько лет вместе. Они поженились со времени своего рокового путешествия в Папуа-Новую Гвинею [102]. Они знали друг друга почти десять лет, и дочь австралийского пионера продолжала его удивлять. Еще в Англии ее настолько заинтересовала лекция профессора Отенио Абэ [103], которую она прослушала в Оксфордском университете, что она решила в свободное время самостоятельно изучить новую научную дисциплину палеонтологию. Она целыми днями сидела в

университетских читальных залах, пролистывая всю доступную информацию по этому вопросу. Только в какой-то момент Вильмовский понял, что стал жертвой собственных страстей. Это он сам, по словам Новицкого, мучил молодую австралийку бесконечными рассуждениями о географии мира и этнографическом разнообразии каждого континента. Так что неудивительно, когда она тоже стала рассказывать длинные истории или тащить Вильмовского на чтения и лекции. И что Томек был для нее образцом и что, по словам Новицкого, она смотрела на него, как на картину с Ясной Горы, и разделяла его увлечения.

Шли часы. Ненана была взволнована. Ее воды приобрели темный оттенок, а из его недр показывались все новые и новые мокрые валуны. Красный Орел внимательно следил за тем, как тлинкит ведет первую лодку, и по его четкому сигналу передавал команды Новицкому у руля второй. Вправо, чуть влево, держитесь прямо! Руль, сжатый крепкой железной хваткой матроса, без сопротивления вел лодку. Она послушно совершала все маневры, радостно избегая препятствий.

Они миновали песчаную отмель, внезапно появившуюся перед ними. Такие места часто привлекали гризли. Они использовали эти речные платформы, заполненные гравием и камнями, переносимыми быстрым течением, для охоты на лосося. Справа, всего в нескольких десятках метров от берега, виднелась гряда известняковых холмов. И тут лодка Яроша резко повернула направо, царапая песчаное дно залива. Точно такой же маневр проделал Новицкий, предупрежденный командой Красного Орла.

– Короткий перерыв? - бросил Томек в сторону Яроша. Он был убежден, что до конца дня еще много времени.

– Нет, мы останемся здесь на ночь. Мои проводники говорят, что закат через два часа, а река ночью слишком опасна, чтобы рисковать.

– Святая правда! Только дурак рискует, а мудрец ждет, как говорит мой старик, - добавил Новицкий, сбрасывая со спины снаряжение для разбивки лагеря.

– Как говорят проводники, завтра мы должны оказаться в районе исследовательской станции Альфреда Брукса, - объявил Ярош.

Томек и Новицкий красноречиво переглянулись. Однако Ярош, занятый своим багажом, этого не заметил. В это время Красный Орел и тлинкиты начали с большим умением строить лагерь. В первую очередь нужно было собрать дрова и подготовить спальники. Новицкий решил позаботиться об ужине. Ярош углубился в свои записи. Он вел дневник экспедиции и каждый вечер тщательно заполнял чистые листы бумаги заметками, описаниями и рисунками флоры и фауны Аляски. Томек решил осмотреть окрестности. На этот раз, имея свежую память о встрече с медведем гризли, не желая повторять ошибки, он накинул себе на спину одну из новейших моделей огнестрельного ружья. Он проверил, что кольт, помещенный в набедренную кобуру, выдвигается без сопротивления и что большой охотничий нож готов к немедленному использованию.

Новицкий, наблюдая за подготовкой друга к вылазке вглубь, коротко бросил::

– Боеприпасы? – В голосе моряка неизменно слышалась озабоченность, хотя Томек был уже взрослым и опытным путешественником.

– Достаточно.

– Томми, ты никуда один не пойдешь! - внезапно воскликнула Салли, встав рядом с Томом. - Я сыта по горло от страха из-за тебя несколько дней назад. Я иду с тобой!

– Но, Салли, я... - попытался выкрутиться Томек.

– Никакой „Салли”, никакой „я”! Мы идем вместе. Веди! - Девушка категорично указала пальцем на выемку в известняковой скале просвета. Томек обреченно махнул рукой.

– Есть, нет... - засмеялся Новицкий. - Она обвила мальчика вокруг мизинца, но... хорошая пара..

Несколько сотен метров Салли и Том поднялись по пологой тропинке на известняковом склоне. Кое-где еще остались следы северной зимы, кое-где обломки небольшого ледника. Тропа, которую они начали от лагеря, снова и снова меняла направление, замыкая в своих извилинах все более крупные каменные поляны. Примерно через километр довольно монотонной прогулки Томек решил вернуться. Салли, явно разочарованная решением мужа, только пожала плечами. Вильмовский двинулся первым. Всего через несколько шагов он услышал сзади тихий возглас жены.

– Томми, смотри!

Томек повернул голову и посмотрел в указанном направлении. В одной из стен известняковой скалы виднелось чернеющее отверстие высоты взрослого человека.

– Ты же не хочешь туда попасть? – спросил он с недоверием.

– Я не только хочу, но и войду! – твердо ответила она и, не обращая внимания на мужа, решительно двинулась к стене..

Вильмовский только вздохнул. Он знал, что любые протесты против упрямства молодой жены ни к чему не

приведут. Огляделся наметанным глазом. Прямо над входом в пещеру свисал корень лимбы. Не раздумывая, он достал охотничий нож и через некоторое время держал в руке факел.

Смолистых вещества в дереве давали достаточно топлива, чтобы на несколько минут осветить пространство и осмотреться в темноте пещеры. Внутри было жутко холодно. На протяжении тысячелетий неровные, пористые стены и своды пещеры были покрыты языками ледников, проникающими сквозь расщелины известняковой скалы.

Томек, держа в руке факел, сделал несколько шагов вперед. Салли шла прямо за ним. Сначала довольно узкий коридор превратился через несколько метров в просторный зал неопределенного размера. Вытянув руку как можно дальше, они не смогли коснуться противоположной стены.

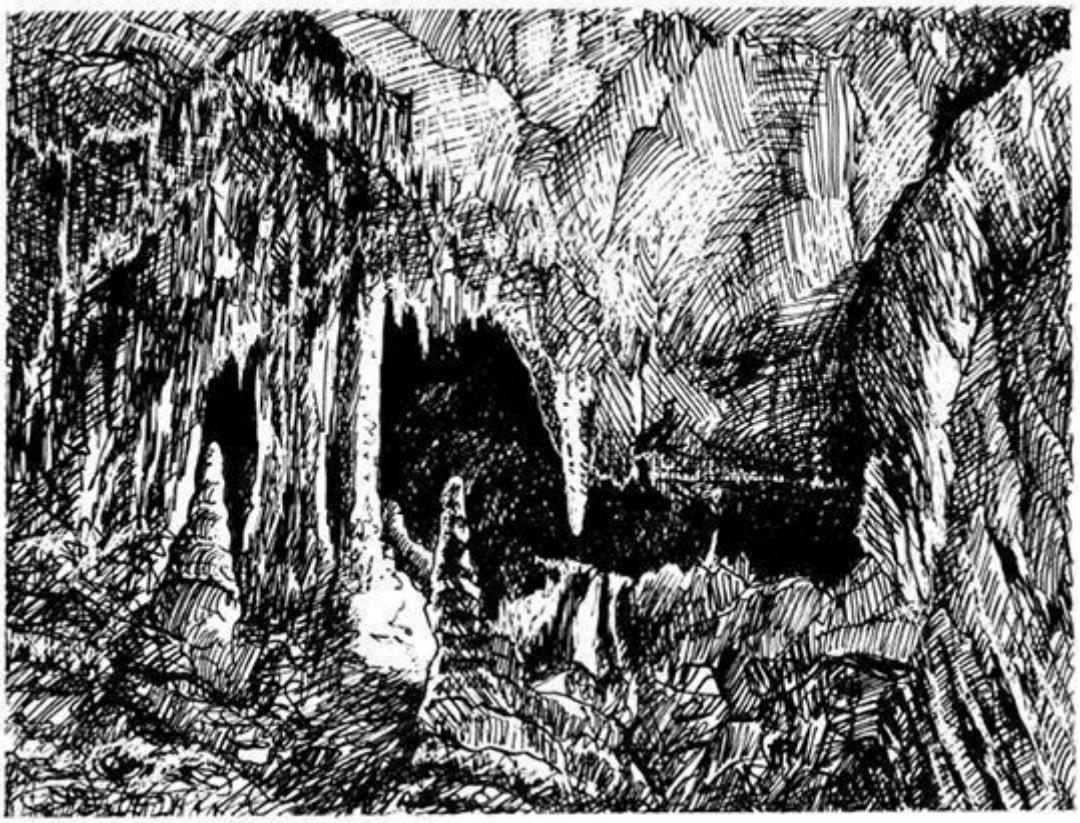
– — Холодно, как в могиле, — тихо сказал Вильмовский. В каменистой недрах слова эхом отдавались глухим эхом. - Действительно, Салли, давай сейчас вернемся. Уже поздно, и все снова начнут волноваться. На этот раз не только обо мне.

Девушка молчала, глядя на мерцающую стену подземного помещения, покрытую стеклом ледяных образований.

– Салли! Ты слышишь, что я тебе говорю? – В тоне Тома уже чувствовалось легкое раздражение.

– ...потому что это могила, Томми, – тихо ответила девушка. – Смотри!

Вильмовский, взяв жену за руку, подошел ближе, освещая, насколько это возможно, ледяную стену – в свете



факелов на ней плясали световые отблески. Он стоял как вкопанный, завороженный этим зрелищем. Салли уже давно открыв рот, она уставилась на пронзительную дрожь картины.

Перед ними, за льдом, словно застывшие в стоп-кадре камеры, лежали два величественных существа. С первого взгляда было понятно, что это мать и ее ребенок. Разница в размерах точно определяла отношения между особями.

– Салли, это, это, это... - Том запнулся от волнения.

– Мамонты![104] ну конечно! Это аляскинские мамонты, сохранившиеся как живые, - добавила Вильмовская. – Смотри!.

Огромные головы с конически разросшимися волосами, длинные, характерные, ребристые туловища и уши чуть меньше, чем у африканских слонов, не оставляли сомнений. «Салли, это, пожалуй, величайшее открытие

палеонтологии!» Вероятно, две особи сохранились целиком! - обрадовался Том.

Тем временем Салли, соблюдая величайшее усердие, сосредоточенно рисовала эту необычную картину. Ее тонкие пальцы, сжатые на карандаше, старательно наносили черточки, точки, которые через некоторое время сливались в единое целое, придавая более полные и все более реалистичные формы. Томек с все возрастающей признательностью смотрел на заполнявшийся альбом Салли. Очередная белизна открыток, покрытых набросками, показанными с нескольких точек зрения. Последовательные белые страницы, покрытые эскизами, показанными с нескольких ракурсов . Вид спереди, вид сбоку и вид на всю пещеру давали подробности истории о спящих гигантских мамонтах..

– Взгляни. Смерть, кажется, настигла их во сне. Никаких следов борьбы, - сказал Том и через мгновение добавил: - Ужасно трогательно. Вероятно, это мать со своим потомством..

– У меня такое же впечатление. Мне кажется, детеныш прижимается к матери, ища защиты от надвигающейся угрозы, - тихо сказала Салли, глядя на ледяное кладбище.

– Перед смертью... - добавил Томек..

Тем временем самодельный факел уже начал подавать явные признаки того, что запасы смолы на исходе.

– Мы должны идти! - решительно сказал Томек. - Свет скоро погаснет, и мы останемся здесь, как эти два бедолаги. Идем!

Девушка на этот раз не возражала. На улице уже царил почти полумрак. К счастью, путь обратно в лагерь у них был довольно прямой. Салли еще только точно обозначила место необычного открытия, и они двинулись вниз к лагерю. Сгущались сумерки.

В лагере стояла тишина, нарушаемая только треском пламени, пожирающего сухие дрова в костре. Большинство участников экспедиции либо спали, либо собирались спать. Только серо-черная тень часового сигнализировала о том, что кто-то следит за безопасностью остальных. Новицкий, заметив Тома и Салли, пробормотал что-то о неразлучных попугаях и, отвернувшись через некоторое время, уснул .

– Тссс.... Пусть спят, - прошептала Салли, увидев, что Том хочет разбудить своих спутников, чтобы похвастаться их открытием. - Завтра тоже день, и приключение в пещере сказалось и на мне. Я иду спать.

– Твое открытие, твое решение, - так же тихо сказал Том. Салли подарила мужу сочный поцелуй на ночь, и через минуту, завернувшись в двойной слой теплого одеяла, крепко уснула.

Вильмовский ходил по лагерю. Он дружески махнул рукой одному из охранников. Было тихо. Только лес резонировал своими ритмами, перебивающими всхлипами, рычанием и вздохами, что означало для одних обитателей девственного леса жизнь, а для других - смерть.

Сделав небольшой круг вокруг лагеря, Том лег рядом с женой, его глаза были обращены к угасающему огню. В голове, как и раньше, пронесся вихрь мыслей. Как будет проходить дальше экспедиция? Смогут ли они достичь поставленных целей?

Внезапно легкий порыв ветра направил лениво улетающий дым от костра прямо ему в лицо. Веки рефлекторно захлопнулись на глазах. Однако тревожные мысли его не покидали. Правильно ли он поступил, согласившись на то, чтобы Салли присоединилась к экспедиции? Он не любил лишнего риска. Особенно когда речь шла о здоровье и жизни близких.

Ему показалось, что дым от костра плотно окутал его, словно дополнительное одеяло. Он был теплым, почти дружелюбным. Через мгновение у него сложилось ошеломляющее впечатление, что кровать Салли пуста. Он проверил, не оборачиваясь. Салли не было на месте, а бережно сложенные разноцветные одеяла уже были приготовлены для дальнейшего путешествия. Через игновение он уже стоял на ногах. К своему удивлению, он заметил, что логово Новицкого так же пусто. Он оглядел лагерь с растущим беспокойством. Он слегка вздрогнул. Да, он был уверен. Весь лагерь был пуст. Вдруг издалека, словно за каменной стеной, он услышал глухой звук приглушенного разговора. Было в этом что-то тревожное, что-то, что не давало спокойно вздохнуть. Он крепче сжал винтовку в руке. Он старался сохранять максимальную сосредоточенность и тишину при каждом шаге. Угасающие языки пламени костров мерцали на неровной скале, образующей естественную границу лагеря с северной стороны. Там была небольшая щель, которую он раньше не видел. Резко втягивая воздух в легкие, он боролся со звуками, которые звучали все отчетливее. Через несколько секунд, почувствовав многочисленные царапины на лице, он оказался по другую сторону каменной дамбы. То, что он увидел, пронзило его лицо ледяным ужасом.

Сразу за каменной стеной начиналась большая поляна, на противоположном конце которой горело несколько костров. Снова и снова взлетали ввысь парящие языки пламени, освещая мрачный театр развернувшейся драмы. Группа из десятка мужчин в странных масках на лицах выкрикивала что-то на непонятном языке. Каждые несколько слов, произносимых частью группы с рычанием, остальные отвечали на повышенных тонах. Одеты они были совершенно одинаково в кожаные штаны и балахоны. Все это выглядело как какой-то таинственный ритуал.

Томек увидел Новицкого, стоящего на коленях, с опущенной головы которого, стекали струйки крови. Совсем рядом со связанными сзади руками в аналогичной позе он увидел Красного Орла. Он напрягал зрение. Он увидел и Салли, которая единственная из всех троих стояла с поднятыми вверх руками. Из глаз ее текли слезы вперемешку с кровью. Из вытянутых вверх рук медленно стекала кровь. Только сейчас он увидел, что Салли держит в руках еще бьющиеся человеческие сердца.

Он хотел закричать, но голос застрял у него в горле. Он попытался снять оружие, но руки отказывались повиноваться ему. Он хотел вскочить на ноги, но что-то крепко удерживало его на месте. Всем своим существом он ощущал страх и ужас в сочетании с бессилием. Слезы навернулись на глаза. Дыхание участилось. Он успел еще увидеть, как один из нападавших приставил девушке что-то к груди. Что-то оборвалось внутри него, и из груди вырвался страшный крик, полный боли и отчаяния.

– Саааааалллли!!!!!, Саааааалллли!!!

Все на долю секунды закружилось и резко затихло. Он рухнул в себя, словно вылетая со скального хребта. До его ушей долетали какие-то слова, словно через фланель. Он открыл глаза. Над ним склонилась Салли с озабоченным выражением лица.

– Что, где...?! Ведь ты ... - прошептал он, чувствуя по-прежнему ужас. – Ты в порядке?!

– О, Томми, Томми! Тебе, наверное, приснился какой-то страшный сон, - твердо сказала она. - Ты кричал что-то непонятное, ты звал меня...

Только сейчас Томек понял, что все это ему приснилось. Он глубоко вздохнул. На втором дыхании он почувствовал охватившее его спокойствие. Он прижал жену к себе.

– Ты даже не можешь представить какой, Салли... ты даже не можешь представить – - повторил Томек..

– Если он действительно такой страшный, то я действительно не могу и не хочу. К счастью, это всего лишь сон – - ответила девушка..

Вильмовский еще крепче обнял жену и долго целовал ее в губы.

Rozdział VII

Chata pełna trupów

Известие об открытии Салли повергло всех в эйфорию. Ярош не удержался от радости и восхищения. Он вертел в руках блокнот Салли, снова и снова спрашивая ее о повторном описании находки. На следующий день он хотел увидеть их своими глазами. Категорически против этой идеи выступили Томек и Новицкий. Тлингиты и Красный орел были против. Салли приняла нейтральную позу, беспомощно разводя руками. Одновременно она впилась обвиняющим взглядом в Томека.

– Ха! Ну и ну! Эта маленькая вертит его, как сахарную ватой на ярмарке – - пробормотал себе под нос Новицкий.

Его лишь слегка успокоили заверения Тома и Салли, что сразу же по возвращении они организуют специальную поездку, посвященную исключительно этому открытию. Тем не менее, перед лицом столь широкого противодействия Ярош с демонстративным недовольством на плотно закутанном в пестрый плед лице спрятался в конце лодки, спасаясь от ироничных улыбок других путешественников. Погода должна была измениться. .. Во время ливня отвесные известняковые скалы становились идеальными каналами для стекающей с гор воды. За

несколько минут сухие расщелины превращались в заполненные до краев желоба. Пребывание в таком месте не только грозило опасностью, но и могло подвергнуть легкомысленного путешественника верной смерти. Ввиду такого решительного настроя всех участников экспедиции Ярош с глубоким вздохом перестал настаивать на экскурсии в «Мамонтова пещера», как он стал ее называть. Однако он потребовал от Салли и Тома, чтобы он первым получил возможность ознакомиться со статьей, которую Вильмовская изъявила желание написать.

За несколько мгновений до рассвета они покинули берег.Салли, взволнованная вчерашними событиями, точно отметила долготу и широту находки, точно определив местоположение каменной бухты. Солнце, которое теперь каждый день просыпалось все раньше и раньше, застало две лодки уже в русле Ненаны. Примерно через два часа тлинкиты вывели лодку на скалистый перешеек, который вел к узкому, но довольно длинному озеру, а еще через час плавно повернули на юго-запад. Стремительное течение было признаком того, что они снова плывут по волнам реки.

Красный Орел коротко сказал: Чулитна.[105] Река была мутной. Питаемая стекающими с гор твердыми и периодическими ручьями, она несла большие колоды хвои, камней и, прежде всего, огромные массы гравия. Изменился и характер леса, чаще, чем до сих пор среди хвойных представителей Северной флоры, показывались сначала поодиночке, а потом группами, лихие, потому что еще голые, лиственные деревья.

Река набирала обороты и величие. Новицкий вкладывал в управление лодкой все свои силы, опыт и навыки, внимательно наблюдая за Красным орлом, который сосредоточенно передавал команды от одного из

Тлингитов. Волны снова и снова поднимали лодки на своих вершинах, и водные гребни регулярными щелчками плескались по днищу лодки.

Минуя водные ловушки и подводные разломы, они мягко преодолели Чулитную излучину. Вид, открывшийся потом перед ними, захватывал дух и на несколько мгновений лишал всех европейцев речи. Из-под тающего льда показался каменистый берег реки, над ним загустевший зеленый хвойный лес, затем голое плато, на котором еще царила зима, взметнулось к небу крутыми скальными склонами.

– Мак-Кинли... - прошептал Том.

– Денали... - благоговейно прошептал Красный Орел.

Воспользовавшись благоприятным течением, лодка Яроша резко повернула налево и пересекла довольно узкий в этом месте ручей Чулитна. После непродолжительной борьбы с сопротивлением реки лодки зашаркали по дну. на каменистой земле. Вытащить их на берег и соорудить импровизированную швартовку заняло всего минуту.

Красный орел, не говоря ни слова, закинул винтовку на спину, предварительно проверив замок, и исчез в зарослях леса. Томек и Новицкий, тоже с оружием под рукой, остались на берегу.

– Беги, мышка, в нору, серый кот тебя не догонит, - промурлыкал матрос себе под нос по-польски, доставая остатки своего снаряжения.

Ярош смотрел на них со все возрастающей тревогой, наконец не выдержал:

– У меня сложилось впечатление, что с того момента, как Фортуна связала наши судьбы, вы, господа, что-то скрываете от меня....

Томек и Новицкий переглянулись.

– Вы правы, признал Вильмовский. - Впрочем, это не секрет от вас, это вытекает из совершенно... э... других обстоятельств, свидетелем которых вы уже частично были.

– Признаюсь, я ничего не понимаю. - Ярош пожал плечами.

Том посмотрел на Новицкого, и, когда тот кивнул головой, кратко рассказал о последних днях и истинной цели экспедиции. Ярош внимательно слушал, не перебивая. Салли положила голову на плечо мужа.

– Это уже все? - спросил он, и когда Томек кивнул, на мгновение наступила тишина. Наконец путешественник радостно воскликнул::

– Но друзья! Это потрясающе! Принять участие в спасательной экспедиции! Здесь, на Севере, на Аляске! Это настоящая удача, совпадение, если хотите, что судьба пересекла наши пути.

Трое друзей были немного удивлены поведением Яроша. Однако они вздохнули с облегчением. Особенно Томек, с развитыми принципами правдивости и искренности,

привитые его отцом и Смугой, было неудобно скрывать истинную цель от своего попутчика.

Они долго работали почти в полной тишине, несли поклажу, разбили еще один простой лагерь в небольшом бассейне рядом с лодками, которые, крепко привязанные к прибрежным скалам, размеренно покачивались на волнах Чулитны. Только Салли, почувствовав себя на мгновение совершенно ненужной, села на плоский камень и страстно что-то зарисовала.

Уже почти стемнело, когда небольшой лагерь в уединенной котловине осветился отблесками костров. Брошенный в кипящую воду пемикан, приправленный говядиной и овощными консервами, вкусно пах. Салли бросила дрова в огонь, поплотнее закуталась в одеяло. Прямо над котловиной сошлись два прохладных порыва: один, мокрый, речной - из-за Чулитны, другой горный - выталкиваемый напором со стороны массива Денали..

Уже почти стемнело, когда в зареве костров вдруг появился Красный Орел, словно выросший из-под земли. Не здороваясь, как это было у него в обычае, он подошел к тлинкитам и заговорил тихим голосом. Салли навострила уши, услышав лишь отдельные слова. К несчастью для нее, навахо использовал один из диалектов атабасков, на которых говорили тлинкиты. После короткого разговора молодой человек согласно кивнул головой и с винтовкой в руке исчез в темноте.

Томек сразу обратил внимание на это, казалось бы, ничего не значащее движение. Оружие в руках, а не на спине означало на универсальном языке ловцов и путешественников, особенно туземцев, одну – таящуюся опасность. Красный орел только сейчас присел у костра. Он поблагодарил жестом руки, когда Новицкий подсунул ему миску свежеприготовленной еды. Он ел экономно и

неторопливо, хотя с самого рассвета, когда съел небольшую трапезу, во рту у него ничего не было.

Том знал, что один из длинных списков пунктов индейского кодекса поведения требовал сдержанности в проявлении чувств. Североамериканские индейцы - несмотря на население огромного континента и разнообразные условия жизни, от восточных берегов до пустынь юга и лесов Великих озер или Великих равнин - создали несколько универсальных систем общения в виде так называемого языка жестов [106], а также канон обычного повседневного поведения.

Красный орел наконец отставил миску. Он с минуту смотрел на пламя костра. Нетерпеливый Ярош внезапно нарушил молчание.

– Ну, говорите!

Красный Орел, немного удивленный, посмотрел на него укоряющим взглядом, но уже не испытывал терпение путников.

– Они мертвы – - коротко бросил он..

– Говори яснее, брат. Кто и где умер?! - настаивал Новицкий.

– Красный орел добрался до исследовательской станции. Она на озере примерно в получасе пути отсюда – - ответил Навахо..

– Мой брат был внутри? – подключился Томек.

– Да. Но Красный Орел не входил в блокгаузы, - ответил он. - Через дыру в стене я видел трупы. Эти белые не умерли естественной смертью.

– Поэтому младший тлинкит отправился в путь в темноте, — добавил Том.

– Я не понимаю. Тогда почему мой проводник покинул лагерь? - спросил Ярош.

– Он стоит на страже – - пояснил Томек с легкой снисходительностью в голосе.

Вильмовский посмотрел на Навахо. На первый взгляд индеец имел равнодушное выражение лица, но было видно, что он хочет сказать что-то еще.

– Пусть мой брат говорит.. Красный орел среди друзей, - ободрил он друга.

– Красный Орел нашел следы снежного человека, — сказал он почти шепотом.

При последнем слове старший тлинкит подошел ближе к огню, где происходил разговор.

– Чьи следы? Это какое-то животное? – спросил Ярош, доставая на всякий случай блокнот из кармана кофты. Открытие Салли снова и снова приводило его в чувство от попутного волнения.

– Sasquatch — это снежный человек в белом. Наполовину человек, наполовину животное, — тоже тихо ответил он..

– Такие аляскинские Йети? - Новицкий заметно повеселел.
Мне уже дважды доводилось сталкиваться с этими мифическими существами, и ни они, ни я как-то не питали друг к другу симпатий. Ни одна из них не попадалась мне на пути.

– Ой, Тадек, Тадек, - перебил друга Вильмовский. - У тебя и так очень плохо с памятью. Контакт со Снежным человеком, то есть Йети, у нас был только один раз в горах Тибета, а не два[107].

– Память у меня хорошая и совсем не такая короткая – - парировал моряк. - Если я говорю, что два, то два. Я впервые столкнулся с рассказом об этом мифическом существе, когда плавал вдоль побережья Суматры. Насколько я помню, местные жители называют это странно Оранг-пендек, что означает „маленький человек”, а Йети был моим вторым контактом, как оказалось, не последним.

– Я помню, как общалась с туземцами в окрестностях нашей семейной фермы, я часто слышала, что если я буду вести себя плохо, ночью за мной придет Йови, великий человек, который унесет меня в горы, — вмешалась Салли.

– И! Помнится, я где-то читал, что в Сибири и на севере Монголии можно встретить существо по имени есть Алма или Алмас, то есть большое мохнатое существо, похожее на человека, - добавил Ярош.

– Отсюда следует, что мир полон загадок и тайн; завтра мы попытаемся решить одну из них, а сегодня мы все будем спать, - подытожил Томек.

– Золотые слова, золотые слова слова, браток – - Новицкий был явно доволен. - Нет ничего лучше хорошей еды и теплого одеяла у костра.

Установив порядок дозора, уставшие за весь день быстро уснули.

*

Решительный рывок за плечо вырвал Тома из глубокого сна. Это был Тадеуш, который одновременно перекидывал на спину часть багажа.

– Вставай, браток. Пора – - сказал он уверенным шепотом.

Полуоткрыв глаза, Вильмовский оглядел лагерь. Салли только что уложила длинные волосы в удобный пучок, Ярош что-то настойчиво записывал, а старший из Тлингитов тушил костры. Красный Орел снова отсутствовал. Встав, Томек увидел младшего из проводников на одной из скал прямо над лагерем. В сложенных на груди руках он держал скорострельный Ремингтон.[108].

Они двигались один за другим. Младший тлинкит шел наверху, за ним Томек с Ярошем и Салли. Шествие замыкал пожилой индеец. Красный орел уже рвался вперед, оставляя группу позади. Они шли в полном молчании. Спустя примерно полчаса идущий впереди индеец, имени которого они до сих пор не знали, дал знак остановиться, подняв вверх правую руку, свернутую в кулак. Из-за из могучей ели бесшумно высунулся Красный орел. На раскрашенном охрой[109] лице сияли только темные глаза..

– Перед нами исследовательская станция. Два больших блокхауза и один поменьше. Они стоят в одном выстреле из лука от берега озера. С той стороны, по которой мы находимся, вниз ведет одна тропинка, ведущая животных к водопою, - обрисовал ситуацию Навахо.

Немного подумав, Томек скомандовал:

– Я, Орел, Тадек и Тлингит спускаемся на базу. - Салли, Ярош, вы останетесь с проводником здесь.

Он говорил таким уверенным голосом, что даже Салли, которая обычно пыталась спорить в таких ситуациях, теперь просто кивнула и потянулась за биноклем.

– По крайней мере, так я смогу быть с тобой, - сказала она, и Томек сдержанно улыбнулся ей.

Они двинулись дальше. Тропинка плавно спускалась к берегу озера, обрываясь в нескольких метрах от зеркала воды. С левой стороны, рядом с несколькими одинокими елями, стояли деревянные избы из необработанных сырых бревен. Из-за ветра, солнца и мороза древесина настолько потемнела, что с расстояния даже в несколько метров здания казались нарисованными рукой человека. На первый взгляд они казались давно заброшенными.

Томек дал знак разделиться и обыскать заброшенный лагерь. Дверь в первую избу довольно легко приоткрылась

под напором ладони. Внутри царил полумрак, и единственный свет, с трудом проникавший через приоткрытую дверь, позволял лишь бегло осмотреть интерьер.

Томек заметил, что в блокгаузе царил беспорядок: кое-где валялись поврежденные предметы, назначение которых из-за степени опустошения трудно было угадать. Небольшие отверстия в стенах были закрыты чем-то вроде внутренних ставней, сколоченных из нескольких досок. Сооружения этого типа, имеющие свою родословную еще в начале колонизации северных территорий, являлись не только зимним укрытием звероловов и землепроходцев, но и должны были выполнять оборонительные функции на случай визита незваных гостей.

Нетерпимый смрад затруднял дыхание. Вероятно, присутствие одного из лесных жителей зимой дополнительно способствовало созданию затхлой атмосферы в здании. Беглый осмотр результатов не принес.

– Ты должен это увидеть, брат! - Новицкий вдруг остановился в дверях, прикрыв рот ладонью.

Томек двинулся за другом. Перед входом во второе здание стоял Красный орел. Лицо у него было каменное, челюсти плотно сжаты. Младший из тлингитов с взведенным пистолетом окинул взглядом окрестности.

Вильмовский согнул шею и уже хотел войти внутрь, когда Новицкий решительно сжал его за плечо.

– — Тебе лучше заткнуть нос — сказал он. Его лицо было бледным, а на висках выступили капельки пота.

Без лишних вопросов Том вынул льняной носовой платок, подарок от Салли на прошлое Рождество. Он обернул его вокруг лица, как ковбои из Аризоны, и вошел внутрь. Зрелище, которое он увидел, вызывало и рвоту, и ужас. Как и в первом здании, тоже и здесь царил полумрак,

но вот уже с порога в ноздри ударил сладковатый и тошнотворный запах разлагающихся трупов.Навахо, вошедший вторым, держал в руке горящий факел, сделанный из смолистой хвои. Теперь можно было осмотреться внутри . У одной из скамеек в сидячем положении замерла фигура мужчины. На первый взгляд казалось, что он спит. Однако плотная паутина нитей заплетая в длинную и седеющую бороду, исключала такую возможность Правая сторона головы была покрыта чернеющей коркой, из которой сочилась жидкость.

Том крепче прижал носовой платок Салли к своему носу. Тонкий запах любимых духов его жены растворился в смраде разлагающегося трупа и еще чего-то неопознаваемого. В углу нашли еще один труп. Мертвое тело, прислоненное к стене, с вытянутыми вперед ногами, производило впечатление брошенного предмета, покрытого глыбами бело-зеленой плесени.

Самое жуткое открытие ждало их у самой длинной стены сруба. Тела двух мужчин были подвешены на толстых веревках под самым потолком, а затем растянуты. Раскинутые в стороны руки образовали своеобразный крест.

Томек бросил взгляд на руки этих бедняг и без труда разглядел торчащие из них покрытые ржавчиной длинные металлические гвозди. Эти двое были распяты. Новицкий , видя, что его младший друг на пределе, отдал короткую команду:

Достаточно. Уходим! - Он взял Вильмовского за руку, и они вышли на улицу.

Свежий воздух, струившийся с горных склонов, быстро привел в себя Томека. Он глубоко вздохнул несколько раз.

Кто ... кто мог это сделать?! - спросил он, вытирая рот платком.

– Определенно кто-то, кто очень хотел узнать, что знали эти несчастные. - Моряк пытался найти ответ.

– Совершить такое страшное преступление могли только люди, животные на это не способны – сказал Томек, уже полностью овладев собой..

– Точно, брат! К сожалению, люди-худшие звери, которые ходят по земле. Мы нашли этих мертвецов, но что с того? Загвоздка в том, что дальше мы ничего не знаем... - Новицкий задумался.

– Все, что мы знаем, это то, что на базе было пять или шесть человек из экспедиции, а тел, если я хорошо умею считать до пяти, четыре, а значит...

– Что кто-то мог выжить, — добавил Новицкий.

– Красный орел нашел это! - Навахо бесшумно подошел к друзьям. На вытянутой руке он держал цепочку с крестом.

– Ведь это...

– ...православный крест, - пояснил Том, глядя на потемневший от влаги кусок металла. Окончаний, характерных для традиционных православных крестов, было восемь. Его нельзя спутать ни с каким другим христианским символом.

– Русские? Да откуда тут русские!? - с сомнением бросил Новицкий.

– О, Тадек, Тадек, я вижу, что история с продажей Аляски русскими американцам уже вылетела из твоей головы.

– Действительно! - Новицкий так хлопнул себя ладонью по лбу, что эхо отразилось от стены деревьев.

Тем временем младший из тлинкитов подал рукой другим участникам экспедиции сигнал спускаться к озеру. Вскоре все трое уже стояли у берега. Томек в нескольких словах рассказал о жуткой находке и запретил кому-либо входить внутрь. Двое тлинкитов тихо совещались сбоку, что не ускользнуло от внимания Вильмовского.

– Что делать с этими несчастными? - размышлял вслух Новицкий..

Томек долго думал над решением.

– Лучше всего будет сжечь хижину – твердо сказал он.

– Нет, Томми! Сжечь? Разве мы не похороним их по обычаю? - Салли была явно удивлена решением мужа.

– Поверь, дорогая, я думал об этом, но во-первых: трупы находятся в таком состоянии, что их трудно будет в целости и сохранности перенести в могилы, а во-вторых: у нас с собой нет ни кирок, ни лопат, и без них в этой мерзлой земле мы не выкопаем глубокую яму. Тела, закопанные неглубоко, только привлекут диких животных, - объяснил он жене.

– Том прав. В нашей ситуации это единственное и лучшее решение - присоединился Новицкий, а Ярош,

который молчал и был озабочен ситуацией, понимающе кивнул головой.

В течение некоторое время они нарубили как можно больше смолистых веток и подожгли огонь под блокгаузом. Красный Орел в первой избе нашел сосуд с керосином, что облегчило поджог. Сначала деревянные стены сопротивлялись, пропитанные осенней и зимней влагой, но когда изнутри и снаружи пламя достигло сухих фрагментов конструкции, огонь в считанные мгновения распространился по всему зданию.

Все четверо молча смотрели на это мрачное зрелище, и Новицкий горько вздохнул:

– У них не очень хорошие похороны. А мы до сих пор не знаем, что делать.

Двое тлинкитов, которые до сих пор что-то шептались в сторонке, подошли к остальным. Старший, явно подбирая слова по-английски, сказал::

– Я, Шагающий Днем, и мой сын, Черная Птица, приветствуем вас на земле тлингитов и приглашаем вас в нашу деревню в полдня пути отсюда.

Том был немного удивлен — не столько внезапным приглашением индейцев, сколько тем, что впервые после их памятной встречи после катастрофы с Фортуной они заговорили с ними напрямую, без Красного Орла. Последний улыбнулся слабо,, но довольно красноречиво впервые за несколько дней.

– Нечего и думать, брат, – трубным голосом заявил Новицкий. - У нас все равно нет никаких идей, что делать дальше.

– Ты прав, Тадку, – признался Томек и, обращаясь к индейцам, добавил: – Большое спасибо за предложение и, конечно, мы будем рады им воспользоваться.

– Угх!- скрепил договор навахо.

Не теряя времени, они тронулись в путь. Они оставили за собой пылающие обломки блокгауза. Вильмовский одну руку держал в кармане, сжимая в ней металлический крестик, найденный Красным Орлом. Что он мог означать и кому принадлежал? Вопросы пока оставались без ответа.

Rozdział VIII

Dolina totemów

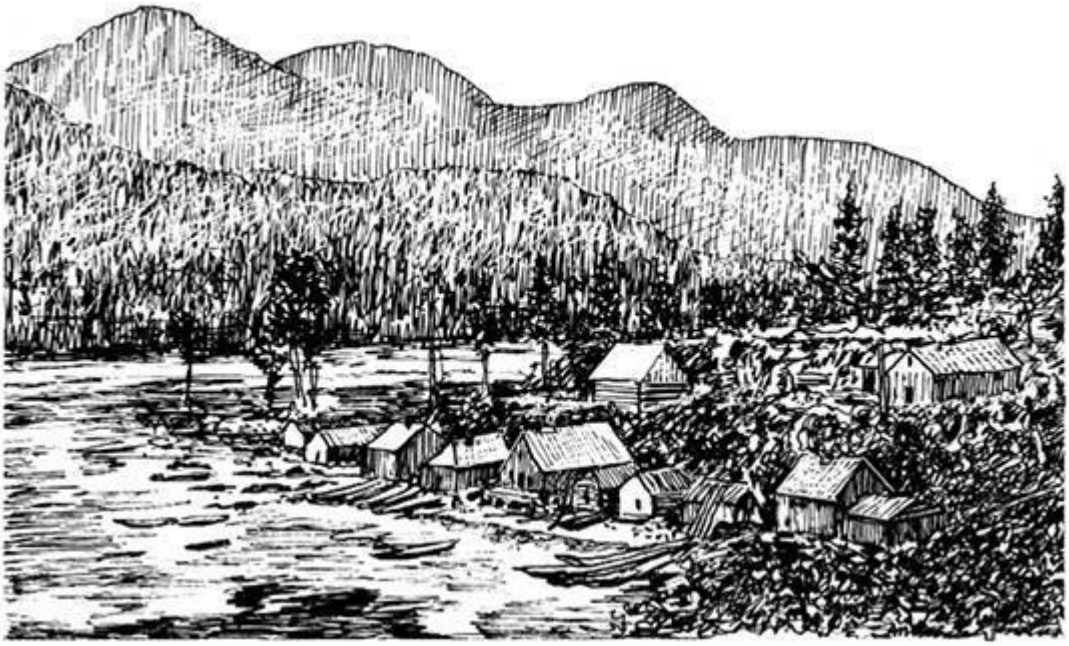
Небо озарилось первыми звездами, когда после довольно интенсивного марша все семеро достигли деревни Тлингитов. Шагающий днем и Черная птица вели уверенно, ловко обходя заводи рек без названия, переходящие в опасные грязи и болота. Томас заметил, что в отличие от индейцев Нью-Мексико и Аризоны, которые традиционно жили в небольших хижинах для одной семьи, Тлинги строили большие общие длинные дома из деревянных бревен, увенчанные двускатной наклонной крышей.

Опытный глаз Вильмовского зафиксировал, что деревня тщательно охраняется местными жителями. Задолго до того, как в чистом Северном воздухе можно было ощутить запах горящих костров, предзнаменование человеческой среды обитания, на тропинке появились два воина, стоявшие в дозоре. В самой деревне, хотя наступали сумерки,не было никакой суеты. Лишь раз за разом можно было разглядеть проносящуюся мимо деревенскую собаку.

Шагающий днем уверенно подошел к самому большому дому. Его вход охранял высокий воин. Слов не было - тлинкит скрылся внутри длинного дома. Салли заметила, что туловище охранника было покрыто чем-то вроде кольчуги, сделанной из маленьких металлических дисков.

Рядом с домом стояла монументальная скульптура высотой в несколько метров, вершина которой напоминала большую птицу.

Однако времени на тщательное наблюдение не было, ибо уже через некоторое время на возвращение появился шагающий днем, показывая, что следует последовать за ним. Вскоре они добрались до гораздо меньшего здания. Тлингит, не говоря ни слова, открыл небольшую дверь и указал на освещенное сиянием горящих костров внутреннее помещение. Он кивнул на прощание, а затем быстро



удалился; его фигура исчезла в сгущающемся с каждым мгновением мраке.

– Внутреннее убранство дома, видимо, было подготовлено к таким неожиданным визитам, так как в деревянных чашах стояла вода, а на небольших деревянных платформах лежали разноцветные одеяла.

– – «Это не Бристоль [110], но на безрыбье и рак рыба, – сказал Новицкий, оглядываясь по сторонам.

– - Не жалуйся, Тадек, не жалуйся. - Том бросил поклажу на пол. - Не так давно ты сказал, что отдал бы все за крышу над головой, горячую еду и глоток рому.

– - Ха! Верно, браток! Я ворчу, как моя тетя, Аниэла из Бродно, а ты должен знать, хоть и была у нее голубиное сердце, но в повседневной жизни ее было трудно переносить..

Салли присела рядом с ними. Все испытывали тяготы странствий и событий последних дней.

– Красный орел как раз подбрасывал огонь, когда дверь избы с легким поскрипыванием распахнулась. На пороге стояли две молодые женщины. В руках они держали небольшие котлы, прикрытые прочными чугунными крышками. Было видно, что у тлинкитов уже давно были тесные торговые связи с миром белых. Индианки застыли в выжидательной позе. Навахо дружески кивнул им рукой и добавил несколько слов на одном из атабасканских диалектов, понятных женщинам. Нежные улыбки пронеслись по их лицам, показав белизну зубов, которая контрастировала со смуглой кожей и с чернотой волос. Оставив посуду сразу за порогом, молодые тлингитки тут же удалились.

- О, ты же видишь, что здесь кто-то хорошо о нас думает, - сказал Новицкий, снимая крышки с посуды. Через некоторое время приятный аромат распространился по внутренней части деревянной хижины. - Черт бы меня побрал! Я не знаю, что это и что это такое, но пахнет и выглядит как бристольский обед!.

- Томек огляделся. Рядом с сосудами с водой стояли аккуратно сложенные одна на другую деревянные чаши. Внимание привлекли богатые украшения и мотивы, о которых Вильмовский не мог догадаться. На помощь ему пришел Красный орел, заметив интерес друга, изучающего взглядом деревянную посуду.

– - Местные жители уже много лет славятся разнообразными товарами, которыми они торгуют почти с таким же успехом, как кожа и меха — пояснил Навахо. - Мой брат, должно быть, заметил высокий столб перед входом в главный длинный дом. [111].

Том согласно кивнул.

– - Это тотем, рассказывающий историю клана и являющийся одновременно его символом..

– - Пусть мой брат рассказывает дальше, – ободрил Томек..

– *All right*! – Красный Орел поставил миску с едой. - Местные тлинкиты представляют собой группу, которая произошла от внутренних тлинкитов [112] и известна как внутренние тлинкиты.

Как и мои братья на крайнем юге, местные индейцы живут кланами, только мои братья заперты в резервациях, как в тюрьмах, а они здесь совершенно свободные люди. В голосе Красного Орла была нотка горечи.

– – Правда. Я своими глазами видел, как унижают в резервациях Навахо и Апачей – - признал Томек..

– - Это просто бесчеловечно, как можно в двадцатом веке так обращаться с людьми.!

– А я тебе еще раз говорю, браток, мир построен не на справедливости, он построен на законе кулака. И кто машет им чаще и сильнее, тот и побеждает. К сожалению - сказал Новицкий.

– - Во всяком случае, здесь, на Аляске, индейцы живут почти так же, как и их предки, и надо верить, что ни американское правительство в Вашингтоне, ни канадское правительство в Оттаве не захотят это изменить. - Ярош попытался принять более оптимистичный тон..

– Лицо Красного Орла снова стало каменным, и только его глаза показывали, что глубоко в его душе бушуют волны темных воспоминаний и сожалений. Он стал угрюмым. Увидев настроение своего друга, Том вспомнил нить, которую он бросил минуту назад.

– - Мой брат упомянул, что местные тлинкиты являются частью более крупной группы внутренних тлинкитов. И на какой территории они живут?

– Угх! - Навахо словно вынырнул из глубокой задумчивости. -На самом деле название Тлингит довольно общее, ибо оно включает в себя различные группы, населяющие северо-западную часть провинции Британская Колумбия и южную территорию Юкона в Канаде. Отдельные группы также живут в районе от Портландского канала, вдоль нынешней границы между Аляской и Британской Колумбией, и к юго-востоку от дельты реки Коппер на Аляске и почти весь архипелаг Александра.

– - Это огромная территория! - восхищенно признал Ярош..

– - Да. Это Lingít Aaní, или земля тлингитов, объяснил индеец.

– - Другая группа - это южные тлинкичи из района к югу от пролива Фредерик и северные тлинкичи, живущие к северу от пролива Фредерик до мыса Спенсер..

– – Любопытно, как получилось, что индейцы Аляски, при таких богатствах этой местности, не разделили судьбу других североамериканских племен, – размышлял вслух Новицкий.

– - Это довольно просто объяснить. Климат. Чем дальше на север, тем суровее и мало гостеприимнее. Кроме того, отсутствие компактного поселения и дорог, отличных от водных, не способствует... - пояснил Вильмовский.

– - И я надеюсь, что это еще не скоро изменится. - Салли[113] протяжно зевнула..

Красный Орел впервые за долгое время почти незаметно улыбнулся и продолжил::

- Интересно разделение сообщества тлинкитов на основной клан под названием наа, относящийся к одному и тому же предку, общему хозяйству и истории группы. У каждого наа есть свой тотем, точно описывающий историю группы, общего предка и важнейшие события в жизни клана.

Меньшие семейные группы образуют хит или расширенные семьи. - Навахо бросил вязанку хвороста в огонь, который вспыхнул новым светом. - Я довольно хорошо познакомился со многими различными группами индейцев Аляски, а также с северной Канадой, когда работал на правительство. Я не знаю, если бы Черная Молния узнал- не отнесся ко мне как к предателю?...

– - У моего брата большое сердце и большие знания о своем народе, а вождь апачей был мудрым человеком и, наверное, никогда бы не подумал так о Красном Орле, - возразил Томек..

– – Верно! Мой старик говорит: Раз уж ты влез к воронам, то и каркай, как они! - прокомментировал Новицкий.

Красный орел снова улыбнулся этим словам..

– - Мои братья знают, что сказать, чтобы прогнать дурные мысли, – с облегчением сказал Навахо..

Мы не только так говорим, но прежде всего так думаем! Правда, Тадек?

– – А как же! – подтвердил матрос и добавил, указывая на Салли.:

– - Не знаю, как вы, молодые люди, а мне надоело сегодня трясти животом по этим кочкам, и я иду спать.. Тем более что наша синица давно улетела в страну спокойного сна.

Томек ласково улыбнулся, глядя на жену, закутанную в мягкий мех северных лисиц. С другой стороны избы, втиснувшись под несколько разноцветных одеял, похрапывал Ярош..

– - Действительно, пора отдыхать..

Через некоторое время теплое нутро хижины отозвалось глубокими вздохами спящих путников.

Томек снова не мог уснуть. Некоторое время он вглядывался в полумрак. Вдруг с другой стороны салона он

разглядел знакомый контур фигуры. Это был Красный орел.

– Мой брат... - хотел спросить он, однако Навахо решительным движением приложил палец к губам, сигнализируя о необходимости соблюдать тишину. Кивком головы он указал на выход..

Снаружи царила темнота, освещаемая лишь в нескольких местах горящими кострами. Том видел несколько собак светящиеся в тепле огни, внимательно наблюдавшие за ними из-под полуопущенных век..Однако, не почувствовав угрозы, после минутного наблюдения они снова предались бдительному сну..

Навахо шел уверенно, быстро. Только через несколько десятков шагов он остановился и повернулся к Тому.

– Мой брат, наверное, удивлен и удивлен, почему Красный Орел крадется сквозь ночь, как вор? - спросил он .

– — Мне это даже в голову не пришло, — ответил Том. - Но действительно..! Может ли мой брат раскрыть цель этой прогулки в такое странное время?

– Красный Орел, несмотря на годы, проведенные среди белых, никогда не переставал быть Навахо. Мой брат это поймет, когда увидит сам – - серьезно ответил индеец.

Только сейчас Том понял, что они стоят перед входом в небольшую хижину, стоящую немного в стороне от проторенных дорог. Они вошли внутрь. Внутри несколько бревен светились в каменном кругу, давая небольшое пламя.

Красный Орел сел, скрестив ноги. Томек поступил точно так же. Какое-то мгновение длилось, словно безмолвие. Навахо потянулся к обертке, которую держал спрятанный за поля толстовки. Он начал шептать. Слова пронеслись по всему внутреннему пространству. Внезапно Навахо одним движением швырнул в тлеющий огонь щепки, зажатые в

сжатой руке. Яркий огонь осветил все пространство. Томек почувствовал сладкий запах паленой травы. Ему казалось, что фигура Красного Орла выросла минимум на голову..

– Навахо верят, что все несчастья являются результатом дисбаланса, в котором находится мир. Во всей вселенной существует порядок, который нарушается в результате преднамеренных действий злых духов и людей. Все зло этого мира - результат возникшей дисгармонии, - говорил Орел тихо, хриплым голосом, и Тому показалось, что тени, мелькавшие за его спиной на стене, превратились в две фигуры, которые, как дерущиеся змеи, сжались в убийственном объятии.

Навахо бросил еще одну горсть трав, и огонь на мгновение поднялся почти до потолка. Он все время шептал то то сильнее, то слабее голосом, напевая слова молитвы. Том посмотрел один раз на Орла, один раз на тень, сражающуюся за его спиной. Дым ел глаза, но не давал им закрыться.

Внезапно огонь потух. Тени уменьшились и через некоторое время исчезли совсем. Навахо открыл глаза, сказав:

– Мир вокруг нас полон дисбалансов. Ближайшие дни покажут, услышали ли духи мои молитвы. Том понимающе кивнул, хотя и не совсем понимал, чему он был свидетелем и в чем участвовал. Но, зная индейский этикет, он понимал, что нехорошо спрашивать, если Красный Орел сам не захочет говорить.

– Пойдем спать. Нас ждет трудный день – - сказал Навахо.

*

Бледный рассвет поднял всех на ноги — со стороны озера донесся громкий гул. Полусонные они выскочили перед хижиной. Так же поступило большинство жителей села.

Толпа на берегу с каждым мгновением сгущалась и смотрела на вереницу каноэ, скользящих по безмолвной глади озера.

Томек увидел в толпе Шагающего Днем и его сына Черную Птицу. Они стояли рядом с мужчиной среднего роста, выделявшимся на фоне других нарядом-длинным, сотканным в геометрические узоры пледом, плотно окутывавшим всю фигуру. Салли сразу обратила внимание на необычайно колоритную и оригинальную одежду всех туземцев.

– Он местный аанхаву, — сказал Красный Орел, тронув за рукав кожаной куртки Тома.

– *Кто? – с любопытством спросил Вильмовский.*

– *Aankháawu*. Местный вождь.

Том понимающе кивнул. Однако на более долгий разговор времени не было, потому что чем ближе подходили лодки, тем яснее становилось то, что произошло. Их пассажиры спасались от огня. Лица их были перепачканы сажей и дымом, а одежда обожжена и висела клочьями. Дети кричали все громче и громче, и звук разносился по берегу озера и наполнял всю деревню.

Увидев происходящее, все бросились на помощь. Мужчины, старики, женщины и даже подростки — все бросались в холодную воду озера, чтобы вытащить несчастных на берег. Анхааву контролировал все, отдавая приказы сильным и почти металлическим голосом. Раненых и сильно избитых приносили в одну из хижин, а замерзших и перепуганных - в другие.

Том смотрел на жертв с расширенными зрачками. На какое-то мгновение все, казалось, замедлилось. Плач детей и причитания женщин, Новицки, тянущая всю лодку с перекошенным от напряжения лицом, Салли с растрепанными волосами, бегущей по мелководью, и Ярош,

стоящий на берегу с открытым ртом. Все это дошло до него с минимальной задержкой, что усилило острое впечатление. Только сильная встряска и решительный тон Красного Орла вывели Вильмовского из минутного оцепенения. Он двинулся на помощь .

Вид молодой женщины, истекающей кровью из довольно глубокой раны на левой щеке, несущей на руках пострадавшего младенца, производил особенно страшное и вместе с тем трогательное впечатление. Ребенок не подавал признаков жизни, а из уголка его рта сочилась струйка крови. Спустя почти час ситуация была взята под контроль. Томек и другие участники экспедиции оказались внутри уютного домика, где пламя, подпитываемое сухими дровами, освещало и согревало атмосферу. Они уже переоделись в сухую одежду и только что молча сидели у костра, как в дверях хижины появился Черная Птица. Его лицо, почерневшее и холодное, горело гневом. Он окинул сидящего взглядом и коротко сказал на беглом английском:

– Анхаву зовет вас. – В его голосе звучала твердость, неожиданная у этого молчаливого юноши, с которым им довелось познакомиться. Вернее: который производил впечатление молчаливого, потому что, собственно, за последние несколько дней совместного похода у них не было возможности познакомиться с ним.

– Идем, - без раздумий ответил Томек и двинулся за Черной Птицей.

В самом большом здании, где на входе стоял тотем больших размеров, царило нервное оживление. В общем гуле послышались повышенные голоса, в воздухе повисло напряжение. Даже сторонний наблюдатель легко мог сделать вывод, что единственной темой для разговора были события, произошедшие несколько десятков минут назад, особенно то, что произошло раньше.

Анхааву сидел в центре на помосте, окруженный десятком человек, включая женщин, которые были старейшинами племени. Томек, хотя и был опытным путешественником, был несколько удивлен этим зрелищем, потому что в большинстве подобных ситуаций, в которых ему приходилось это делать, он имел дело только с мужчинами [114]. Тлинкиты были другими и отличались от большинства североамериканских индейцев,хотя бы тем, что у многих из них была щетина, а у некоторых даже бороды[115].

Вильмовский некоторое время наблюдал за аанкхаву. Вождь пользовался истинным уважением своих людей, потому что, как только он открывал рот, желая что-либо прокомментировать, все вокруг умолкали[116]. Когда аанкхаву заметил визитеров, он дружески кивнул, приглашая подойти поближе..

– Я, Сидящий Высоко, хотя и ношу имя, которое дали мне белые, Чарли Джонс, и я шестой Шейкс Тлингитов[117], - сказал он на прилежном английском языке. - Будьте гостями племени Каах. Ади, хотя время неспокойное. Впрочем то, что я хочу сказать, может относиться и к вам. Садитесь, пожалуйста.

Томек и остальные заняли указанные места. Новицкого охватило любопытство после речи вождя, однако, зная кое-что о местных нравах, не стал заводить непрошеный разговор.

– Те люди, которые приплыли к нам на рассвете, - наши братья с другого берега озера. Они нам особенно близки. Многие женщины их племени происходят из нашего, и наоборот. Прошлой ночью на их деревню было совершено жестокое ограбление, сожжено все поселение и похищена часть женщин. Многие мужчины погибли, а тех, кто сопротивлялся, подвергали жестоким пыткам, - говорил вождь Чарли Джонс, стараясь сохранять спокойствие.

При словах о пытках Томек, Новицкий и Красный Орел красноречиво переглянулись. Уже второй раз за два последних дня они сталкивались непосредственно с таким проявлением жестокости, к тому же в том же районе.

Чарли Джонс поискал кого-то взглядом среди собравшихся, а найдя, подозвал поближе..

– Пусть моя сестра, Мэри Уиллард, заговорит, пусть расскажет моим белым братьям то, что она рассказала мне.

Индианка, поначалу несколько взволнованная публичным выступлением, особенно перед неизвестными белыми людьми, коротко, но с подробностями рассказала о событиях последних часов.

– Это было вскоре после того, как белые называют полночь. Все люди нашего племени уже спали – - говорила она на хорошем английском. -- Я не спала, потому что сыну уже несколько дней снятся беспокойные сны. Вдруг сразу за стеной предостерегающе рявкнул один из наших псов, через мгновение включились второй и еще один. Через мгновение я услышала винтовочный выстрел и собачий визг. Почти в тот же миг я почувствовала запах горелого дерева. Однако он не доносился из огня, горящего в клановом доме. Еще несколько человек тоже проснулись. Сначала мы не знали, что происходит, однако, когда пламя начало охватывать стены нашего дома, а снаружи все гуще стали раздаваться выстрелы, я поняла, что это коварное нападение.

Мэри Уиллард коснулась открытой ладонью груди, желая сдержать нарастающие в ней рыдания. Она овладела собой и продолжала рассказ:

– Мы выбежали наружу. Я держала сына на руках. Он очень громко плакал. В таком же положении были и другие мамы. Стреляли отовсюду, хотя я не могла видеть, кто стрелял, и в темноте то и дело натыкалась на кого-нибудь лежащего или умоляющего о помощи. Все дома были в

огне. Мне удалось прыгнуть в одну из расщелин на краю села. Я прижала сына к груди и, зажав ему рот, смотрела, что происходит в деревне, — она на мгновение замолчала, вытирая слезы, текущие по щекам. Выстрелы продолжались, но через несколько мгновений я увидел убийц. Они вошли в деревню с трех сторон. Их было много, очень много, и наших мужчин в деревне только несколько, потому что накануне большинство отправились на охоту. Я видела, как одного из наших схватили и повесили с распростертыми руками на деревьях. Позже они сожгли его горящей веткой. Я видел, как они ловили молодых женщин. Эта охота на моих братьев и сестер длилась для меня целую вечность. Я видела их лица. Я слышала их язык, хотя и не понимала слов. Это были белые, белые монстры из рассказов старейшин нашего племени.

– Достаточно! -прервал вождь. - Моя сестра и люди достаточно натерпелись...

А потом, обращаясь ко всем, громко крикнул:

– Кто-нибудь из моих братьев знает язык белых, совершивших это преступление?

Чарли Джонс посмотрел на всех, собравшихся в клановом доме, и снова закричал, на этот раз громче:

– Кто-нибудь из моих братьев знает язык белых, совершивших это преступление?!

На повторный зов из-под одной из стен поднялась худая морщинистая рука, принадлежавшая не менее тощему старику, закутанному в плед. Толстую ткань украшал хорошо видимый символ орла.

– Я, Гром Горы, уже слышал этот язык много зим назад, - говорил он,с трудом говоря по-английски. – Это были люди из-за большой воды, чьи поселения давным-давно часто можно было встретить на побережье..

Том, который, совершенно ошеломленный жуткой историей, молча все выслушал, неожиданно подошел к старому тлинкиту.

– Те, кто напал на вашу деревню, и те, кого мой брат помнит из прежних времен, носили такие кресты?! – спросил, показав православный крест, найденный накануне.

Гром Горы молча посмотрел на Тома. Он сузил покрасневшие глаза и уставился на крест, затем снова кивнул, не говоря ни слова..

– *Русские здесь*![118] – - воскликнул вдруг Новицкий по-русски, и по собравшимся в доме пробежал ропот страха..

На лицах свидетелей резни красовался ужас. Дюжина пальцев указывала на Новицкого, что-то восклицая..

– Вы знаете этот язык? - спросил вождь Чарли Джонс.

И Томек, и Ярош, и, конечно, Новицкий прекрасно знали русский.

– Да. Это язык людей, которые уже более ста лет оккупируют нашу страну. Это были русские, - подтвердил Томек.

Сразу из подъезда послышались шум и звуки приветствий. Это группа из дюжины мужчин, о которых говорила Мэри Уиллард, застав сожженное поселение, двинулась к родным из-за озера в надежде застать своих близких живыми. Радостным объятиям сквозь слезы не было бы конца, если бы не Чарли Джонс. В нескольких словах на местном диалекте он что-то приказал своим людям. В тот же миг из кучки прибывших только что охотников вышел один из самых рослых и на мгновение что-то объяснил вождю. Тот только кивнул в подтверждение.

– Что происходит? - спросил шепотом Томек.

– Из того, что я понял, они хотят выполнить ритуал под названием потлач[119], - так же тихо ответил Навахо.

– Потлач? Это что? - спросил Том.

– Это очень распространенный в этих краях ритуал, заключающийся в том, чтобы одаривать разными вещами менее состоятельных людей, потерпевших поражение или, как здесь, ограбленных – все так же шепотом объяснял Красный орел.

Распахнулась широкая дверь дома вождя племени и один за другим стали входить мужчины и женщины, неся всевозможные предметы, среди которых преобладали бытовые предметы: красиво выделанные шкуры медведей, лис и других северных животных, посуда, коврики и покрывала, богато украшенные геометрическим орнаментом.

Внезапно внутри зазвучали барабаны. Ритм создавался одновременно дюжиной инструментов. Через некоторое время к нему присоединились многочисленные голоса как женщин, так и мужчин. Высокие горловые звуки сочетались с ритмичным топотом десятков ног по деревянным доскам пола.

Красный орел, без высказанного вопроса, наклонился к уху Тома, шепча :

– Это Gitxsan [120]. Тлинкитский танец.

Вильмовский понимающе кивнул. Танцоры мерно скользили вдоль хижины, звуки небольших, зажатых в одной руке барабанов набирали силу. Пение усиливалось с каждой минутой. Цветастое шествие мерно и неторопливо плыло по клановому дому. К ним присоединились другие танцующие.

– Смотри, Томми, – прошептала Салли показывая в другую сторону..

Томек посмотрел в указанном женой направлении. Несколько мужчин были одеты в своеобразную кольчугу, которую им на мгновение довелось увидеть накануне вечером. Вильмовский напряг зрение. Ему казалось, что десятки крошечных металлических кружков несут четкие китайские знаки алфавита[121]. Однако на более тщательное изучение не было времени, потому что с театрализованного представления танцующих выступил мужчина в очень оригинальном головном уборе. На чем - то напоминающем обруч над лбом виднелось небольшое изваяние, напоминающее орла или ворона, а с боков ему на плечи стекали вроде бы косы из волчьих лап. Уже с первого взгляда было известно, что это кто-то значимый среди Тлингитов. Вильмовский догадался, что это шаман.

Некоторое время он вглядывался в лицо Тома. Черные, глубоко посаженные глаза прямо-таки сверлили его взглядом. Губы шамана начали беззвучно шевелиться. Танец продолжался, и голоса хоровой песни доходили до высоких регистров.

– Остерегайтесь людей из-за большой воды! - Тому показалось, что он слышит эти слова где-то глубоко в голове.

Губы шамана по-прежнему шевелились беззвучно .

– Остерегайтесь людей из-за большой воды!

Не понимая, что происходит, Вильмовский бессознательно сделал полшага назад. Он оцепенел, он почувствовал, как будто погружается в себя, и в его сознании начали течь образы из прошлого: побег отца из Варшавы, которые быстро сменились последними объятиями, умирающей в папуасских джунглях Салли. Он слышал голоса из нескольких мест одновременно. Он не мог понять, кто и о чем с ним разговаривал. Шаман снова исчез в танцевальном параде.

Затем до него донесся далекий, но мощный взрыв, потом еще один и еще. Песня застыла на устах поющих, танцоры замерли. Через открытые врата кланового дома Тлинги начали высыпать наружу. Томек и остальные двинулись за ними. Взрывы, хоть и отдаленные, с каждым мгновением усиливались.

Когда все оказались на берегу озера, их глазам предстала ужасающая картина. Вдали, за озером, среди белеющих вечным снегом гор одна из вершин выбрасывала от себя клубы дыма и глухо ворчали. Они поняли, что это один из вулканов напоминал о своем существовании [122].

Вождь Чарли Джонс сохранял хладнокровие. Как и другие Тлинги, он не проявлял никаких признаков страха. Став под самый большой в поселке тотем, протянутой рукой он приказал всем молчать.

– Дух горы заговорил! Никто не будет безнаказанно убивать, грабить и похищать в рабство наших братьев и сестер! Тлингиты идут на войну! - закончил он воинственным окриком..

Rozdział IX

W pułapce płomieni

По-настоящему человеческие мы только в детстве”, – повторял в мыслях Томек услышанную еще в Варшаве фразу. Через некоторое время ему было интересно, кто автор этих слов. Столько лет прошло с тех пор, как он уехал из любимого города. Он посмотрел на Салли, которая, закутанная в мягкий мех, сидела на дне лодки с закрытыми глазами. Последние дни она чувствовала себя не лучшим образом. Ничего, впрочем, удивительного. Все, включая Новицкого и Красного Орла, ощущали последствия последних нескольких недель. Он вдруг вспомнил! Да! Конечно! Иногда после школы, а бывало, и во время, он уходил на прогулку в окрестности улицы Тломацкой там, где стояла большая синагога[123]. Величественный храм был совсем недавно открыт и производил на него огромное впечатление. Ему очень нравилось это чувство, когда, глядя на монументальное здание, он ощущал мощь человеческой мысли, переведенной на язык архитектуры. Именно во время одной из таких незапланированных выходок, в какой-то майский день, он в очередной раз восхитился мастерством, с которым был построен храм, и тут почувствовал на своем плече чью-то руку. Сирень, растущая неподалеку, сильно пахла.

– Нравится молодому человеку? - При звуке голоса Томек несколько встревоженно обернулся..

Перед ним стоял невысокий человек в темном элегантном плаще, хотя дождя не было. От него исходило спокойствие. Глубокие темные глаза привлекали особое внимание.

– Да, очень – - буркнул он себе под нос.

Пожилой мужчина какое-то время смотрел в глаза Вильмовски, а затем, все время держа руку на его плече, добавил::

– Будь всегда, как сейчас. Присматривай и сохраняй в себе ребенка, ибо мы по-настоящему человечны только в детстве.

Томек несколько раз кивнул, хотя не очень понимал эти слова.

– Ах, я не представился. Я Исаак Цилков.[124].

– Tomasz Wilmowski, proszę pana – odparł chłopiec.

Мужчина дружелюбно кивнул на прощание и через минуту исчез внутри Большой синагоги.

Под влиянием своих воспоминаний Вильмовский впервые за долгое время ощутил небывалую тоску по Варшаве. Польша была для него слишком абстрактна, но этот город с его площадями, улицами и площадями был как якорь для корабля, зашедшего в родной порт после долгого и опасного плавания.

Прохладный ветерок Сустины[125] вырвал Тома из прошлого. Он обвел взглядом небольшую группу лодок, пересекающих течение аляскинской реки. Кроме их лодки, на которой они отплыли еще из Фэрбенкса, на воде было еще четыре каноэ, и в каждом из них три тлингитских гребца.

Еще в деревне тотемов простились с Ярошем. Он объявил, что цель его путешествия почти достигнута. До массива Денали было уже совсем недалеко, и продолжать экспедицию, полностью изменившую свой характер, было выше сил и возможностей польского географа и биолога. Никто не возражал против этого, и Новицкий даже самодовольно пробормотал что-то о бабе из повозки....

Кроме того, Шагающий Днем и Черная Птица, имея еще важную договор с Ярошем, остались в деревне. Разведчики, посланные вождем Чарли Джонсом на другую сторону озера, принесли через несколько часов проверенные вести о том, что группа мучителей, похитивших семь молодых женщин, двинулась в сторону Чулитны.

На самом берегу реки разведчики обнаружили следы только что потушенных костров и шесть больших лодок, уплывших на юго-восток. Каждая лодка могла вместить до девяти человек, а это означало, что отряд был большим и многочисленным.

Чулитна менее чем через час плавания присоединилась к более крупной и полноводной Сустине, которая теперь впадала прямо в залив Кука. Было почти ясно, что истязатели двигались в этом направлении.

Река на этом участке была сильно капризной. Течение часто и бурно менялось - то в бурлящую реку, то в лениво просачивающийся поток, изобилующий многочисленными отмелями и сезонными островками Несколько раз для безопасности людей и лодок приходилось перевозить весь груз берегом реки. К счастью, у Тлингитов было только легкое снаряжение; как и у Томека и его друзей. Группу индейцев возглавлял Аа-нианейн, мужчина лет тридцати, возвышавшийся над ними ростом и голосом. Красный Орел шепнул Тому, что Áa-nianein означает то же, что и Большая Вода.

На одном из простых участков речной дороги Вильмовский достал карту и компас. После некоторых расчетов и определения собственного положения по отношению к Солнцу он обнаружил, что до залива Кука осталось не более четырех часов плавания.

Новицкий, оценивающе наблюдая за своим другом, кивнул головой. Салли снова стало хуже, и ей пришлось несколько раз перегнуться через борт лодки..

– Это от усталости, - объяснила она в ответ на вопросительный взгляд Тома. Она попыталась улыбнуться, но на ее лице появилась лишь вынужденная гримаса. Однако не было ни условий, ни времени для разговоров..

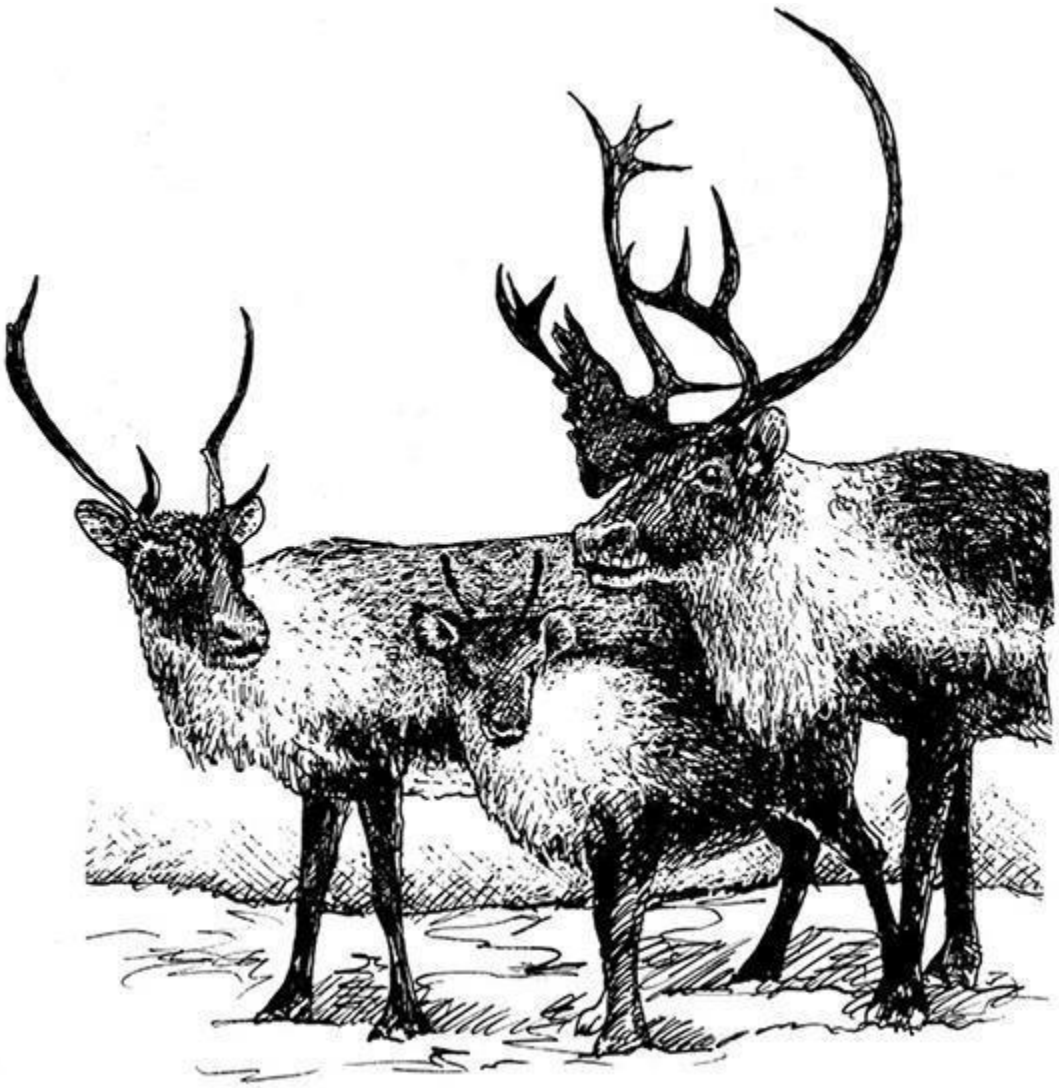
Они плыли дальше. Пейзаж становился все менее предсказуемым. Казалось, что чем ближе к бухте Кука, тем шире и мягче для моряков должна быть Сустина. Это было не так.

Большая вода, каноэ которого шло первым, все чаще давал сигналы замедляться и указывал на подводные валуны, разломы и отмели – соприкоснуться с ними означало бы завершение путешествия в этом месте. Томек мог еще раз полюбоваться ловкостью или даже мастерством, с которым Тлинги вели маленькие и легкие лодки. Иногда ему казалось, что они вот-вот попадут в беду, однако через некоторое время получалось, что, казалось бы, рискованный шаг становился шагом, прекрасно продуманным. Даже Новицкий, знавший себя, как никто другой, на судоходстве, то и дело кивал головой и закусывал нижнюю губу в знак признания пригодности индейцев.

– Пусть мой брат посмотрит! – крикнул вдруг Красный орел, указывая рукой на берег реки, по которому в панике ускользало стадо карибу.[126].

Должно быть, их что-то сильно напугало, потому что они даже не обратили внимания на людей в лодках, которые только что пристали к соседней отмели. Они подбежали так близко, что Том почувствовал их четкий, интенсивный запах. Узкая река в этом месте была разделена огромными деревьями, упавшими поперек русла.

Сразу за карибу можно было разглядеть семейство лисиц, а также двух аляскинских волков, проносящихся над ними по узкой скале, едва заметной тропинкой. Прямо над ними хлопали крыльями десятки птиц, слившихся в одну стаю, торопливо улетающих вверх по реке. Даже Росомаха[127], лесная убийца и одиночка, уходила все быстрее. Она пробежала почти между лодками, опирающимися на мель прямо у упавшего ствола.



Karibu, renifer tundrowy
(*Rengifer tarandus*)

Внезапно все стало ясно. Сначала до них донесся смрад горящего дерева, а через мгновение раздался грохот, похожий на звуки бури. Два предвестника надвигающейся смертельной опасности, бегство от которой было единственным спасением. Горел северный лес!

Положение экспедиции было тяжелым. Тлингиты под руководством Большой Воды вместе с несколькими легкими каноэ, переносимыми на плечах, уже скрылись за излучиной скалы, возвышавшейся справа от речного завала. Однако некоторые лодки остались на мели. Том быстро оценил ситуацию. От левого берега, дающего какое-то укрытие, их разделяло несколько десятков метров рвущегося течения, вымывшего здесь своеобразный глубокий желоб. . Мелководье, где они оказались, было перекрыто огромной деревянной плотиной. Пламя медленно начало жечь ее, особенно у берега. Не было никакого смысла пытаться отступить и плыть против течения. Они оказались в ловушке.

Стена огня приближалась к ним с угрожающей скоростью. Фонтаны искр взлетали вверх, шипели и потрескивали вокруг. Весенняя прохлада внезапно превратилась в летний жар. На мели остались: Томек, Салли, Навахо, Новицкий и три тлингита.

– Браток! Плохи дела! - Новицкий вытер лицо, почерневшее от пыли падающего пепла.

– Делайте то же, что и я! - крикнула вдруг Салли. Выросшая в австралийской глубинке, она знала, как вести себя в такой ситуации. Пожары, естественные и искусственные, были частью существования внутри самого маленького континента.

Девушка несколькими порезами острого ножа разделила одеяло на несколько частей, после чего, погрузив его

несколько раз в холодную воду, обвязала им голову. Остальные, запертые в ловушке, не говоря ни слова, сделали то же самое. Волна жгучего жара накатывала, оттесняя сбитую группу людей к высокому берегу. Впереди у них уже горел вал, слева рвущееся и глубокое течение, а справа стена горящего леса. Огненная петля затягивалась все сильнее.

– Здесь! - услышали они вдруг гортанный крик. Он доносился словно из недр скалы-Туутай!!! - С невидимой в первый момент каменной расщелины из высунулась голова Айа-Тлейна, Большой Воды вода. – Быстро! За мной!

Они прыгнули за ним. Трещина в скале оказалась узким каналом, прорезанным на протяжении тысячелетий водой, стекающей сюда в Сустину. Один за другим они протискивались. Новицкий завершал шествие. Высокий моряк с большим трудом пробрался в небольшое отверстие. Через несколько мгновений прямо за его спиной, горящее дерево с треском рухнуло, закрыв проход.

Они двинулись следом. Каменная дорожка образовывала почти туннель, достаточно узкий, чтобы в некоторых местах взрослому мужчине приходилось двигаться боком. Наконец через несколько минут каменная глотка расширилась и выплюнула их на большую поляну. В конце ее был нетронутый огнем лес. Огонь прошел стороной..

Том, тяжело дыша, сел и помог Салли сбросить рюкзак. Он посмотрел на своих спутников. К счастью, никто не пострадал. Лица тлинкитов, почти почерневшие от дыма и копоти, не выказывали никаких признаков чувств, хотя им, должно быть, тоже нелегко было спасаться от огня.

В тайне он был доволен, что Ярош остался в деревне индейцев. Лишенный большого опыта в сложных ситуациях, он мог причинить себе и остальным участникам совершенно ненужные неприятности. Томек посмотрел на

жену. Откинув с головы кусок одеяла, еще немного влажного, она вытерла лицо.

– Как ты , дорогая? – спросил он с заботой в голосе.

Девушка посмотрела на него. В ее глазах был блеск и что-то такое, чего Том до сих пор не видел в своей жене. Что-то изменилось в ней, но он не мог назвать это..

– Бывало и лучше... - Салли одарила его теплым взглядом.

Он крепко прижал ее к себе. Он знал, что воспитанная в суровых условиях австралийской глубинки, она не привыкла жаловаться и жалеть себя .

– Мой брат должен что-то увидеть, - голос Красного Орла вдруг прервал момент нежности Тома и Салли.

Вильмовский коснулся губ жены поцелуем и без лишних слов встал и последовал за Навахо. Они прошли несколько десятков метров от своего временного лагеря, остановившись на границе, четко отделяющей сгоревший лес от нетронутой стихией части. Том не понимал, что происходит, поэтому вопросительно посмотрел на друга.

– Мой брат подойдет ближе и внимательно осмотрит его- сказал индеец, указывая на три больших круга правильной формы на земле. Том опустился на колени рядом с одним из них. Он взял горсть обугленных обломков и тер их, пока маленькие кусочки не рассыпались в пыль. Он почувствовал отчетливое тепло в своих руках. Является ли это возможным? Он многозначительно посмотрел на Орла..

– Думаешь, что...?

Навахо молча повернулся и сделал несколько шагов по выжженной земле. Он наклонился и что-то поднял. Через некоторое время он вручил Томеку предметы, которые обгорели, но их нетрудно было распознать..

– Это факелы! А это значит, что...

– ...что пожар вспыхнул не сам по себе, ему кто - то помог, - закончил Красный Орел.

Вильмовский огляделся. При правильном определении направлении ветра, место поджога было выбрано идеально. Скальный овраг справа — спуск по лесистому оврагу к берегу реки и далее в соседние участки леса — давал хороший контроль над огнем. Томек был почти уверен, что поваленные деревья в русле Сустины тоже было делом рук человека.

Пробравшись через пепелище, они спустились на несколько сотен метров. Они миновали обгоревших тел лесных животных, которым не удалось спастись от огня. Зрелище было душераздирающим. Обнаженные в агонии клыки выглядели жутко. И Томек, и Красный Орел были уверены, что невосприимчивы к таким видам. Однако, Вильмовский почувствовал, как по его щеке стекает слеза. Он вытер ее, полагая, что навахо не заметит этой минутной слабости. Красный орел только положил ему руку на плечо, сказав:

– Моему брату не нужно скрывать это от своего друга. Слезы воина в таких ситуациях являются доказательством истинной храбрости.

Том кивнул и грустно добавил:

– Я думал, что белые перебили почти полностью стада бизонов, отняли у вас землю, посадили в тюрьму миллионы человек, замучили их на плантациях ... я думал, что все это плохое и темное прошлое, которое никогда не вернется. Теперь мне кажется, что самая большая угроза не только для вас, индейцев, но и для этого мира, для этой природы-белый человек.

– У моего брата сердце индейца. Черная Молния знал это с самого начала. Красный орел думает точно так же, как и его брат. Белый человек-самая большая угроза в этом мире, - признал Навахо.

Через несколько минут они оказались на берегу реки. Люди Айа-Тлейна-Большой Воды - уже были у остатков деревянной плотины. Беглый осмотр почти полностью обгоревших стволов позволил подтвердить предположения Тома о том, что деревья, вероятно, были срублены топором.

К счастью, от огня чудом уцелела одна лодка — та, на которой плыл Том и его друзья. Из-за своих размеров и грузоподъемности часть наиболее важного груза, т.е. туда были помещены продовольствие и боеприпасы. Вильмовский вздохнул с облегчением. Потеря груза, особенно боеприпасов, заранее обрекла экспедицию на провал.

Через некоторое время все коробки с патронами снова завернули в непромокаемый брезент и поместили в кожаные сумки. Они отправились в обратный путь, снова протискиваясь через узкую горловину. Последний отрезок, ведущий к лагерю, они преодолевали уже по-настоящему уставшие, но всех обрадовали вкусные запахи, разносящиеся по всей поляне.

Айа-Тлейн не пренебрегал предосторожностями. Еще до отъезда Томека и навахо он послал двух следопытов , которые должны были проникнуть в местность, далеко от границ лагеря. Более того, каждый вход на его территорию был оцеплен тлинкитами..

Салли улыбнулась, когда Том вернулся, ее глаза засверкали.

– Наконец вы здесь! - сказала она счастливым голосом.

– Да и лучше бы вы все знали, что мы обнаружили - ответил Томек. - Тадек, Большая Вода присядьте .

Они сели у костра. Было довольно поздно, но еще довольно светло. В это время года на Аляске ночи были короткими..

Вильмовский кратко сообщил об открытиях, которые они сделали с Красным Орлом. Наступила тишина, которую прервал Новицкий.

– Ну, это уже точно, как аминь в молитве, что все, что происходило с нами в пути, не было случайностью, в том числе и сегодняшние события.

– Также несомненно, что мы имеем дело с хорошо организованной группой, которая говорит по-русски, - добавил Томек.

– Отец моей матери рассказывал мне, что в старые времена, когда на земле не было белых американцев, единственными людьми, которые торговали с индейцами, инуитами и алеутами, были люди из-за Великой Воды - к разговору присоединилась Великая Вода. - В обмен на меха и шкуры диких животных нам продавали оружие, боеприпасы и диски, которые белые называют монетами с непонятными для моего народа символами - Тлинкит держал в руке китайскую монету, которую Том уже видел в деревне.

– Пусть мой брат говорит дальше – призвал Вильмовский.

– Отец моей матери рассказывал, что люди из-за большой воды жили на побережье в поселениях, построенных из дерева и камней, и один из них был в месте, которое американцы назвали заливом Джеймса Кука.

– Проглоти меня кит! Именно там, где эти бандиты прячутся! - вырвалось вдруг у Новицкого.

– Поэтому направление дальнейшего путешествия у нас определено, к сожалению, без лодки нам потребуется немного больше времени, хотя из моих расчетов следует, что мы находимся не более чем в двух-трех часах хода от залива Кука – - подытожил Томек.

– Правильно - подтвердил Большая Вода.

Разведчики вернулись, не принеся никаких тревожных известий. Охрана сменилась. Лагерь медленно погружался в сон. Томек, Салли и Красный орел все еще оставались у костра. Навахо подбросил дров, и огонь вспыхнул, придав приятное тепло.

Салли испытующе посмотрела на мужа. Она слишком хорошо знала его, чтобы не понимать, что его что-то беспокоит.

– Есть что-то, о чем я должна знать? – спросила она с беспокойством

– Кроме того, что мы преследуем гораздо более многочисленную, хорошо вооруженную и организованную группу, ничего особенного.

– Не глупи! Можешь не напоминать мне о нашей ситуации, которая очевидна - упрекнула жена Вильмовского.

– Ты права. Прости. Есть что-то, - признался Томек. - Сегодня, когда мы стояли там с Красным Орлом и я еще раз увидел, на что способен белый человек, что-то внутри меня затрепетало и дрожит до сих пор.

– Продолжай, дорогой..

Томек вздохнул, словно с трудом сбрасывая с себя лишнюю ношу.

– Когда я был маленьким мальчиком, еще в Варшаве, я читал в романах Карла Майя о храбрых Апачах, злых белых и благородном Старом Шаттерханде. Но когда я узнал Красного Орла и судьбу Навахо и Апачей, все эти романтические истории оказались мало подходящими для реалий. Теперь это чувство еще больше усилилось.

– Признаюсь, я не понимаю, Томми. - Девушка покачала головой.

– Я к тому, что мы приезжаем в какую-то далекую страну, ловим диких животных, местных жителей называем

экзотикой, и все же мы... экзотика для этих мест и коренных жителей. Мы не уважаем их права, забираем их землю, сажаем в резервации, запрещаем им верить в собственных богов, а в лучшем случае, как было с Красным Орлом и его сородичами, гастролируем по Европе, показывая их как клоунов на радость публике. И все это во имя того, что мы поняли, что мы лучше всех, и что оставляем после себя, как и здесь, на этом холме, только выжженную землю. - чуть повышенным голосом говорил Томек, и его щеки покраснели от волнения.

Наступила тишина, которую нарушил Навахо.

– У моего брата красное сердце. Если бы таких белых людей, как мой брат, было больше, мир был бы совсем другим, — сказал он с необычайной серьезностью..

– Есть еще такие люди, как ты, дорогой. Твой отец, мистер Смуга, Тадек, – говорила Салли, обнимая мужа. – Именно в вас вся надежда и для тех, кто принимает вас за образец для подражания, и я-лучший тому пример!

– Поверь мне, я бы очень хотел, чтобы ты была во всем, что ты говоришь, была абсолютно права!

– Идите уже, наконец, спать!! Внезапно раздался приглушенный голос Новицкого. - Кто прав, об этом в ближайшие дни решит сила наших стволов и мышц, а чтобы иметь эту силу, нужно хорошо выспаться! Дайте мне поспать!

– - Святые слова, капитан, - признал Томек и, немного успокоившись, прижал к себе Салли..

*

На рассвете в лагере поднялся шум, и началась суматоха. Индейцы схватились за оружие, что-то выкрикивая на своем языке.

Красный Орел, нахмурив брови, уловил отдельные слова тлинкитов и, повернувшись к своим несколько заспанным друзьям, коротко бросил:

– Давайте! Скорее!

Они тут же вскочили. Навахо ускоренным шагом шел за последним Тлингитом. Томек и Салли поспевать за ним, а Новицкий, бормоча что-то себе под нос, явно отставал.

Они следовали точно по тому же пути, по которому Вильмовский и Красный Орел прошли вчера днем, обнаруживая следы пожаров. Однако в какой-то момент Индеец, миновав глубокий склон, резко повернул вправо и нырнул в невидимую ранее расщелину среди скал.

Наступал день. Скальная расселина внезапно закончилась обвалом сильно обгоревших стволов деревьев, которые после прохождения огня рассыпались на мелкие части и перегородили узкое горло. По примеру Красного Орла Том взобрался на небольшой гребень, помогая затем Салли. Сверху послышались эмоциональные крики тлинкитов.

В нескольких метрах над кучей их глаза увидели необычное зрелище. Уступ, на который они взобрались, был чем-то вроде галереи, в которой могла поместиться дюжина взрослых мужчин. Отсюда можно было спокойно наблюдать за заваленным остатками деревьев каньоном.

Одного взгляда вниз с каменистой террасы Тому было достаточно, чтобы понять ситуацию и объяснить волнение индейцев. Каньон превратился в ловушку — на дне его, глухо ревя, метался белый медведь[128]. Маленькие уши, относительно небольшая голова и короткий хвост отличали его от других североамериканских медведей..

Белая, почти прозрачная шерсть отражала первые лучи солнца, проникавшие внутрь долины, где разыгрывалась настоящая драма.

Медведица вела себя очень нервно, к тому же обеспокоенная присутствием людей. Причина была ясна, ибо вокруг могучей матери беззаботно бегали два маленьких медвежонка, которым едва исполнилось несколько месяцев...

– Наверное, в эту ловушку их загнал огонь - грустно сказала Салли.

– А потом сгоревшие деревья заблокировали выход, - добавил Томек.

– Красный орел видел этих медведей далеко на севере, но здесь, значительно южнее, это большая редкость – - вмешался Навахо.

– Отец моей матери рассказывал мне, что раз в жизни медведица отправляется со своими детенышами весной в землю своих предков на юг, чтобы навестить их духов, сказал Большая Вода.

Тем временем маленькие медвежата играли изо всех сил, не обращая внимания на предостерегающее ворчание матери. Они не могли быть здесь долго, ведь пожар вспыхнул всего около десятка часов назад. Медведица, неоднократно вставая на задние лапы, пытался снять блокирующий выход преграду. Она напирала всей силой своих могучих мускулов, но без результата.

– А что у нас тут? - спросил не совсем осознавший ситуацию Новицкий, который только сейчас добрался до каменной галереи. – Ого! Еще медвежата! Бедняжки! Одной динамитной шашки должно хватить..

– Где ты возьмешь динамит?! - удивился Томек.

– Предусмотрительный всегда застрахован, как говорит мой старик, - лукаво подмигнул капитан. - Еще в Доусоне я попросил Красного Орла купить этот материал, а теперь пригодится, как вижу.

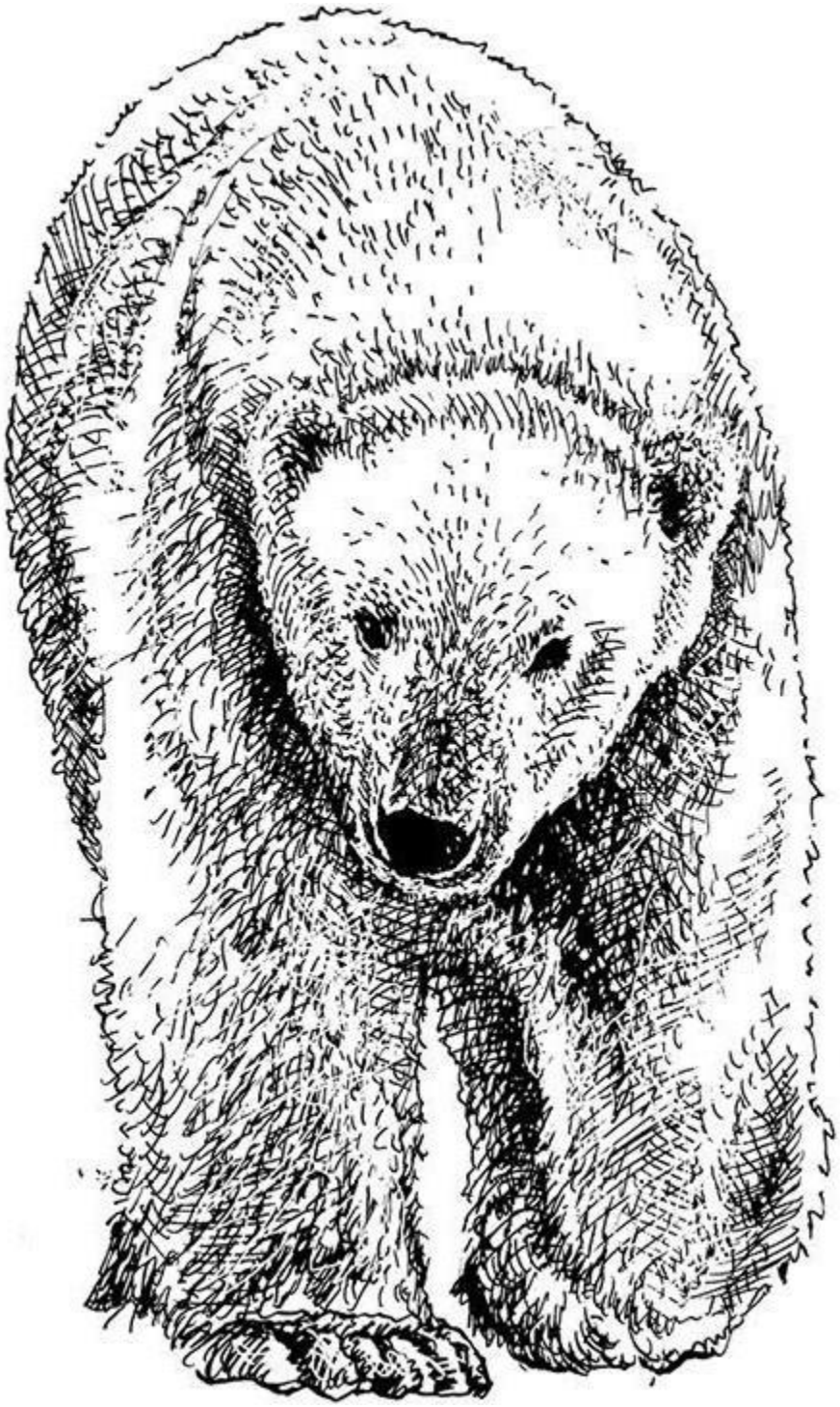
– Мои братья хотят освободить медведей? — спросил Большая Вода. В его голосе было легкое недоверие.

– Конечно. Мать с детенышами должна благополучно выбраться из той ловушки, в которую ее загнали те же люди, которые напали на вашу деревню и похитили ваших женщин, – твердо ответил Томек.

Тлинкит задумался о чем-то на мгновение, затем согласившись сказал:

– Мой брат прав! Они должны быть освобождены.

– Браво, Большая Вода! - хохотнул Новицкий, пока эхо не отразилось от стены каменной ловушки. - Тогда я вернусь в лагерь за динамитом, и мы сделаем небольшой бум!



Niedźwiedź polarny
(*Ursus maritimus*)

Между тем у трех младших Тлингитов, не слышавших разговора Большой воды с Томеком и Новицким, была, пожалуй, совсем другая идея. Особенно один из них, с лицом, со следами оспы, явно хотел заполучить необычный трофей. Прежде чем кто-либо сообразил, он поднял винтовку и прицелился в медвежью голову. В тот же миг раздался выстрел; правда, с совершенно другой стороны. Готовая к выстрелу винтовка молодого Тлингита выпала из его рук.

Не понимая, что происходит, остальные, включая Томека и Красного Орла, почти одновременно инстинктивно пытались спрятаться в заломах каменной ложи. С взведенным и готовым к выстрелу оружием они готовились отразить потенциальную атаку. Однако ничего подобного не произошло. Некоторое время они настороженно наблюдали за противоположным краем каньона.

Вдруг справа от каменной галереи раздался низкий хриплый голос, а затем из-под земли осторожно поднялись две невысокие фигуры. Стволы их оружия были направлены вниз, что означало, что они не имеют против Тлингитов злых намерений.

Большая вода что-то крикнул в их сторону. Томек вопросительно посмотрел на Красного Орла.

– Все в порядке. Они не хотели, чтобы медведям причинили какой – либо вред, отсюда и этот выстрел, – пояснил Тлингит и, увидев все еще вопросительный взгляд Тома, добавил: - Это люди Ину, хотя белые чаще всего используют презрительное для них имя эскимосов.

Потом где-то внизу раздался громкий крик Новицкого.:

– Внимание! Поджигаю!

Они отошли от края каменного уступа. Через несколько секунд раздался глухой взрыв небольшого заряда. А через

минуту медведица торопливо удалялась вместе смедвежатами по тропинке среди скал.

Rozdział X

Wśród Inuitów

Когда в 1768 году русская правительница Екатерина Великая отправила на Аляску экспедицию под командованием Петра Криницына[129], при царском дворе ожидались такие же прибыли, как те, которые почти сто лет приносила Компания Гудзонова залива англичанам и британской монархии. Аляске и лежащим у ее берегов Алеутским островам был присвоен статус земель, взятых в аренду на срок около ста лет. Таким образом, царица хотела избежать признания их колониями, что могло бы привести к вполне понятным претензиям Англии на эти территории.

Несколько лет спустя, в 1784 году Григорий Шелихов[130] основал на острове Кадьяк(Катык) первое постоянное русское поселение, известное как порт Трех Святителей. Она стала центром русской колонизации и проникновения на Аляску, однако через несколько лет поселение оказалось слишком маленьким и неудачно расположенным для достижения целей, поставленных Шелиховым. Так возникло новое поселение, Славороссия, и именно оно должно было стать центром русской колонизации Северной Америки. Шелихов основывал школы, строил дороги, мосты, налаживал торговые связи. Он строил церкви, приводил священнослужителей, которые

основывали приходы и обращали местных в православие. Везде, куда он добрался, он ставил таблички с надписью: "Земля Российского владения”

Хотя торговля мехом была прибыльной, приверженность России Европе и недальновидность царицы Екатерины, нежелавшей тратить деньги в Америке, не вызвали наплыва русских колонизаторов на Аляску.

Шелихов умер в год от Рождества Христова 1795, а годом позже закончила свою жизнь царица Екатерина Великая, родившаяся в замке поморских князей в Щецине. Последующие годы присутствия России на Аляске принесли расцвет деятельности по колонизации и христианизации, связанной с фигурами Александра Баранова [131] и Николая Резанова [132]. Именно благодаря им в 1799 году Русско-Американская торговая компания в результате указа царя Павла I стала монополистом в кожевенной торговле на Аляске. В том же году Баранов основал город Михайловск, ставший столицей русских колоний. Город был завоеван и разрушен тлинкитами в 1802 г., а через два года отвоеван и перестроен под измененным названием Новый Архангельск[133]. В 1808 году он был объявлен как новая столица компании. В 1840 году, с назначением отца Иоанна (в монашестве Иннокентия) во епископа Камчатского, Курильского и Алеутских островов, Новоархангельск стал одним из епархиальных центров. Его статус был дополнительно повышен, когда в 1848 году был возведен собор Святого Михаила Архангела.

Когда во второй половине девятнадцатого века, несмотря на соглашение с Компанией Гудзонова залива о взаимном признании сфер влияния, торговля пушниной уже не была такой прибыльной, как раньше, Россия решила продать Аляску Соединенным Штатам. Подавляющее большинство россиян вернулись в страну. Однако на Аляске осталась

большая группа, которая по-прежнему зарабатывала на жизнь торговлей и рыболовством. Эти русские часто были связаны с Алеутскими островами, также были разбросаны по небольшим поселениям или жили в остатках русских острогов.

Один из таких памятников былой славы русского владычества на Аляске Том наблюдал из своего укрытия. Его сопровождали Красный Орел, Большая Вода и Кимуксунк [134], один из двух ину(инуитов), предотвративших выстрел по белой медведице в загороженном каньоне.

Форт был прижат с одной стороны к скалистому берегу глубокого фьорда, и к опушке леса с другой. Он состоял из десятка больших зданий, четыре из которых были построены из камня, остальные-из крепких деревянных бревен. Несколько покатые крыши были покрыты землей. Все это было окружено нерегулярным частоколом, напоминающим простые, но эффективные укрепления торговых факторий XVIII - XIX веков, часто встречающиеся на севере.

В нескольких метрах от частокола протекал широкий ручей, снабжавший поселение питьевой водой. Он начинался где-то высоко в близлежащих горах и через несколько сотен метров впадал в залив. От самого каменистого берега тянулся широкий пирс, представлявший собой нечто вроде импровизированной гавани, у которой покачивался в спокойных водах фьорда небольшой пароход.

Внимание Томека, который вместе с остальными разведчиками долго наблюдал в бинокль за гаванью и поселком, привлекло то, что на пароходе не было никакого флага. "Корабль-призрак", - подумал он. Пароход пыхтел регулярно, выпуская из себя облака темного дыма.

Красный Орел и Большая Вода, тоже с помощью бинокля, попытались осмотреть внутренность форта, и это было нелегко, потому что они находились слишком низко. Они бесшумно залезли на высокие ели на опушке леса. Таким образом, они имели прекрасный обзор того, что происходит внутри поселения, не будучи замеченным кем-либо.

Приближался как раз весенний полдень, внезапно Красный Орел подал сигнал к усилению бдительности остальных. Внутри все пришло в движенье. Вскоре наблюдатели увидели, как люди стали выходить через довольно внушительные ворота, заканчивавшиеся сторожевой башней. Сначала к ним присоединились несколько, затем дюжина, и наконец, группа выросла до более пятидесяти человек.

Какое-то время они бесцельно бродили по обширной площади перед Фортом, то громко смеясь, то зевая. Они производили впечатление совершенно беззаботных и, прежде всего, чувствовали себя в полной безопасности. Все они были одеты одинаково в типичные для северных ловцов, бродяг и исследователей одежды. Но была одна деталь, которая заставляла думать, что это скорее компактный отряд, чем случайное сборище Северной пестроты. А именно у каждого на плече был отчетливо виден символ царского двуглавого Черного орла, с неразборчивой издали, даже при помощи бинокля, надписью.

Поведение всех людей изменилось в одно мгновение, когда в воротах появился невысокий, но внушающий благоговение, вероятный лидер группы.Черные волосы, распущенные до плеч, и куда более изысканная одежда, чем у остальных, свидетельствовали о его исключительном положении. Его сопровождал рослый мужчина.

Двухметровый великан оглядел поляну и вдруг издал крик, перешедший в рев. При виде вождя и звуке отданного таким образом приказа доселе хаотичная группа людей за считаные секунды превратилась в компактный отряд, стоящий в два ряда.

Человек с длинными черными волосами говорил что-то возбужденным, повышенным голосом, словно проповедовал. В конце он издал крик — непонятный издалека от укрытия Томека и его товарищей, — подхваченный подразделением. С этим воплем на губах, сдвинув ряды вправо, они направились к пыхтящему пароходу. Несколько фигур у ворот и несколько на сторожевой башне попрощались.

Нетрудно было догадаться, что вооруженный до зубов, карательный и четко повинующийся приказам отряд отправился не на светскую встречу с друзьями.

Небо над фьордом, со стороны широких вод залива Кука, начинало менять цвет от светло-голубого до темно-синего.

Томек подал знак Красному Орлу и Вельке Воде. Через некоторое время все четверо в полной тишине двинулись из-под форта на северо-восток. Дорогу показывал Кимуксунк, ловко избегая всех опасных поворотов и коварных болот..

Только через час интенсивного марша инуит замедлил шаг, чтобы вскоре выйти на небольшую поляну. Три конических шатра, выстроенных в неправильный полукруг, производили впечатление временного лагеря.

– Ну же, браток! Если ты где-то пропадаешь, то навсегда! - поприветствовал Томка Новицкий. - Тьфу! То, что я говорю, прости, брат. Просто хорошо, что вы вернулись.

– Целы и здоровы, и более того, с шансом! - загадочно бросил Томек..

– Давай! Не заставляй меня ждать - Новицкий был нетерпелив.

– Успокойся, Тадек. Не слишком показывай свои чувства. Посмотрите на инуитов и тлинкитов.

Действительно, туземцы, хотя и сознавали серьезность ситуации, почти не разговаривали. На их лицах красовалось каменное спокойствие. По сравнению с этой сдержанностью поведение моряка можно было бы считать взрывным, и это не могло быть одобрено индейцами.

Новицкий быстро совладал со своими эмоциями и сел у костра, ожидая начала совещания. Салли сидела рядом. Она была бледна, и ее губы, обычно красные, потеряли свой цвет. Под ее глазами были темные круги.

– Я всегда думала, что эскимосы живут в таких ледяных домиках, а здесь, пожалуйста! Хотя в горах и на ледниках льда предостаточно, у них такие лачуги – - тихо пошутила она.

– Но, Салли! Прежде всего, не используй слово «эскимос», потому что оно означает не что иное, как сыроедов, и это для них звучит оскорбительно. Их правильно называть инуитами[135] или просто «человек». А во-вторых, дома, о которых ты говоришь, используются только зимой и не здесь, а далеко на севере, откуда пришли Кимуксунк с двумя другими инуитскими семьями, - пояснил Томек.

– О, Томми, на самом деле. Ведь что значит эскимос, уже упоминал капитан МакГрегор, когда мы плыли на Сент-Мэри..

– В Европе, к сожалению, тоже принято так называть этих людей, не имея ни малейшего представления о том, что для них это оскорбительно – - добавил Вильмовский.

– Моя сестра должна знать, что, были похищены женщины наших братьев тлингитов и инуитов. В форте находится дочь Цимуксунка, - включился красный Орел. - Ее похитили далеко на севере, когда ее отец и другие охотники были на охоте. По следам они добрались сюда.

– Ублюдки! — возмущенно пробормотал Новицкий..

К костру подошли Большая Вода и Цимуксунк. В их позе чувствовалось ожидание.

– Пусть мои братья сядут. Время обсудить план, - сказал Том. - Мы уже точно знаем, что в форте около шестидесяти человек.

– Они ведут себя как солдаты – - вмешался Красный орел.

– ...или хорошо обученный отряд, — продолжал Том. - Нам также известно, что чуть более часа назад пароход с большей частью жителей форта отправился в сторону залива Кука, что создает для нас удобную ситуацию для освобождения всех задержанных.

– Откуда мы знаем, что они там? - усомнился Новицкий.

– Великая Вода увидел их своим длинным глазом, - с хитрой улыбкой ответил Тлинкит..

Том облизал губы языком и стал чертить палочкой план расположения форта и ход действий..

– Таким образом, в форте осталось не более пятнадцати человек, охраняющих заключенных. Предлагаю разделиться на три группы: первая займет позиции для стрельбы на скалах, чтобы при необходимости заставить замолчать людей в форте. Вторая войдет внутрь после открытия ворот изнутри, а третья откроет эти ворота - сказал Том. Его глаза сверкали отблеском огня.

– Но как, черт возьми, ты хочешь попасть внутрь, брат?! - скептически спросил Новицкий.

Красный Орел и Большая Вода вопросительно посмотрели на Вильмовского.

– Сюда! - Он постучал по нарисованной минуту назад линии ручья.

– Но это же просто ручей! - удивился Новицкий.

– Вот именно! От его русла прорыт небольшой канал, идущий под частоколом точно внутрь форта, - торжествующе объявил Томек.

Кимуксунк, который до сих пор молчал, громко чмокнул, что означало восхищение и уважение. Остальные участники экспедиции также одобрительно закивали головами..

– Ну , брат! Идея, достойная твоего уважаемого папочки и Смуги вместе взятых – - похвалил друга моряк.

Оружие и боеприпасы были проверены. Индейцы натирали лицо золой от сожженных в огне дров, предварительно смешанной с небольшим количеством медвежьего жира. Красный Орел призвал Тома сделать то же самое. Увидев минутное колебание своего друга, Новицкий взял у навахо плоский сосуд с темной слизью и вычернил себе лицо, а когда заметил слегка удивленный взгляд Салли, сказал:

– Ну, что? Если влез между воронами, так и каркать, как и они!

Не раздумывая больше, Томек наконец тоже зачернил лицо. Он прекрасно понимал, разрисовка лица помимо ритуального имеет еще и очень практическое значение, ведь благодаря этому можно легко слиться с окружающей обстановкой и стать практически незаметным для противника.

– Любимый, пожалуйста, береги себя. - Салли прижалась к мужу.

– Конечно. Ты можешь мне доверять, – ответил Томек, обняв жену..

– На этот раз, однако, особенно за себя береги, не рискуй без надобности – - настаивала девушка, и после минутного раздумья она добавила: - И как только все будет полностью закончено, нам придется поговорить кое о чем очень важном поговорить.

– О, Салли! Скажи сейчас, пожалуйста, – потребовал Томек.

Девушка секунду колебалась... и тут раздался зов Красного Орла.

– Мы готовы! Нам пора выходить!

– Тогда позже,- хорошо? - спросила Салли.

– Ладно! – ответил Томек, целуя ее на прощание..

Они двигались по индейскому обычаю один за другим. Кимуксунк со своим спутником шли на несколько десятков метров впереди. Он лучше всех знал эти окрестности, ибо уже несколько дней ходил на разведку, добирался до форта, а также выслеживал группу, которая тремя днями ранее отправилась на северо-запад вверх по реке. Инуит также подтвердил предположения Тома и Красного Орла о намеренном поджоге леса русскими.

После часового марша они остановились в непосредственной близости от форта. Небо над заливом Кука приобрело серо-черный цвет, предвещающий надвигающуюся весеннюю бурю, а над водами залива-бурю.

Томек осмотрел с помощью бинокля форт и набережную. Ничего не изменилось: пристань была по-прежнему пуста, а ворота форта закрыты. Они подождали в укрытии еще час. Начался дождь, и ветер со стороны залива принес более прохладный и влажный воздух.

– Пора! - прошипел Томек. На его лице и лицах остальных дождь размазал смесь сажи и жира, придавая им жуткий вид. Кучка призрачных фигур пронеслась мимо.

Задачи были определены раньше. Каждый знал, что делать. Томек вместе с Навахо должны были открыть ворота форта, а Новицкий с Большой Водой должен был незаметно прокрасться в ближайшие окрестности поселения. Кимуксунк и второй инуит занимали стрелковые позиции на холме. Сигналом к решающей атаке должно было стать открытие форта.

Томек и Красный орел сделали большой круг и обогнули поселок, идя длинным путем. Они могли, правда, попытаться проскользнуть незаметно, сократить себе путь, но тогда рискнули бы быть замеченными кем-нибудь из форта. И это уже разрушило бы на старте весь план возвращения заключенных. Дождь лил снова и снова, и небо раз за разом прорезали молнии. Раскаты грома, отражаясь от отвесных скал фьорда, отозвались через мгновение умноженной силой и прозвучали как канонада крупнокалиберных корабельных орудий.

Наконец, после почти получасового перехода сквозь стену дождя, они достигли ручья. Держась левого берега, подняв оружие над головой, они направились к немногочисленным едва заметным в сумерках огонькам форта. К счастью, несмотря на льющиеся с неба тонны воды, поток воды не слишком возрос, и течение было попутным.

Однако не ливень оказался их злейшим врагом. Уже через десяток метров они ощутили пронзительный холод по всему телу. Красный орел, сознавая опасность, ускорил шаг, насколько это было возможно в таких экстремальных условиях. Томек, видя движение друга, сделал то же самое. Их усилия были вознаграждены, потому что еще через несколько десятков метров они оказались на высоте короткого канала, по которому подали воду прямо внутрь форта.

Канал, соединяющий форт с ручьем, был незащищен. Это свидетельствовало о полном чувстве безопасности его

жителей Легко, полностью погрузившись в воду, Том и Навахо оказались по другую сторону частокола. В этом месте стояли широкие поилки, из которых брали воду. Они обеспечивали некоторое укрытие от бдительного ока охранников.

Насквозь мокрые, сильно промерзшие, под проливным дождем некоторое время наблюдали за большим двором. Лишь однажды из одного из самых больших двухэтажных зданий вышли двое часовых, которые, сделав неполный обход по всему форту, спешно скрылись обратно под крышей.

Том предусмотрительно отпер затвор винтовки. Навахо, увидев жест друга, лишь приложил палец к губам, а другой рукой указал на нож, заткнутый за пояс. Вильмовский согласно кивнул. Двигаясь теперь вдоль частокола, они быстро достигли главных ворот. Красный орел бесшумно ступил мокрой ногой на довольно крутые, но легкие для подъема деревянные ступеньки.

Потом что-то громко и покатилось вниз по лестнице. В темноте Том не заметил металлический сосуд, оставленный у входа в сторожевую башню. Несмотря на то, что ветер дул безжалостно, а дождь постепенно стихал, звук был отчетливо слышен. Они на мгновение замерли — они были похожи на призраков из индейских легенд..

– *Андрей, это ты?* – внезапно они услышали грубый голос сверху, за которым последовало лицо бородатого мужчины. – А ты кто...*?!* – голос оборвался, потому что навахо заставил его замолчать точным броском менее чем с двух метров.

Том достиг падающего трупа одним прыжком, предотвратив его обмякшее падение и тем самым предупредив остальных. Красный Орел, убедившись, что в сторожевой башне находится только один часовой, без лишних слов побежал к воротам форта, запертым изнутри.

Через несколько секунд Том присоединился к своему другу. Они немного потрудились с деревянным брусом значительных размеров. Когда ворота наконец поддались, Красный Орел, умело сложив руки, трижды издал вороний крик. Через мгновение он повторил это. То, что казалось вечностью, они слушали звуки бури. Том крепче сжал винтовку. Внезапно, гораздо ближе, чем ожидалось, они услышали похожий крик. Отклик. Они вздохнули с облегчением.

Через некоторое время подоспели Большая Вода с Новицким и остальными воинами.

– Так рад снова видеть тебя целым и невредимым! – выпалил моряк, тяжело дыша.

– И я тебя, Тадек, но это еще не конец! Нужно обыскать здание за зданием, начиная с самого большого. Пошли! - скомандовал Томек..

Оставив на сторожевой вышке необходимую охрану в виде двух тлинкитов с оружием наготове, они направились к величественному, по условиям северного форта, зданию. Оттуда уже издалека доносились пьяные крики - должно быть, там располагалась единственная корчма. Их догадка была верной. Заглянув в маленькие стеклянные окна, они увидели нескольких мужчин, поднимающих тосты за портрет царя. Вторая группа гуляк настойчиво ловила молодых женщин, на первый взгляд похожих на индианок и вырывавшихся из их склизких лап.

Большая Вода склонился к уху Тома.

– Это моя дочь, Белый Снег! - взволнованно прошептал он нетерпеливо прошептал и указал на молодую девушку, пытающуюся избежать пьяных выходок человека невысокого роста..

– А мне надоело подкрадываться! - взревел вдруг Новицкий. Мощным пинком он открыл дверь, держа палец

на спусковом крючке. - Все руки вверх! – крикнул по-русски разъяренный моряк..

Вильмовский видел, как один из бородатых мужчин пытался дотянуться до пистолета, лежавшего на столе прямо перед ним, когда перед ним выпорхнул томагавк, вонзившийся ему в лоб на уровне бровей. Череп, расколотый лезвием топора, хлынул кровью.

Прозвучало несколько предупредительных выстрелов. Через мгновение все стояли, подняв руки вверх.

– *Вы кто?* – пробормотал один из бородатых мужчин, нахмурившись..

– Рука правосудия, скотина! – - процедил Новицкий сквозь стиснутые зубы,и его огромный кулак приземлился на рот вопрошающего.

Томек, который, как и его отец, обычно не одобрял агрессивного поведения, на этот раз даже не отреагировал. Он быстро пересчитал русских, стоящих у стены. Их было восемь,то есть не хватало как минимум пяти.

– Тадку, возьми пару человек и обыщи дом за домом и комнату за комнатой. Мы должны быть уверены, чтобы никто не доставил нам хлопот, - проинструктировал он своего друга.

– Да, браток! - отсалютовал капитан и исчез с несколькими людьми за дверью..

Белый Снег упала в объятия Большой Воды. На мгновение она всхлипнула от радости..

– Пусть мой брат спросит, знает ли она, где остальные, – сдержанным голосом сказал Томек..

– Я могу ответить сама. Они там! - неожиданно ответила девушка на беглом английском, указывая прямо на дверь в стене, которая, как выяснилось , вела в подвал..

Томек, Красный Орел и Великая Вода, освещая себе путь факелами, спустились вниз. Подвал, превращенный в тюрьму, состоял из трех отдельных комнат. В первой, самой большой, нашли молодых тлинкитов и двух женщин-инуиток, похищенных несколькими днями ранее. В следующей было много всякого разного товара, набитого в ящики. В третьей камере находился только один заключенный. Длинные темные волосы, ниспадавшие хаотично на плечи, также скрывали лицо, с которого смотрели блестящие глаза. Его щеки запали.

– Пожалуйста, не делай мне больше больно... - умолял исхудавший мужчина. - Пожалуйста! Я уже все рассказал.... Пожалуйста...

– Мы не собираемся делать тебе ничего плохого, - успокоительно сказал Том. - Мы пришли на помощь. Вы Гилл, Нил Гилл? Правда?

– Нил Гилл был убит на моих глазах. Я Джек Нильсен – - еле слышно ответил мужчина.

– Вы свободны, и ... И давайте, наконец, выйдем из этой норы! - распорядился Томек.

Наверху уже ждал Новицкий, который к тем восьми стоящим у стены подвел еще шестерых мужчин, явно находившихся под воздействием крепкого алкоголя.

– Ой! Нашлась пропажа! Сказал матрос с улыбкой. - А теперь все, пожалуйста, идите в подвал.

Со зловещим ворчанием, однако без лишнего сопротивления, весь состав форта послушно спустился вниз.

Джек Нильсен некоторое время щурился от избытка света и, преодолев светобоязнь, попросил воды. Тут же одна из освобожденных Тлингиток подала ему на скорую руку приготовленную пищу и кувшин с водой. Он жадно ел, запивал большим количеством воды. По его длинной,

местами седеющей бороде торопливо стекали капли воды. Через некоторое время глаза начали приобретать естественные размеры, а пальцы уже все медленнее отрывали мелкие кусочки холодного жаркого.

– Пусть мой брат проверит стражу и пошлет кого-нибудь за Кимуксунком, – сказал Томек, обращаясь к Большой Воде. - И обязательно пусть один из воинов отправится на берег. Так, на всякий случай.

Индеец исчез без слов.

– Ты можешь говорить? - спросил Томас Джека..

– Кто вы? – ответил вопросом на вопрос.

Томек кратко представил всех участников спасательной экспедиции и рассказал о ее истоках. Джек Нильсен на мгновение закрыл глаза. Он вытер слезу, которая упала на его щеку.

– Я думал, что все кончено, что я больше никогда не выберусь отсюда и что обо мне все забыли. Низкий голос перешел в рыдания. Затем он надолго замолчал и только слышно было потрескивание дров в огромном очаге..

– Расскажите, пожалуйста, что это за место и кто эти люди, - нарушил молчание Томек.

Джек Нильсен откинул назад свои длинные волосы, прислонившись к стене.

– Если бы кто-то рассказал мне эту историю год назад, я бы сказал, что он ударился головой. Русские на Аляске. Тоже мне! Это просто невероятно, и все же... реально. Послушайте....

Выяснилось, что руководителя группы, посетившего прошлой осенью базу экспедиции Альфреда Брукса и представившегося Джо Блэком, на самом деле звали Юрий Иванович Черный. Он приехал на Аляску как беженец из царской ссылки на Камчатке. Еще будучи каторжником, он слушал рассказы о могуществе Американо-русской

торговой компании и об упущенных великих шансах на богатство. Новость о золотой лихорадке на Аляске широко разнеслась не только в самой Америке, но и во всем мире..

Черный убедил десятки других людей, осужденных за изнасилование, убийство и кражу, бежать. В начале лета 1911 года, нейтрализовав охрану, он угнал небольшой пароход и менее чем за неделю добрался до берегов Аляски. Ему повезло. Одним из первых, с кем встретился на острове Кадьяк, был Алекс Крав, то есть Александр Николай Кравдоров, который очень хорошо помнил времена расцвета компании. А этот великан, являющийся телохранителем Черни и его правой рукой в деле поддержания дисциплины, - как оказалось, внук Кравдорова.

Недели разговоров, сбрызнутых огромным количеством алкоголя, породили мысль возродить былое могущество Американо-российской торговой компании и создать нечто вроде небольшого государства.

Черни оказался хорошим, если не сказать отличным организатором, и со времени службы в царской армии привился к воинской дисциплине. С помощью Александра Кравдорова он добрался до давно заброшенных руин бывшей фактории Компании, восстановил ее и назвал Михайловском в честь Архангела Михаила.

Джо Блэк, он же Юрий Иванович Черный, быстро понял, что Аляска — это не только золото, но и другие природные ресурсы, которые могут стать основой независимости нового мини-государства[136]. Поэтому он стал вести свою деятельность по трем направлениям. Во-первых, вербовка всех искателей приключений с сомнительным прошлым, беглых заключенных и охотников, желательно русского происхождения. Во-вторых, создание на Аляске целой разведывательной сети, сообщающей в основном о перемещениях и направлениях разведки научных

экспедиций, ищущих месторождения и полезные ископаемые. В-третьих, с помощью денег задействовать как можно больше шпионов, которые могли бы действовать как на канадской, так и на американской стороне.

Внезапно стало ясно, почему, начиная с Джуно, в экспедиции Томека случались неприятные и загадочные происшествия. Тайна быстрого распространения информации на столь обширных территориях была разгадана — ключом к получению знаний стал телеграф. У Джо Блэк в каждом крупном поселении и городе были шпионы, имеющие доступ к этому устройству, и те, кому платили большие деньги, были готовы на любую подлость.

Нападение на экспедицию Альфреда Брукса в предгорьях Денали было одним из нескольких, совершенных за последний год. Целью каждого из них было приобретение природных ресурсов, которые в ближайшем будущем восстановили бы былое могущество Американо-русской торговой компании.

– Только мне удалось спастись от нашей экспедиции, но банда догнала меня и потащила в это место. Они не могли воспользоваться моими знаниями, потому что обнаруженные нами месторождения золота и никеля находятся глубоко под землей и в горных породах, и их добыча требует огромных ресурсов, которых у Блэка нет», — заключил Джек Нильсен.

– Да все ясно.- Том понимающе кивнул головой.

– -Ясно, что мы должны как можно скорее убираться отсюда – - добавил Новицкий.

Потом дверь в комнату скрипнула, и внутрь ворвался порыв влажного воздуха. За ним последовал Красный Орел.

– У нас гости. Корабль возвращается в порт!

Rozdział XI

Ostateczna rozgrywka

До появления белого человека в Северной Америке индейцы использовали разнообразное оружие, но наиболее распространенным был лук. Мушкеты, привезенные голландцами, англичанами или французами, в столкновении с местными жителями или во время охоты на протяжении многих десятилетий не представляли особой ценности. Они были довольно тяжелыми, заряжались со ствола и были уязвимы к влаге, поэтому проигрывали в соперничестве с легкими и скорострельными луками, использование которых не требовало доступа к свинцу или пороху. За одну перезарядку мушкета опытный лучник мог выпустить до десятка стрел. Однако огнестрельное оружие вызывало желание им владеть среди индейцев,

Очень скоро это оружие также стало одним из основных товаров в обменной торговле, за шкуры и меха. Ситуация полностью изменилась, когда в середине XIX века в эксплуатацию стали входить винтовки, заряженные сзади, а в дальнейшем скорострельные и многострелковые револьверы и винтовки. В частности, гражданская война принесла много новых, как следствие, смертельных для индейцев, технологических решений. В результате навыки обращения с любым другим оружием, кроме

огнестрельного, был практически полностью утеряны. Неудивительно, ведь выброс снаряда из ствола — вызванный огромным давлением газов при сгорании порохового заряда — придает ему убойную скорость в несколько сотен метров в секунду.

Великан во главе нерегулярной колонны, возвращавшейся с пристани, даже не успел осознать, что произошло, когда из-за частокола форта раздался ружейный выстрел и его тело рухнуло в болото. Это был тот самый горячий молодой Тлингит, который хотел попытать счастья в охоте на белую медведицу, не выдержав напряжения открыл огонь.

Дождь прекратился. Над фортом небо еще не совсем разгладилось после грозы - но сквозь тучи уже пробивались красно-золотые лучи. Из-за этих солнечных сияний вся местность казалась чем-то вроде таинственно освещенной сцены. Возвращавшаяся со стороны бухты колонна, услышав выстрел, тут же в беспорядке распалась и попряталась в ямах и ложбинах местности..

Томек, который вместе с Новицким и другими минуту назад наблюдал за всем происходящим, молчал, гадая, что следует в этой ситуации делать. На успешное бегство шансов не было, ибо несколько освобожденных Тлингиток, избитых мучителями, не могли быстро передвигаться самостоятельно. Высокий частокол и человек двадцать могли какое-то время успешно держать нападавших на расстоянии. К счастью, Кимуксунк вместе с тремя людьми успел вернуться в Форт.

– Видимо, буря и шторм отпугнули этих гадов от продолжения экспедиции, - пробормотал себе под нос Новицкий, осматривая местность в бинокль.

– К сожалению, ты прав, Тадек, - признался Томек. - Впрочем, я думаю, что с большой группой взаперти можно попробовать договориться. Борьба - это последнее средство.

– Ха! Прямо как уважаемый папа. Ничего не добавить, ничего не сказать – - снова пробормотал матрос. - Позволь, браток, я тоже буду участвовать в этих, как ты выразился, переговорах..

– Согласен.

Через некоторое время, стоя на самой высокой точке сторожевой башни, Новицкий начал делать бешеные движения своими огромными руками. Таким образом он хотел привлечь внимание своих противников. Видимо, жесты боцмана были замечены и правильно прочитаны, потому что через несколько мгновений не более чем в двадцати метрах от частокола из-за большого валуна показалась фигура человека..

– Вы кто? - спросил он с явным русским акцентом.

– Посланцы ада, – тихо процедил сквозь зубы Новицкий и уже громче добавил: - Мы пришли только за женщинами. Дайте нам забрать их и уйти!

Томек, стоя рядом с боцманом, заметил еще двоих человек, которые сзади собеседника Новицкого наблюдали в бинокль за происходящим. В какой-то момент тот, что пониже, наклонился к верхнему уху и что-то ему объяснил. Тот, что повыше, внимательно слушал, потом скривил лицо в жестокой улыбке. Он поднял руку высоко над головой, давая понять, что хочет подойти поближе. Вильмовский, видя, как идут дела, на всякий случай громко крикнул своим людям:

– Не стрелять!

И, обращаясь к русским, бросил:

– Подходите!

Через мгновение перед воротами форта стояли трое мужчин. Лицо одного из них показалось Томеку знакомым.

– Добро пожаловать в мое скромное логово, господин Вильмовский.,. -первым заговорил черноволосый. –

Как вы уже, наверное догадались, я- Юрий Иванович Черный, известный как Джо Блэк.

Для условий Севера он был одет элегантно, даже изысканно. Кожаная куртка была оторочена причудливой цветной вышивкой, а легкая меховая шапка, из-под которой на плечи ниспадали длинные черные волосы, была украшена золотой нитью.

Томек и Новицкий при звуке фамилии первого были настолько удивлены, что не смогли это скрыть.

– Вы не узнаете меня, сэр Вильмовски? — сказал другой мужчина с нахальной ухмылкой.

Томек пробегал мыслями ближе и дальше, пытаясь определить место и время, где и когда он встречал этого человека. Новицкий облегчил ему задачу.

– Это тот самый официант из отеля в Джуно! – воскликнул.

– Я Вас умоляю! - театрально запротестовал мужчина. - Я был там, ну ... и в некотором смысле я все еще арендатор того заведения, а владелец-сэр Джо Блэк, стоящий здесь собственной персоной.

– Кент Уильямс, если я правильно помню? - обратился Томек к третьему из мужчин..

– Тот самый и собственной персоной! - ответил Уильямс..

– Кажется, теперь я все понимаю. Вы были одним из информаторов, именно вы передали информацию о нашем полете на Фортуне. - Том говорил медленно, обозначая каждое слово..

– Сила телеграфа, сэр Вильмовски! Мощь новой Аляски XX века! — торжествующе ответил Уильямс.

– За деньги продался! - вырвалось в очередной раз у Новицкого.

– Нет, сэр Новицкий! Дело не в деньгах, хотя я признаю, что сэр Блэк щедро оплачивал мои скромные услуги.

– Тогда зачем? - спросил Том.

– За новое государство, за новую реальность, за новое право белого человека! - Уильямс повысил голос.

Черный на эти слова насмешливо кивнул и резко прервал его:

– Хватит, Кент! Похоже, Господин Вильмовский, несмотря на все наши усилия, преждевременно раскрыл наш маленький секрет. Признаюсь, я недооценил Вас, но все поправимо.

Томек и Новицкий уставились на фигуру Юрия Ивановича.

– Вы понимаете, господа, в каком безнадежном положении вы оказались... поэтому, чтобы избавить всех вас от ненужных переживаний, я предлагаю вам добровольно сложить оружие, а взамен я щедро Дарю Вам жизнь, хотя, очевидно, и не свободу. - Черный говорил с явной иронией, и в каждом его слове слышалось презрение. – Я предлагаю, таким образом, чтобы...

– А я предлагаю тебе убраться вприпрыжку, пока ты не попал в мои руки! - крикнул рассерженный Новицкий..

Наступила тишина.

– Это тоже ваша позиция, господин Вильмовский? – спросил немного удивленный Черный

Томек на короткое время что-то обдумал, а затем твердым голосом сказал:

– Не только моя! Ты злодей и проходимец только по ошибке назвался человеком, скотина! -прорычал.

– Ну, молодец, браток! Я не знал, что ты знаешь такие слова. - Новицкий был явно доволен другом..

– Дураки! – прошипел Черный, а Вильямс добавил: - Очень жаль, сэр Вильмовски, что так печально закончится эта история.

– Посмотрим, для кого, – бросил на прощание Томек.

Некоторое время из-за частокола форта все провожали взглядом, в полном молчании, исчезающих в неровностях местности мужчин. Тишину нарушили внезапно доносившиеся откуда-то снизу низкие и непривычно гортанные звуки. Несколько удивленные, они направили глаза в сторону своего источника. Именно Кимуксунк вместе со вторым Инуитом затеяли необычную песню. Звуки доносились словно из глубины горла, хотя губы не шевелились. Песня набирала обороты, становясь в финале хриплым рычанием.

– Это песня смерти ледяных людей – - сказал Большая Вода, незаметно стоявший за спиной Томека.

– Посовещаемся, что делать. - Вильмовский был предельно серьезен..

– Я думаю, что нужно использовать заносчивость и тщеславие Блэка. Он ведь не знает, сколько людей и каким оружием мы располагаем – - начал Новицкий.

– Правильно, - подтвердил Большая Вода.

– Поэтому предлагаю расставить стрелков в нескольких точках форта, чтобы охватить всю территорию. Пока мы в форте, мы в относительной безопасности, - добавил Красный Орел.

– У нас двадцать человек...

– Двадцать один, – вмешался Джек. - Можете рассчитывать на меня.

– Двадцать один – - поправил себя Томек. - В случае прорыва частокола наш последний редут будет зданием тюрьмы. Только он нам остается...

– И молитва Матери Божьей, - тихо закончил Новицкий..

Задачи были распределены, а защитники разделились на пять отрядов, занявших лучшие огневые позиции..

Томек, Новицкий и Красный орел сидели, прислонившись спиной к деревянным бревнам частокола.

– Боишься, браток? – спросил моряк.

– Единственное, чего я боюсь, так это того, что я могу больше не увидеть Салли, - грустно ответил Том. - Было что-то важное, что она хотела мне сказать.

– Еще успеешь! Мы справимся! - Поддержал друга боцман. - Мы не из таких передряг выходили целыми и невредимыми..

– Это, наверное, самая серьезная ситуация, в которой мы оказались, Тадек, - серьезно сказал Том. - Кстати, что должно быть в голове у такого человека, как Черни, что он кишит фантасмагориями о создании нового государства в XX веке? И где это? Здесь?! На территории Соединенных Штатов?!

– - А ты помнишь не столь древние англо-бурские войны?[137] – бросил Новицкий.

– Это немного другое. Там местные африканцы восстали против английского владычества, - невозмутимо ответил Вильмовский.

– Да! Но игра началась с золота, обнаруженного в местных горах! – Новицкий не давал себя сбить с толку. – Ха! Ты видишь, брат! Не только ты ходячая энциклопедия!

– Здесь ты прав. И снова золото, потому что...

– Внимание! Начинается! По местам! - Это был Большая Вода, который все время наблюдал за передвижениями русских.

Они поспешно схватились за оружие. Томек проверил, исправно ли работает замок в его скорострельном ремингтоне. Он посмотрел на товарищей. Все сосредоточенно отслеживали цели. Со стороны нападавших доносился громкий приказ атаковать. Они тронулись. От частокола их разделяло не более шестидесяти метров. Они бежали быстро, не держа, однако, линии наступления, характерной для регулярной армии. Они не прятались.

– Ждите моего сигнала! - крикнул Томек. Он не знал, каким огневым потенциалом обладает его отряд, не знал их меткости.

Они замерли, крепче сжимая в руках деревянные приклады винтовок.

Сорок метров. Уже без бинокля были видны черты лиц нападавших. Они были разных возрастов. Начиная с молодых и заканчивая сильно уже изрядно состарившимися людьми.

– Еще нет! - повторил Вильмовский..

С каждой секундой нападавшие приближались. Всего двадцать метров от частокола, меньше двадцати... Том посмотрел на Новицкого. По виску стекала струйка пота.

– Сейчас! Огонь! - взревел он наконец..

В тот же миг отозвались все стволы. Грохот выстрелов раздался почти одновременно, рассекая застывший в тишине воздух вокруг форта. Яркие облака над стрелками на короткое мгновение заслонили обзор. Однако быстро легкий порыв ветра показал результаты всего лишь только одного залпа..

Двадцать одно тело лежало перед фортом. Некоторые из них корчились от боли после менее точных попаданий, некоторые застывали в одну секунду. Опустошение, причиненное палбой, произвело впечатление. Это навело ужас на нападавших и наполнило гордостью защитников - после минутного молчания вдоль всего частокола вырвался пронзительный крик триумфа из глоток тлинкитов..

Вильмовский какое-то время еще раз наблюдал за противниками в бинокль. Он увидел Черного, который недоверчиво смотрел на поле боя, подсчитывая потери.

– - Вот это добыча, браток! - Новицкий был явно удивлен результатом первого боя. - Видно, у наших ребят глаз не хуже твоего.!

– - Я бы не был так счастлив, Тадек. У них по-прежнему преимущество как минимум вчетверо против одного, и, вероятно, что-то в рукаве — охладил Томек его оптимизм..

– - Мы гоняли русского кота, пока он не запылился! — Я бы на их месте, имея таких противников, как мы, отказался бы от очередной атаки, — торжествующе продолжал моряк..

– - Вы не знаете Черного. Он злопамятный, коварный и изобретательный, – вступил в разговор Джек Нильсен, опершись на ствол своей винтовки..

- Джек прав. Вспомним также, что мы только что встали на пути к осуществлению его больной мечты о собственном, разбойничьем государстве – - заметил Вильмовский..

– - Пусть мой брат посмотрит туда! — сказал вдруг Красный Орел, указывая на маленький пароходик, все еще качавшийся у причала.

Томек поднес бинокль к глазам..

– – А черт! Смотри, Тадек.!

Новицкий поспешно взял у него бинокль. Он увидел, как русские, используя наспех сколоченную телегу, катят с парохода две небольшие пушки.

– – Ну, теперь у нас проблема. На мой взгляд, это пушки калибра около пятидесяти миллиметров. Вроде бы мало, но на деревянный частокол хватит – - констатировал моряк..

– - В укрытие! – крикнул Томек и, обращаясь к Навахо, Новицкому и Большой Воде, добавил – - Когда рухнут ворота, отведите людей к бастиону.

Слова были лишними. В потемневших от выстрелов лицах Томек увидел сосредоточенность, решимость и волю к бою. У каждого из них былипричины, чтобы сражаться до конца. Крадучись, согнувшись пополам или лежа, они ждали развития событий. Секунды сменялись минутами. Нервы у них были напряжены до предела...

Через прорубленное в частоколе стрелковое окно Том внимательно следил за каждым движением. Орудия располагались прямо напротив форта. Из действий их расчета Вильмовский сделал вывод, что у них не было большого опыта обращения с ними.

– - Может повезет! – Он с надеждой улыбнулся..

И тут где-то над его головой раздался выстрел. Он тут же повернул бинокль в сторону нападавших и увидел, что один из канониров схватился за плечо. Он посмотрел вверх. Именно Красный Орел произвел меткий выстрел, притаившись раньше на крыше входных ворот в форт. Томек поднял большой палец правой руки в знак признательности-ведь с такого расстояния, ну, ну! - Навахо лишь едва заметно улыбнулся..

И дальность, и меткость Красного орла, должно быть, произвели впечатление на русских, так как мгновение спустя, с проклятиями, брошенными в сторону защитников форта, они с усилием отодвинули свои артиллерийские позиции..

Наконец, орудия ахнули, выбросив из себя в облаке дыма два снаряда. Один из них пролетел над частоколом, другой ударил прямо по воротам и пробил в них дыру. А затем, через десять метров, он взорвался в одном из небольших зданий, вызвав пожар. Со стороны атакующих раздался торжествующий возглас, слегка приглушенный очередным точным выстрелом Красного орла..

Недолго думая, Том крикнул:

– – Огонь! Цельтесь и стреляйте во все, что движется!

Частокол ожил огнем. Пули со стоном свистели над головами, укладывая очередных несчастных. Орудия русских снова отозвались залпом; на этот раз гораздо более метким, чем предыдущий. Ворота задрожали в мощных петлях. Однако они еще сопротивлялись взрыву. Второй

снаряд сработал эффективнее. Его взрыв с легкостью подбросил в воздух двух Тлингитов..

– Это вопрос минут, браток, и ворота рухнут! - Быстро проговорил Новицкий с разгоряченным взглядом.

– - Все в бастион! Все! - крикнул Томек..

Снова заговорили пушки, пробив две бреши в частоколе, одну рядом с другой, достаточных для проникновения в форт взрослого человека. Триумфальный рев русских свидетельствовал о трагической ситуации, в которой сейчас оказались защитники. Поодиночке и небольшими группами они стали покидать свои огневые позиции и отходить к каменному бастиону..

Томек еще раз обвел взглядом поле боя. Он увидел нападавших, высунувшихся из-за скал и земляных выступов. Не раздумывая, он приложил приклад винтовки к плечу. Раздался выстрел, и один из ближайших к нему рухнул как подкошенный.

– Ради бога! Браток! Быстрее! - завопил Новицкий, заметив друга, все еще стоявшего на частоколе.

– -. Не говоря ни слова, Том сбежал по деревянной лестнице ипопал на главный двор. Рядом с ним оказался Красный Орел, покинув позицию на крыше, откуда он так метко стрелял по атакующим. Они были метрах в тридцати от бастиона.

– - Всего лишь мгновение! Бежим, брат! - крикнул Томек Навахо.

Тут совсем рядом раздался мощный взрыв, обрушивший деревянную сторожевую башню почти прямо на Вильмовского и Красного Орла. Они упали оба, придавленные огромной балкой. Новицкий, уже оказавшись в дверях, хотел было развернуться, но его с силой удержали и втащили внутрь Большая Вода и Джек.

Некоторое время они лежали бок о бок, оглушенные, когда первые несколько нападавших появились в разрушенных воротах..

– *Господин* Вильмовский! Какая удивительная встреча! Действительно, лучшего и желать нельзя. - Где-то вдалеке, как со дна колодца, Том услышал голос Черного..

Красный Орел безуспешно боролся с давящей балкой.

– - Я говорил вам, что очень жаль, что так закончится ваше путешествие, но ладно ... ваш выбор. Следовательно, *прощай!*[138]

Он поднял руку на высоту бедра, небрежно сжимая в ней револьвер. Почти одновременно раздались два выстрела. Тело Томека выгнулось дугой, и его правая рука, казалось, что-то оттолкнула. Он замер, и его голова упала вправо. Черный встал на колени рядом с ним, держсь за живот. Он поднял голову к бастиону, окнам, второму этажу и чердаку вдруг ожили канонадой выстрелов..

Товарищи Черного, сраженные залпом, упали в грязь двора, а сам он, пораженный прямо в глаз,не подавая признаков жизни растянулся у ног Тома..

Внезапно со стороны бухты послышались сначала один, через мгновение другой и третий пушечные выстрелы. Взрывы были намного мощнее, чем у русских пушек. Хаос и растерянность царили среди нападавших, десяток которых оказались во дворе форта. Кто-то что-то кричал, кто-то подхватил это и передал только одно слово громовым голосом..

– *Солдаты*!! *Солдаты*!![139]

Нападавшие вскочили и сломя голову двинулись вперед, что было сил в ногах, преследуемые градом пуль, летящих с бастиона. Бежать к пароходу оказалось плохой идеей. Там ждала большая канонерская лодка, изрыгавшая огонь из пяти корабельных пушек, стоявших почти

перпендикулярно русскому кораблю. Над военным кораблем развевалось звездное знамя армии США. Оказавшись между двух огней и беспощадно выкашиваемые последовательными залпами и взрывами, почти одновременно все беглецы подняли руки в знак сдачи..

Кое-где все еще раздавались одиночные выстрелы, но Новицкий, не дожидаясь окончания стычки, с силой вырвался из бастиона и в несколько шагов достиг Томека, лежащего в растущей луже крови. Кто-то подскочил с другой стороны и освободил Красного Орла, который хоть и сильно придавленный, но вышел из-под гнета почти невредимым.

- Дорогой мальчик! Томек! - всхлипнул Новицкий. - Проснись! Просыпайся, браток!

Немой круг защитников форта окружил лежащего Тома. В воздухе развевались огненные осколки догорающих остатков ворот. Снова пошел дождь. Затем сквозь толпу прорвалась тонкая фигурка.

- Томми, Томми! Дорогой! - воскликнула Салли, появившаяся неизвестно откуда. - Ты не можешь умереть здесь! Ты же обещал мне! Томми! Девушка упала на колени, сжимая руку мужа. - Проснись! Пожалуйста! Нет, не сейчас! Ты не можешь так поступить с нами! Не здесь! Ты же станешь отцом!

Что-то задрожало под веком Тома. Мускулы лица шевельнулись едва заметно. Приоткрыл с усилием один глаз.

– — Салли, люби..мая, — с большим трудом шептал он отдельные слоги. — ты долж..на была оста...ва..ться в ла..ге..ре... ...

– – Не утерпела! Я не смогла! - говорила она сквозь слезы. - Мы с женой Кимуксунка двинулись к побережью, где наткнулись на корабль под командованием лейтенанта.

Уиллис. Я рассказала ему всю историю. Плывя вдоль берега, мы наткнулись на это место и сражение. Томми, ты ведь не умрешь сейчас? Ты наверняка будешь идеальным отцом нашей дочери, сына, может быть, близнецов, верно?

Салли извергала из себя потоки слов, но Томас прервал ее, моргнув веком.

- Что ты ска..зала? Что я буду кем?

- Да, да, Томми! Все верно! Эта тошнота, это недомогание! Все верно! Я беременна, дорогой

- Давай, браток! Понимайся...забирай своих, и мы идем домой! - прорычал сквозь слезы Новицкий. i

Отцом ... я буду отцом, - прошептал Томек, и голова снова опустилась ему на грудь.

Кимуксунк, стоявший рядом с раненым, молча отстранил Салли и склонился над Вильмовским. Какое-то время он прислушивался к его неглубокому дыханию, а затем сделал короткое объявление:

- Он жив, но злой дух хочет высосать из него последние силы. Пуля застряла глубоко внутри. Нужно действовать немедленно.

Новицкий быстро стряхнул с себя отчаяние

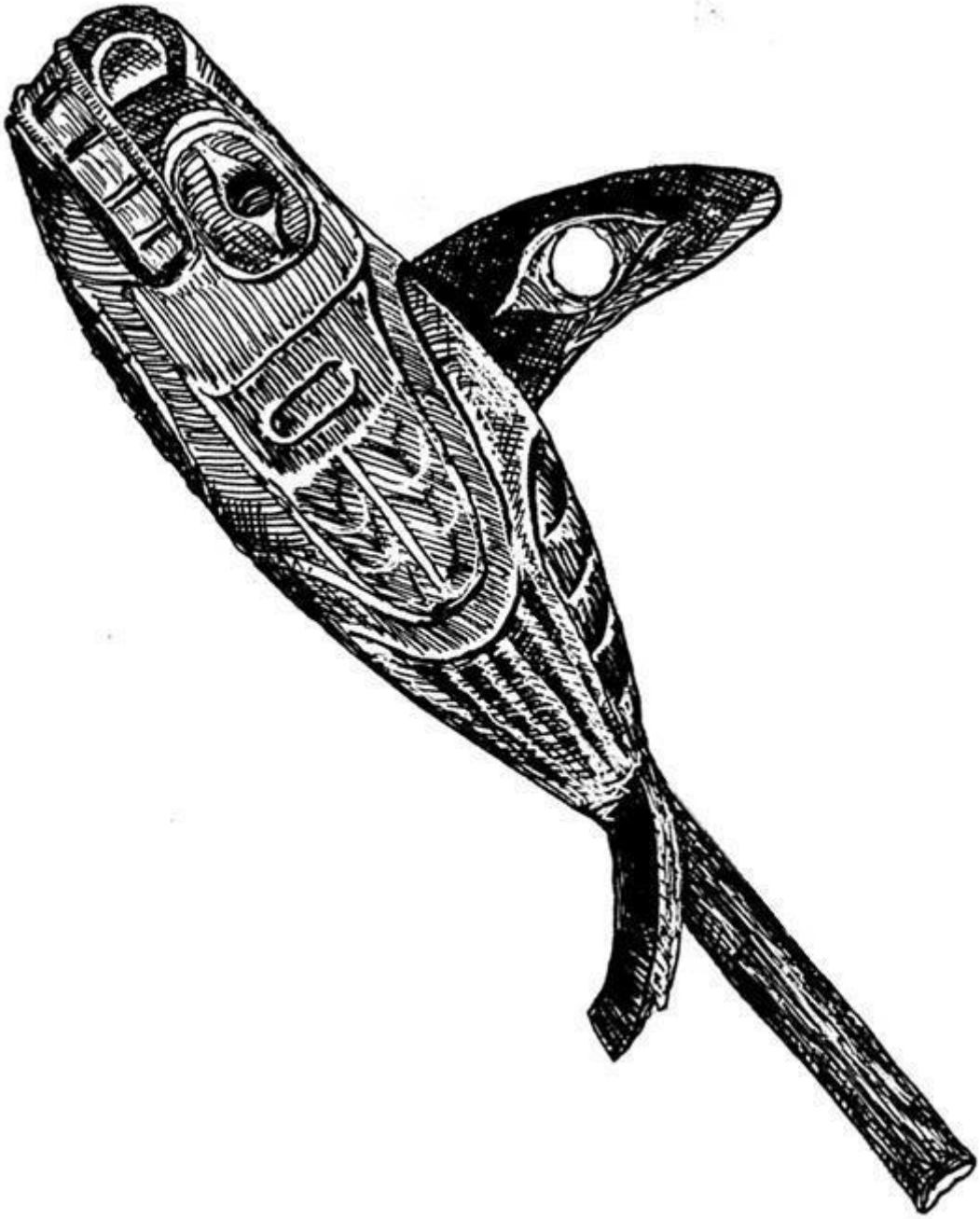
- Давайте перенесем его в бастион! – скомандовал

Через некоторое время он вышел. Лицо у него было бледное, почти прозрачное. Сжатые губы дрожали, он выглядел опустошенным, тяжело больным человеком

-Что происходит сейчас? — спросила Салли, ища хоть тень надежды в лице боцмана.

Из недр бастиона начало доноситься пронзительно высокое и гортанное пение. Они узнали голос Навахо

- Мы должны молиться. — Так сказал Кимуксунк, — глухо ответил Новицкий. - Желательно каждый своему богу..



Grzechotka szamańska

Rozdział XII

Na Wyspach Aleuckich

Если бывают такие моменты в жизни человека, что время останавливается на месте, то сейчас именно для Новицкого и Салли был такой момент.

Дождь ослабевал, и капли превращались прямо над землей во влажную дымку. Пение Красного Орла давно прекратилось. Затянувшиеся минуты растворялись в долгих часах ожидания.. Новицкий молчал, так как после его нескольких попыток составить сколько-нибудь действенные предложения заявил, что слова в данной ситуации только мешают..

К счастью, в экипаже лейтенанта Деклана Уиллиса, командующего канонерской лодкой, был доктор Дэн Глауэр. С помощью Кимуксунка ему удалось извлечь пулю, застрявшую довольно глубоко под последним левым ребром Тома. Раненый потерял очень много крови, рана вскоре могла воспалиться, и вероятность заражения в этих условиях была почти неизбежна. Поэтому доктор рекомендовал немедленно доставить его в ближайшую больницу на острове Кадьяк, как только состояние Вильмовского улучшится настолько, что это морское путешествие не будет угрожать его жизни. В одной из комнат на этаже бастиона, превращенного во временную больничную палату, по очереди у бредившего Тома

дежурили: Новицкий, Салли, Красный Орел и молодой военный врач, Дэн Глоуэр. Они менялись каждые два часа, спускаясь на отдых в самую большую комнату, которая раньше служила таверной.

За одним из столов сидели Джек Нильсен, лейтенант Уиллис и боцман Новицкий.

– Должен признать, что если бы не ваша помощь, группа этого головореза Блэка, а точнее Черного, до сих пор была бы большой проблемой не только для штата, но, вероятно, и для федерального правительства». Лейтенант Деклан Уиллис поудобней устроился за столом, закуривая сигарету...

– - Не может быть! - недоверчиво бросил Джек..

– – О, да-да! Уже довольно давно мы получали тревожные доклады не только о пропавших без вести исследовательских и разведочных экспедициях с территории Аляски, но прежде всего секретные депеши от наших агентов, расположенных при Николае II – - пояснил Уиллис..

– - Царь Николай II?! - Новицкий несколько удивился..

– - Точно. Так вот, несколько лет назад в России при поддержке самого царя образовалось движение под названием «Черная сотня»[140]. Это организация, направленная против всех, кто хочет перемен в России, особенно евреев и противников монархии..

– - Что скажете, лейтенант?! Вы думаете, банда Черного может иметь к ним какое-то отношение? спросил Новицкий.

– - Не только думаю, но мы это точно знаем. Окружение, сосредоточенное при Николае II, незаметно поддерживали финансово, а также материально-технически многие мероприятия, пытавшиеся возродить былое величие Российской империи. После проигранной несколько лет

назад войны с Японией[141] при царском дворе поднимались многочисленные голоса, пытавшиеся пересмотреть и тем самым расторгнуть продажу Аляски почти полвека назад, - говорил лейтенант.- Знаете ли вы, кто был великаном, павшим в битве с вами?

– Все отрицательно покачали головами.

– - Это был Иван Федорович Красов. Капитан царской армии, делегированный охранкой[142] для проведения диверсионных операций и обучения новобранцев на Аляске, пояснил Уиллис.

– - Я кое-что знаю об этой тайной полиции. Это ведь из-за нее мне пришлось бежать из Польши! - Новицкий печально кивнул..

– Кажется, я начинаю понимать, — сказал Джек Нильсен. - Вся эта история о восстановлении славы Российско-американской торговой компании как нельзя лучше подходила для привлечения в ряды группировки головорезов всяких темных личностей..

– - Скорее всего, да – - признался лейтенант. - Хотя всей правды мы, конечно, никогда не узнаем. Чернов и Красов забрали ее на тот свет, а те, кто выжил, мало что знают.

– - Подождите минуту! Где официант из Джуно? спросил Новицкий.

– - Кент Уильямс? К сожалению, в суматохе боя ему и еще нескольким удалось бежать..

– – А чтоб его! У него получилось, гадина! - Моряк был явно безутешен..

– — Успокойтесь, боцман, мы выпишем ордер на его арест и передадим информацию в Королевскую канадскую конную полицию по конфиденциальным каналам. Определенно Уильямс не найдет безопасного укрытия в Северной Америке, заверил Новицкого Деклан Уиллис..

– - Тогда, добро, – кивнул боцман..

– - Должен признаться, что правительство США Вам признательно за помощь в разгроме банды Черного и освобождении Джека, а также...еще одно - лейтенант Уиллис был немного загадочен..

– - Что вы имеете в виду? - с любопытством спросил Джек Нильсен.

– - Инженерная комиссия Аляски была создана по поручению президента Вудро Вильсона [143]. Его задача — открыть миру Аляску и, как следствие, построить гавани, наметить маршруты для строительства скоростных дорог. Место, которое вы открыли, дорогие друзья, идеально подходит для города. Большой порт, близость рек, по которым можно попасть в глубь Аляски... Так или иначе, у этого места уже есть название, — сказал Уиллис..

– - Какое? - спросил Новицкий.

– Анкоридж![144]

– - Действительно, название подходит как влитое [145]. На самом деле кораблям здесь удобно швартоваться, признал Новицкий.

Внезапно они услышали звук быстрых шагов по лестнице, и через мгновение появилась Салли, только что дежурившая у Тома. Девушка была разгорячена, на щеках у нее краснел румянец, а глаза горели ярким блеском. Новицкий сразу вскочил на ноги.

– – Что случилось?! Говори, девочка! – крикнул он.

– - Томми очнулся.!

– – Слава тебе, Господи! - Новицкий поднял глаза кверху с благодарностью. Он тут же помчался наверх. Остальные присутствующие поспешили за ним.

Комнату заполнял свет, проникавший через большое окно. Томек сидел на кровати, прислонившись спиной к стене. Сквозь свежие бинты пробивалось небольшое пятно

красного цвета. Лицо у него было бледное, но уже не такое восковое, как у тяжелобольных людей.

– – Ты! Ты вернулся! - Новицкий был на седьмом небе, обнимая Тома.

– – Ты придушишь меня, прежде чем я совсем встану на ноги, – попытался пошутить Томек..

– - Прошу прощения у всех, – решительно вмешался доктор Глауэр, протискиваясь среди собравшихся вокруг кровати Вильмовского. - Мне нужно осмотреть больного..

– - Выйдем, - предложил лейтенант Уиллис..

Через несколько минут доктор Глауэр спустился к ожидающим в напряжении друзьям и объявил::

– - Худшее позади. Пуля царапнула о желудочек сердца, но не повредила его.. К счастью, я не вижу никаких внутренних повреждений. А если честно, то сэру Вильмовски не только просто повезло, но у него невероятная живучесть. Поздравляю!

– — Доктор, один вопрос, — сказал лейтенант Уиллис. - Когда больной будет готов к транспортировке?

– - Думаю, что через два-три дня мы можем спокойно плыть на Кадьяк, - ответил он после минутного раздумья. - Конечно, если ничего не произойдет..

– – Надеюсь, что нет! - подхватил Новицкий..

– - Сейчас я рекомендую пациенту как можно меньше двигаться и как можно больше отдыха. Я бы также не стал слишком обниматься, — добавил Глауэр, недвусмысленно намекая на поведение Новицкого..

*

Ночь прошла спокойно, и следующее утро принесло два события. Во-первых, не дожидаясь врачебного одобрения, Томек, при помощи Салли и по собственной настойчивой просьбе, встал и сделал несколько шагов вокруг кровати..

Во-вторых, и Большая Вода вместе с тлинкитами, и Кимуксунк со своими людьми после короткого прощания отправились в обратный путь к местам своего обитания.

Новицкий, которому нечего было делать, охотно принял предложение лейтенанта Уиллиса переоборудовать пароход русских в корабль тюрьму — его намерением было переправить на остров Кадьяк около тридцати заключенных. Красный Орел и Салли заботились о Томеке, помогая ему во все более длительных прогулках, которые заканчивались уже во дворе крепости..

На третий день после боя, в ходе короткого совещания, было принято решение покинуть форт: для его временной эксплуатации оставлено несколько человек..

Дни становились все более солнечными, и северный воздух понемногу прогревался. Залив Кука был исключительно любезен, компенсируя путешественникам дискомфорт предыдущих дней и неделей почти безоблачным небом и исключительно спокойной водой. Несколько раз попадались колонии тюленей, которые с любопытством поглядывали в сторону проплывающих кораблей..

Том уже прогуливался самостоятельно по палубе канонерки. Его поддерживала массивная палка, изготовленная специально для него Красным Орлом. Видя своего друга все в лучшей и лучшей форме, Новицкий даже улыбался, напевая на польском языке..

– «Pij, pij, brachu, pij! Na starość torba i kij» (- Пей, пей, брат, пей! На старости лет сумка и палка)!

– - Это что-то о Польше? — спросила Салли. - Ты должен, наконец, научить меня польскому языку.

– - Это больше о мечтах нашего отставного боцмана

– - пошутил Том, крепче обнимая жену.

На следующий день бледным утром корабли подошли к порту Кадьяк на одноименном острове..

Лейтенант Уиллис предложил четырем путешественникам жильё на военной базе. Губернатору Эли Кларку немедленно было отправлено сообщение о ходе и счастливом завершении всей экспедиции. Красный Орел, все еще работавший у губернатора, решил дождаться его ответа и дальнейших указаний.

Томек чувствовал себя все лучше и лучше, и все время проводил с сияющей двойным счастьем Салли.

– - Теперь тебе нельзя волноваться, дорогая. Никаких экспедиций, никаких усилий, никаких... - убеждал он жену..

– - Томми! Я ведь не больна! - возразила Салли. - Скорее я должена адресовать эти слова тебе.

– – Ну да, - растерянно признался Томек. - Но ты должна заботиться о себе..

– – Ничего! Она обвила парня вокруг пальца, но из них получилась пара, - буркнул Новицкий себе под нос. От нечего делать, боцман отправился вглубь небольшого поселения..

Он миновал несколько зданий, похожих на склады и склады, затем остановился как вкопанный, увидев знакомые очертания православного храма, окруженного невысоким, только что выкрашенным в белый цвет забором. Две куполообразные башни венчали двускатную крышу [146]. Удивление боцмана было тем больше, что в церкви шла служба, и через приоткрытую дверь доносилось трогательное многоголосое пение. Перед зданием Новицкий заметил группу из нескольких десятков местных алеутов[147], участвовавших в богослужении и предавшихся молитве..

– - И пусть меня съест кашалот, если это не сам боцман Новицкий! - донесся вдруг из-за спины знакомый голос..

Он обернулся и увидел мужчину средних лет в матросской фуражке, развязно болтающейся на его голове. Он изучал его мгновение, не веря своим глазам..

– – Не может быть! Это старый кит Джон Фрибс! - воскликнул Наконец Новицкий, когда наконец узнал бывшего товарища.

– - Собственной персоной, – ответил тот, скривив лицо в широкой улыбке.

Они упали друг другу в такие могучие объятия, что будь кто-нибудь из них хрупкого телосложения, то был бы полузадушен. Резкими жестами и слишком громким возгласам не было бы конца, если бы не бородатый монах, внезапно вынырнувший неизвестно откуда.

– - Вы перед домом Божьим. Очень прошу вас о спокойствии и серьезности – - сказал он по-английски, серьезно и твердо, с сильным русским акцентом.

– Конечно, брат, мы сожалеем и уходим! смиренно ответил Фрибес.

Через минуту они уже сидели за столом в местной забегаловке. Новицкий вкратце рассказал о встрече с общим другом капитаном Макгрегором и о событиях последних недель.

– – А пусть меня водоворот поглотит! У вас была хорошая переправа! – прокомментировал рассказ друга Фрибес, отхлебнув изрядный глоток виски. - И что ты собираешься делать дальше?

– - Честно говоря, не знаю. Экспедиция завершена. Нам пора возвращаться в Лондон – - ответил Новицкий..

– Фрибес на мгновение замолчал, вертя стакан в руке.

– - Грядут смутные времена, мой друг. Я встретил капитана немецкого корабля в порту Сиэтла, который что-то бормотал в пьяной откровенности о подготовке Германии к большой войне в Европе.

– - Большой войне? - недоверчиво повторил Новицкий..

– - О, да! Война, которая должна изменить баланс сил и дать Германии превосходство над Европой..

– - Что-то такое?! Невероятно... Но у меня нет причин не верить тебе, старый друг, — признал боцман. - Может эта война даст моей стране свободу.

– - И выпьем за это! За свободу Польши! Фрибес поднял тост и через некоторое время добавил: - Если у вас нет других идей, поезжайте со мной в Японию. Это все же ближе к Европе. И мне будет лучше отправиться в круиз со старичком вроде тебя на борту моего американского Джорджа Вашингтона..

– - Это идея. - Новицкий допил оставшийся виски..

В дверях вдруг появился Красный орел и, заметив Новицкого, сказал повышенным голосом::

– - Я везде искал своего брата! Вы не знаете, что происходит?!

Видя полное непонимание на лицах моряков, индеец распахнул дверь бара настежь.

– – Посмотрите!

Весеннее небо потемнело от странного облака. Вдалеке послышались глухие звуки взрывов.

– – Что это? - с тревогой спросил Новицкий.

- Заговорил Новарупта. - крикнул Навахо. - Вулкан! Пусть мой брат посмотрит![148]

С неба начинали падать мелкие хлопья пепла, а в воздухе чувствовался запах серы.

– – Великие небеса! Еще и это! - воскликнул Новицкий..

Вскоре они оказались в казармах. В двух предложениях Новицкий представил своим друзьям предложение капитана Фрибеса. Томек не задумываясь бросил винтовку и дорожную сумку на спину.

– - В порт, быстро! – бросил коротко.

Еще в пути Красный Орел в спешке сообщил о телеграмме губернатора Эли Кларка, в которой тот благодарил Вильмовского и Новицкого и поздравлял с успехом экспедиции. Награду можно было получить в банке по своему выбору или в любом посольстве США..

Воздух сгущался все больше и больше, дышать было все труднее и труднее. К счастью, в порту корабль капитана Фрибеса был готов к отплытию. Как канонерская лодка лейтенанта Уиллиса, на борту которой уже был Джек Нильсен..

Новицкий и Салли только поднялись на борт американского Джорджа Вашингтона, когда Красный Орел подошел к Томеку. Лепестки серого пепла все плотнее оседали на черных волосах Навахо. В глазах у него стояли

слезы. Они знали, что их пути расходятся. Они упали друг другу в объятия.

– У моего брата настоящее красное и храброе сердце», — тихо сказал индеец.

– - Красный Орел навсегда останется в моем сердце, - ответил Том, обнимая своего друга. - И кто знает, что нас ждет в будущем..

– . Почти в тот же момент пронзительно завыли сирены военной канонерки и американского Джорджа Вашингтона

– – Давай, браток! Мы должны отплыть! - кричал с палубы Новицкий

Томек в несколько шагов оказался на палубе корабля. Они отчалили от берега, оставив позади Кадьяк, окутанный уже почти полностью облаком едкого дыма и пепла. Он сжал в руке посох, полученный от Красного Орла. Он почувствовал какую-то неровность. Он поднял палку и только сейчас увидел небольшой барельеф, вырезанный в дереве. Он посмотрел внимательнее. Да, это был орел, готовящийся к полету. Подняв голову, он увидел Красного Орла, стоящего на корме канонерской лодки с протянутой в знак дружбы правой рукой. Он ответил тем же.

– - Значит, курс на Край Цветущей Вишни, – крикнул с капитанского мостика Фрибес..

– - Край Цветущей Вишни... – тихо повторил Томек, и Салли прижалась к плечу мужа..

– -Да ну! Очень подходящая пара... и я добрался до тебя, - как говаривал Заглоба. Новицкий широко улыбнулся.

W nieznane

ok 1914 w historii Europy i świata przyniósł początek Wielkiej Wojny, określanej przez potomnych i historię I wojną światową, która zmieniła całkowicie obraz świata. W większości zniknęły kolonie ustanawiane przez Europejczyków od XV wieku, a w huraganie historii odrodziły się państwa pozostające w niewoli od pokoleń.

Droga do niepodległości Polski, będącej pod zaborami od ponad wieku, była jednak jeszcze długa, pełna ofiar i niepewności. Czas, jaki właśnie rozpoczynał się dla Tomka i jego przyjaciół, to czas powolnego powrotu do ojczyzny, zaś jednym z gorących orędowników polskiej wolności stał się dwudziesty ósmy prezydent Stanów Zjednoczonych Thomas Woodrow Wilson.

Dla rdzennej ludności Alaski dopiero nadchodził czas uznania jej praw do bycia obywatelami własnego kraju. W roku 1971 Kongres Stanów Zjednoczonych przyjął ustawę o zaspokojeniu roszczeń tubylców Alaski (Alaska Native Claims Settlement Act). Akt ten powołał do życia korporacje tubylcze, które stały się współwłaścicielami ziemi i bogactw naturalnych. Powstały wówczas między innymi: Aleut Corporation, Koniag, Inc., Chugach Alaska Corporation oraz Bristol Bay Native

Corporation. Te właśnie korporacje – w odróżnieniu od innych części Stanów Zjednoczonych (poza terytorium Nawaho) – zarządzają lokalną służbą zdrowia, opieką społeczną, oświatą i ochroną praw rdzennych mieszkańców Alaski.

Przypisy

[1]McKinley (6194 m n.p.m.) – najwyższy szczyt Ameryki Północnej, w stanie Alaska (USA). W 2015 r., po licznych petycjach rdzennej ludności Alaski oraz władz stanowych, prezydent Barack Obama przywrócił jego pierwotną nazwę – Denali – co w języku miejscowych Indian Athabasków oznacza „wysoki". Najwyższa góra Alaski od 1896 r. nosiła imię na cześć 25. prezydenta Stanów Zjednoczonych, Williama McKinleya (prezydent zmarł 14 września 1901 r., dwukrotnie postrzelony przez potomka polskich imigrantów, Leona Czolgosza; zamachowca stracono na krześle elektrycznym).

[2] Niedźwiedź czarny, baribal (*Ursus americanus*) zamieszkuje leśne obszary Ameryki Północnej.

[3] Rakiety śnieżne – obręcze wyplatane łykiem lub rzemieniami, mocowane do butów i ułatwiające chodzenie po śniegu.

[4] Blizzard – gwałtowana burza śnieżna występująca w Ameryce Północnej.

[5] Blokhauz (z niem. *Blockhaus*, z ang. *Blockhouse*) – ufortyfikowany budynek, wykonany zwykle ze zbitych ze sobą grubych pni drzewnych. Oprócz funkcji mieszkalnych pełni również obronne; najbardziej rozpowszechniony styl budowania

domostw wśród amerykańskich traperów i pierwszych osadników.

[6] Amerykański Instytut Geologiczny, założony formalnie przez rząd USA w 1948 r. w celu poszukiwań złóż mineralnych na terenie kraju. Jego poprzedniczką była Amerykańska Służba Geologiczna (United States Geological Survey), utworzona w 1879 r., i to ona działała w czasie opisywanym w powieści. Autor używa już nazwy sobie współczesnej.

[7] Alfred Hulse Brooks (1871–1924) – amerykański podróżnik, geolog i największy znawca Alaski przełomu XIX i XX wieku.

[8] Faktycznie, morska droga z amerykańskiego Seattle oraz kanadyjskiego Vancouver na Alaskę zwana jest dzięki swojemu położeniu Przejściem Wewnętrznym (Inside Passage).

[9] Sally miała na myśli swoją przygodę opisaną w tomie *Tomek w grobowcach faraonów*.

[10] Mowa tu o największej „gorączce złota" na Alasce, która miała miejsce w latach 1894–1906. Dalsze informacje o niej znajdzie czytelnik w kolejnych rozdziałach powieści.

[11] Kapitan się nie mylił. Inside Passage, obok norweskich fiordów, jest uważana za najpiękniejszą śródlądową drogę wodną świata. O niezwykłym krajobrazowym charakterze decyduje jej usytuowanie – pomiędzy tysiącami malowniczych i zalesionych wysp a pociętym licznymi zatokami i fiordami lądem.

[12] Kolumbia Brytyjska – jedna z prowincji Kanady; graniczy bezpośrednio z terytorium Alaski, należącym do Stanów Zjednoczonych.

[13] Mowa tu o okupacji terytorium Irlandii przez Anglię. Irlandia w czasie trwania akcji powieści (na początku XX w.) znajdowała się pod formalną i rzeczywistą dominacją Anglii. Dopiero powstanie wielkanocne w 1916 r. oraz podpisanie traktatu

angielsko-irlandzkiego w 1921 r. zakończyły angielskie panowanie nad Irlandią.

[14] Przygody te znajdzie czytelnik w poprzednich tomach cyklu: *Tajemnicza wyprawa Tomka* oraz *Tomek w grobowcach faraonów*.

[15] Nowicki nawiązuje tu do opowieści zawartej w części *Tomek u źródeł Amazonki*.

[16] *Five o'clock* (ang.) – dosł.: godzina piąta po południu. Potocznie często nazywano tak Anglików, nawiązując do powszechnego w Anglii zwyczaju picia popołudniowej herbaty około godziny siedemnastej.

[17] Bronisław Malinowski (1884–1942) – jeden z najsłynniejszych polskich antropologów i etnologów. Prowadził badania na Wyspach Trobriandzkich niedaleko północnych wybrzeży Australii. Jest twórcą teorii funkcjonalizmu w badaniach nad kulturą i autorem wielu prac z dziedziny antropologii, m.in.: *Życie seksualne dzikich*, *Argonauci zachodniego Pacyfiku*, *Ogrody koralowe i ich magia*. W rzeczywistości w 1911 r. Malinowski dopiero rozpoczynał swoją karierę naukową, będąc jeszcze pracownikiem Uniwersytetu Jagiellońskiego.

[18] Teren Alaski zamieszkują trzy odmienne od siebie kulturowo i fizycznie grupy: Indianie – żyją w lesistym wnętrzu Alaski, Eskimosi – mają swoje siedziby na wybrzeżu oraz Aleuci – na Wyspach Aleuckich.

[19] Franz Boas (1858–1942) – amerykański antropolog pochodzenia niemieckiego. Zdecydowany przeciwnik popularnego w XIX i na początku XX w. rasizmu naukowego (ang. *scientific racism*). Nazywany „ojcem amerykańskiej antropologii". Prowadził badania wśród Indian i Inuitów w Kolumbii Brytyjskiej i na północy Kanady; Alfred Kroeber (1875–1960) – uczeń F. Boasa. Uczestnik i organizator wypraw etnologicznych na Alaskę.

[20] Bulaj – okrągłe okienko w kajucie statku lub jachtu.

[21] Oberża Pod Czerwonym Wieprzem – Nowickiemu prawdopodobnie chodzi o piwiarnię i restaurację działającą na warszawskiej Woli od końca XVIII w., znaną wcześniej jako Żelazna Oberża.

[22] Mowa o poszukiwaniach tajemniczego zwierzęcia zwanego okapi – opowieść o tym znajdzie czytelnik w tomie *Tomek na Czarnym Lądzie*.

[23] Inu (ang. *Inuit*), dosł. ludzie – grupa rdzennych ludów obszarów arktycznych i subarktycznych Grenlandii, Kanady, Alaski i Syberii. Ludy eskimo-aleuckie należą do rodziny ludów pochodzenia azjatyckiego oraz dzielą się na dwie główne grupy: Jugytów (używających języków *yupik*) oraz Inuitów.

[24] Więcej informacji na temat Inuitów w rozdziale *Wśród Inuitów*.

[25] Wal szary (*Eschrichtius robustus*) zwany również pływaczem szarym. W trakcie corocznej migracji jest w stanie przepłynąć nawet 20 tys. km od północnych krańców Ameryki do wschodnich wybrzeży Kalifornii, gdzie rodzą się młode. Od 1946 r. obowiązuje zakaz połowu tych ssaków, a na początku XXI w. ich liczebność szacowano na blisko 21 tys. Największe okazy mają do 14 m długości i ważą 15–35 ton.

[26] Juneau Icefield – wielkie pole lodowe z trzydziestoma lodowcami, z których dwa (Mendenhall i Lemon Creek) są widoczne z terenu samego miasta.

[27] Uniwersytet w Chicago (ang. University od Chicago), jedna z najbardziej prestiżowych uczelni amerykańskich, założona w 1890 r. przez Johna Davisona Rockefellera.

[28] Walter Eli Clark – dziennikarz i ostatni gubernator dystryktu Alaski w latach 1909–1912, jak również pierwszy gubernator terytorium Alaski w latach 1912–1913.

[29] Gatunki łososia pacyficznego: czawycza (*Oncorhynchus tshawytscha*), nerka (*Oncorhynchus*), kiżucz (*Oncorhynchus kisutch*).

[30] Więcej o nich w tomie *Tomek wśród łowców głów*.

[31] W 1911 r. Kongres Stanów Zjednoczonych zatwierdził przyznanie funduszy na budowę Kapitolu w Juneau. Jednakże z powodu wybuchu I wojny światowej prace zostały wstrzymane. Mieszkańcy stolicy zebrali brakujące środki finansowe i budowa ruszyła ponownie 8 września 1929 r. Trwała niespełna dwa lata, a obiekt oddano do użytku 14 lutego 1931 r.

[32] Dziki Zachód (ang. Old West, Far West, Wild West) – terminem tym określano w XIX w. terytoria w Ameryce Północnej, na zachód od Missisipi. Obszar amerykańskiej kolonizacji związany m.in. z wyniszczeniem 95% ludności tubylczej i niemal całkowitym wybiciem przez białych myśliwych milionowych stad bizonów.

[33] Gorączka złota w Ameryce Północnej – okres w XIX wieku, kiedy odkrywano kolejne złoża złota, m.in. w Kalifornii (1848), nad rzeką Fraser (1858) oraz w Klondike (1897).

[34] Przygody Tomka w Arizonie i Nowym Meksyku znajdzie czytelnik w tomie *Tomek na wojennej ścieżce*.

[35] Pół miliona dolarów w roku 1912 r. odpowiada kwocie półtora miliona dolarów w 2020 roku.

[36] Ferdinand von Zeppelin (1838–1917) – niemiecki inżynier i konstruktor lotniczy. Udoskonalił konstrukcje dotychczasowych sterowców, wyposażając je w lżejszy szkielet oraz silniki spalinowe. Inspiracją dla jego prac były balony, wykorzystywane do działań zwiadowczych, które obserwował w trakcie wojny secesyjnej w USA (1860–1863).

[37] Przyjaźń Tomka i Nowickiego z Nawahem Czerwonym Orłem została opisana w tomie *Tomek na wojennej ścieżce*.

[38] O losach poprzedniej ekspedycji ratunkowej Tomka opowiada *Tajemnicza wyprawa Tomka*.

[39] George Vancouver (1757–1798) – oficer Royal Navy, który w latach 1791–1795 odkrył dla Wielkiej Brytanii znaczące części Wschodniego Wybrzeża Ameryki Północnej (stany Waszyngton i Oregon oraz kanadyjską Kolumbię Brytyjską). W późniejszym okresie Vancouver penetrował wybrzeża południowej Australii i Nowej Zelandii oraz archipelag Wysp Hawajskich. Na jego cześć nazwano jedno z największych miast w Kanadzie i kilka szczytów górskich, a także kilka mniejszych miejscowości w Stanach oraz wysp.

[40] Przygody Wilmowskiego w Afryce opisane są w tomie *Tomek na Czarnym Lądzie*.

[41] Carl Hagenbeck (1844–1913) – założyciel do dziś istniejącego ogrodu zoologicznego w Hamburgu. Wprowadził on nowe metody hodowli zwierząt w ogrodzie zoologicznym. Poza działalnością związaną z prowadzeniem zoo przedsiębiorstwo Hagenbecka zajmowało się sprowadzaniem z całego świata grup etnicznych jako tzw. nieskażenie czystych. W ten sposób w cyrkach Europy pokazywani byli: Inuici, Nubijczycy, Lapończycy oraz Samoańczycy.

[42] Nawaho – (ang. *Navajo Nation*, w języku Nawaho *Naabeehó Dine'é*) – największe obecnie plemię Indian w Ameryce Północnej, liczące blisko 300 tys. osób. Zamieszkuje stany: Nowy Meksyk, Arizonę oraz Utah. Największe skupisko Indian Nawaho to rezerwat The Navajo Indian Reservation ze stolicą w Window Rock. Jego ogromny obszar zajmuje powierzchnię ponad 70 tys. km^2.

[43] *No dogs and Indians* – (ang.) „Żadnych psów ani Indian" – napis często używany przez właścicieli sklepów i barów na Dzikim Zachodzie. Jeszcze w latach 70. i 80. XX w. można było spotkać tego typu zakazy w niektórych stanach.

[44] Bureau of Indian Affairs (BIA) – Biuro do spraw Indian. Amerykańska agencja rządowa powstała w 1824 r. jako część Departamentu Wojny. Głównym jej zadaniem było utrzymywanie relacji politycznych z poszczególnymi plemionami, a od drugiej połowy XIX w. kierowała polityką przymusowej asymilacji i nadzorowała rezerwaty.

[45] *Diné bizaad* – język Nawaho, którym posługuje się obecnie ponad 100 tys. osób. Jest to najczęściej używany język tubylczy w Ameryce Północnej. W trakcie II wojny światowej kilkuset Nawaho służyło w US Army w charakterze radiotelegrafistów, używając własnego języka zamiast wojskowych szyfrów. *Diné bizaad* nie został spisany, wiele słów ma kilka różnych znaczeń, w zależności od wymowy. Pasjonującą historię indiańskich szyfrantów z czasów II wojny światowej przeniósł na ekrany John Woo w filmie *Szyfry wojny* z 2002 roku (z główną rolą Nicolasa Cage'a). Nawaho, choć najliczniejsi w grupie amerykańskich szyfrantów, nie byli jedynymi Indianami w tym gronie. Było też kilkudziesięciu Komanczów oraz Mohawków. Ostatni szyfrant Louis Levi Oakes z plemienia Mohawk zmarł 28 maja 2019 roku.

[46] LZ 127 Graf Zeppelin – model sterowca o długości 236,6 m i średnicy 30,5 m, pojemności 105 tys. m^3, masie własnej 58 tys. kg. Napędzany 5 silnikami Maybacha o mocy 388 kW (530 KM) każdy. Sterowiec rozwijał prędkość maksymalną 128 km/h, przy zasięgu do 10 tys. km i 20 pasażerach oraz 40 członkach załogi.

[47] Faktoria – osada handlowa, z reguły ufortyfikowana, zakładana przez Europejczyków i Amerykanów na obszarach kolonizowanych w celu handlu wymiennego z tubylcami. W Ameryce Północnej największa sieć faktorii handlowych, istniejąca do tej pory, należy do Hudson's Bay Company (Kompanii Zatoki Hudsona), założonej w 1673 roku. W szczytowym momencie swojej potęgi Kompania administrowała ponad połową obszarów współczesnej Kanady.

Dziś jest właścicielem sieci galerii handlowych na terenie Kanady.

[48] Kanadyjska Królewska Policja Konna (ang. Royal Canadian Mounted Police). Formacja policyjna powołana ustawą parlamentarną 23 maja 1873 roku. Współcześnie na obszarze Jukonu i Terytorium Północno-Zachodniego operują odpowiednio dywizje M i G.

[49] Indianie Athabasca, Atabaskowie – (ang. *Athabasca Indians*, *Athapasca Indians*) – grupa plemion Ameryki Północnej posługujących się językami atabaskańskimi. Zamieszkują kilka odrębnych części kontynentu: północno-zachodnia Kanada i Alaska (używają 31 języków Atabasków Północnych), Oregon i Kalifornia (7 języków Atabasków Zachodniego Wybrzeża), południowo-zachodnie Stany Zjednoczone i północny Meksyk (7 języków Atabasków Południowych, w tym język Nawaho).

[50] Zorza polarna (*Aurora borealis*) – zjawisko świetlne obserwowane na niebie w górnych warstwach atmosfery, na obszarach polarnych w pobliżu biegunów magnetycznych planety.

[51] Dawson City – miasto w północnej Kanadzie na Terytorium Jukonu. Nazwę zawdzięcza kanadyjskiemu geologowi George'owi Dawsonowi, który w 1897 r. zbadał i opisał te ziemie. Kiedy w 1896 r., w pobliżu przepływającej nieopodal rzeki Klondike, rozpoczęła się gorączka złota, miasto liczyło blisko 40 tys. mieszkańców. Po jej zakończeniu liczba ludności spadła do około 5 tys. Do 1952 r. Dawson City było siedzibą władz Terytorium Jukonu. Obecnie liczy niespełna 1,5 tys. mieszkańców.

[52] Mila – jednostka długości używana głównie w krajach anglosaskich. Jedna mila angielska to 1,609 km.

[53] Celownik optyczny – pierwsze takie przyrządy pojawiły się pod koniec XIX w., a na szeroką skalę zostały wprowadzone do użytku strzelców wyborowych podczas I wojny światowej.

[54] Szpital Dzieciątka Jezus w Warszawie – jego początki sięgają roku 1732, a od 1901 r. zajmuje kompleks budynków przy ul. Lindleya na warszawskiej Ochocie. Pierwotnie placówka była pod nadzorem księży misjonarzy; od pierwszych lat XX w. zarówno opieką nad chorymi, jak i sprawami administracyjnymi zajmowały się siostry szarytki.

[55] Stefan Jarosz (1903–1958) – polski podróżnik i geograf. W latach 1927–1938 uczestnik kilku wypraw badawczych do Ameryki Północnej. Badacz zachodniego wybrzeża Alaski. Wykładowca uniwersytetów w Poznaniu i Warszawie. Autor przeniósł postać Stefana Jarosza o kilkanaście lat wstecz.

[56] Tlingit – nazwa własna Lingit oznaczająca „ludzi" – plemię Indian północnoamerykańskich zamieszkujących południowo-wschodnią Alaskę oraz Wyspy Aleksandra.

[57] Stefan Jarosz nigdy nie zdobył szczytu Denali. Dotarł jednak do samego podnóża tego masywu. Najbardziej spektakularnym jego osiągnięciem wspinaczkowym było samotne zdobycie 22 lipca 1928 r. Mount Rainier (4391 m n.p.m.) leżącego w Górach Kaskadowych.

[58] W rzeczywistości Włodzimierz Krzyżanowski w 1873 r. był urzędnikiem federalnym; miał za zadanie zbadać doniesienia o nielegalnych transakcjach przeprowadzanych na Terytorium Alaski. Legenda o „polskim gubernatorze Alaski" tak bardzo utrwaliła się w świadomości Polonii amerykańskiej, że w 2002 r. w trakcie uroczystości wręczania przez ambasadę polską w USA honorowego odznaczenia ówczesnemu gubernatorowi Alaski, Frankowi Murkowskiemu (amerykańskiemu politykowi polskiego pochodzenia), ambasador przypomniał postać „gubernatora Krzyżanowskiego". Uznano to za dyplomatyczną

niezręczność. Więcej informacji o Włodzimierzu Krzyżanowskim i innych Polakach na Alasce znajdzie czytelnik w rozdziale *Tajemnice skrywane w lodzie*.

[59] Więcej informacji dotyczących Północno-Zachodniej Policji Konnej znajdzie czytelnik w rozdziale *Na Jukonie*.

[60] Lucky Place (ang.) – Szczęśliwe Miejsce.

[61] Fairbanks – miasto na Alasce założone w 1902 r. przez poszukiwaczy złota; leży nad rzeką Chena (dopływem Tanany). Na początku XXI w. liczyło ponad 30 tys. mieszkańców.

[62] Tanana – rzeka na Alasce długości 960 km, łącząca się z Jukonem na wysokości miasteczka o tej samej nazwie.

[63] *Speed* (ang.) – szybki.

[64] Psy w zaprzęgu mają określone pozycje: *lead* – przodownik sfory, na przedzie zaprzęgu, *swing* – pozycja tuż za liderem (najczęściej przygotowująca do objęcia funkcji lidera), *team* – pozycja w środku sfory oraz *wheel* – na końcu zaprzęgu (na tej pozycji biegną najsilniejsze osobniki). Historia psich zaprzęgów jest nierozerwalnie spleciona z historią nie tylko północnych części Ameryki Północnej, ale również z obszarami Czukotki, Jakucji i innych części północnej Syberii. W Ameryce Północnej zimowe psie zaprzęgi były powszechnie użytkowane przez Indian od granicy Wielkich Jezior aż po Alaskę i tereny na północny wschód od Zatoki Hudsona.

[65] Whitehorse – miasto w północno-zachodniej Kanadzie założone w trakcie alaskańskiej gorączki złota. Od 1952 r. stolica Terytorium Jukonu.

[66] Jukon (ang. Yukon River) – rzeka o długości 3185 km; uchodzi do Morza Beringa, przepływa zarówno przez terytorium Kanady, jak i USA.

[67] Fortymile River długości niespełna 100 km jest lewobrzeżnym dopływem Jukonu.

[68] Tanana ma długość 960 km.

[69] Grizzly, niedźwiedź szary (*Ursus arctos horribilis*) – podgatunek niedźwiedzia brunatnego, występuje na północno-zachodnich obszarach Ameryki Północnej.

[70] Udokumentowane odkrycie Ameryki Północnej dla Europy miało miejsce w 1497 r., kiedy to John Cabot (właśc. Giovanni Caboto, Wenecjanin) dopłynął do kontynentu. 5 lat wcześniej Krzysztof Kolumb dotarł do jednej z wysp Salwadoru i to właśnie rok 1492 uznaje się za datę odkrycia dla Europy Ameryki. Pewne jest jednak to, że kilkaset lat wcześniej wschodnie brzegi Ameryki Północnej były czasowo zamieszkiwane przez europejskich wikingów. Pierwsza osada angielska, Roanoke, powstała w 1585 roku. Nie przetrwała jednak zbyt długo, a jej mieszkańcy zniknęli w niewyjaśnionych okolicznościach. Część prawdopodobnie zmarła w wyniku chorób, reszta zasymilowała się z ludnością indiańską. W 1607 r. na terenie Wirginii założono z powodzeniem osadę Jamestown. Początek stałej francuskiej obecności w Ameryce Północnej datuje się na lata 30. XVI w. – przyczyniły się do tego wyprawy Jacques'a Cartiera, penetrującego Nową Fundlandię oraz ujście rzeki Świętego Wawrzyńca. Szczytowy okres kolonizacji francuskiej nastąpił w XVII w. i łączy się z postacią Samuela de Champlaina i założeniem w 1608 r. miasta Quebec.

[71] Mowa tu przede wszystkim o wojnie francusko-indiańskiej, zwanej też wojną z Francuzami i Indianami (ang. *French and Indian War*, fr. *Guerre de la Conquête*). Był to końcowy etap wcześniejszych wojen toczonych głównie w Europie, których elementem była dominacja w Ameryce Północnej. Rozpoczął się 1754 r., a zakończył zawarciem korzystnego dla Brytyjczyków pokoju paryskiego w 1763 r. – w jego wyniku Francja oficjalnie straciła swoje posiadłości w Ameryce Północnej. Wojna Francuzów i Indian przeciwko Koronie Brytyjskiej dała

bezpośredni impuls do wojny niepodległościowej i powstania Stanów Zjednoczonych.

[72] Kri – jedna z liczniejszych wspólnot plemiennych, żyjących zarówno w północnej części USA, jak i części prowincji Kanady. Nazwa wywodzi się z języka francuskiego – *Kristinaux* (franc. *Cri*; ang. *Cree*). W XIX w. Kri zostali zdziesiątkowani przez epidemię ospy. Według jednej z hipotez rozpoczęła się ona od sprzedaży Kri koców celowo zainfekowanych przez Amerykanów. W 1869 r. część Kri wzięła udział w powstaniu Metysów nad rzeką Red River pod przewodnictwem Luisa Riela.

[73] Wesleyan University – prywatny uniwersytet założony w 1831 r. w Middletown w amerykańskim stanie Connecticut.

[74] Luis „David" Riel (1844–1885) – przywódca rebelii Metysów nad Rzeką Czerwoną.

[75] Jeden z profetycznych ruchów indiańskich, zapoczątkowany przez szamana z plemienia Pajutów Wovoka około 1889 r. w środkowej, zachodniej i południowej części Stanów Zjednoczonych. Ruch Tańca Ducha miał pokojowy charakter i zapowiadał nadejście indiańskiego mesjasza, który przywróci tradycyjny sposób życia Indian. Był radykalnie zwalczany przez wojsko i administrację USA, aż do całkowitej likwidacji w 1890 r. podczas masakry nad Wounded Knee.

[76] Masakra nad Wounded Knee (29 grudnia 1890 r.) – ostatnie zbrojne starcie Indian północnoamerykańskich z wojskami USA. Zginął wówczas wódz jednej z grup Lakotów, Wielka Stopa. Starcie określa się terminem masakry głównie z uwagi na przebieg, dysproporcję sił oraz liczbę zabitych i rannych Indian.

[77] James Fenimor Cooper (1789–1851) – amerykański pisarz. Autor m.in. cyklu powieści obrazujących życie Indian i osadników. Do najbardziej znanych jego dzieł należy pięcioksiąg o przygodach Sokolego Oka (*Pogromca zwierząt*, *Ostatni Mohikanin*).

[78] Bitwa pod Little Big Horn rozegrała się 25 czerwca 1876 r. pomiędzy 7. Pułkiem Kawalerii Armii Stanów Zjednoczonych dowodzonym przez ppłk. George'a A. Custera a połączonymi siłami Teton Lakotów pod wodzą Siedzącego Byka i Szalonego Konia. Zakończyła się zwycięstwem Indian i śmiercią wszystkich żołnierzy dowodzonych bezpośrednio przez Custera, to jest 221 kawalerzystów.

[79] Nowicki nie mijał się z prawdą. Począwszy od uzyskania niepodległości 1 stycznia 1804 r. oraz po odłączeniu się Dominikany w roku 1844 Haiti wstrząsane było licznymi przewrotami wojskowymi, politycznymi. W kraju szerzyła się korupcja, anarchia i nepotyzm. W 1915 r. pod pretekstem zabezpieczenia długów Haiti względem Stanów Zjednoczonych na wyspie wylądowała karna ekspedycja, poddając ją amerykańskiej okupacji aż do roku 1934. Po wycofaniu się USA z Haiti na wyspie ponownie zapanował chaos i nastąpił upadek gospodarczy trwający do czasów współczesnych. W drugiej dekadzie XXI wieku Haiti jest najbiedniejszym krajem obu Ameryk.

[80] Robinson Crusoe – bohater powieści przygodowych Daniela Defoe z 1719 i 1720 r., który jako rozbitek spędził wiele lat na bezludnej wyspie.

[81] Spotkanie z grizzly opisane zostało w tomie *Tomek na wojennej ścieżce*.

[82] *Mon Seigneur Rigaud, Fairbanks est en avance* (fr.) – Panie Rigaud, przed nami Fairbanks; *Merveilleux, merci* – cudownie, dziękuję.

[83] Saloon (ang.) – bar z wyszynkiem typowy dla Dzikiego Zachodu.

[84] Kosarefsky River – rzeka Kosarzewskiego, dopływ Jukonu.

[85] Maurycy August Beniowski, właśc. Móric Benyovszky (1746–1786) – podróżnik, odkrywca i żołnierz. Urodził się w rodzinie

węgiersko-słowackiej, ale sam zawsze podkreślał, że jest Polakiem. Zginął na Madagaskarze w trakcie potyczki z wojskami francuskimi nad zatoką Antongila.

[86] Rosyjsko-Amerykańska Kompania Handlowa (Rosyjskie Towarzystwo Handlowe) – działająca w latach 1799–1867 organizacja powołana na wzór Hudson's Bay Company, z siedzibą w Irkucku, a następnie w Petersburgu. Kompania z upoważnienia cara administrowała posiadłościami rosyjskiej części w Ameryce Północnej. Rozwiązano ją po sprzedaży Alaski Stanom Zjednoczonym.

[87] Henryk Czeczott (1875–1928) – polski inżynier, profesor górnictwa, uczestnik wielu ekspedycji poszukiwawczych na terenie Rosji, Mongolii i Chin, w których wyniku odkryto cenne złoża surowców kopalnych.

[88] Karol Bohdanowicz (1864–1947) – polski geolog, górnik, geograf i podróżnik; wybitny badacz Azji; m.in. kierował ekspedycją poszukującą złota na Półwyspie Czukockim i Kamczatce.

[89] Józef Morozewicz (1865–1941) – polski mineralog i petrograf; uczestnik wielu wypraw badawczych, członek Polskiej Akademii Umiejętności; autor licznych prac eksperymentalnych nad syntezą skał i minerałów.

[90] Kazimierz Grochowski (1873–1937) – polski inżynier górnictwa, geolog, podróżnik, uczestnik naukowych ekspedycji badawczych, m.in. na Alasce, Sachalinie, Syberii.

[91] Eugeniusz Romer (1871–1954) – polski geograf, geolog i podróżnik; twórca nowoczesnej polskiej kartografii.

[92] Jack London (1876–1916) – amerykański pisarz, autor m.in. takich powieści jak *Zew krwi* czy *Biały Kieł*.

[93] Fryderyk Schwatka (1849–1892) – amerykański oficer polskiego pochodzenia, lekarz i badacz polarny, odkrywca Alaski i Arktyki.

[94] John Franklin (1786–1847) – brytyjski oficer, żeglarz i badacz Arktyki.

[95] Paweł Edmund Strzelecki (1797–1873) – polski podróżnik, geograf i geolog, wybitny badacz Australii.

[96] Państwo istniejące na Sardynii do zjednoczenia Włoch w 1861 roku.

[97] Powstanie styczniowe miało miejsce głównie w zaborze rosyjskim, czyli w Królestwie Polskim w latach 1863–1864.

[98] William Henry Seward (1801–1872) – amerykański prawnik i polityk.

[99] Alfons Aleksander Koziełł-Poklewski (1891–1962) – dyplomata rosyjski, później polski, przemysłowiec.

[100] Alfons Koziełł-Poklewski (1809–1890) – polski przemysłowiec, filantrop. Jeden z najbardziej wpływowych i najbogatszych ludzi na Syberii w XIX wieku.

[101] W rzeczywistości ślub Alfonsa Aleksandra Koziełł-Poklewskiego z Zoją de Stoeckl odbył się w 1919 r. w Londynie. Zoja była damą na dworze księżnej Kentu Mariny i wychowawczynią jej dzieci. Świadkami na ślubie byli książę Dymitr Romanow (jeden z zabójców Rasputina) oraz hrabia Józef Alfred Potocki.

[102] Przygody Tomka i Sally w Papui znajdzie czytelnik w tomie *Tomek wśród łowców głów*.

[103] Othenio Abe (1875–1946) – austriacki biolog i paleontolog, twórca podstaw paleobiologii.

[104] W 2016 r. na Wyspie Świętego Pawła (Alaska) na Morzu Beringa badacze z Uniwersytetu w Fairbanks odnaleźli szczątki mamutów. Dzięki precyzyjnym badaniom izotopowym ustalono, iż przyczyną zagłady populacji był długotrwały okres suszy. Dowiedziono również, że w tym rejonie ssaki te wyginęły znacznie później niż na innych obszarach Ziemi. Do chwili tego

odkrycia badacze powszechnie sądzili, że mamuty wymarły około 15 tysięcy lat temu, znaleziska z Wyspy Świętego Pawła wskazują, że stało się to niemal 10 tysięcy lat później.

[105] Chulitna – rzeka o długości nieco ponad 100 km w południowej części Alaski, na wschód od masywu Denali (McKinley); jest dopływem Sustiny.

[106] Język znaków, mowa znaków (ang. *Indian Sign Language*) – uniwersalny język migowy Indian północnoamerykańskich, umożliwiający swobodną komunikację pomiędzy plemionami. W latach 1876 i 1877 w trakcie wojny z Dakotami (Sioux) kapitan armii amerykańskiej William Philo Clark na podstawie obserwacji kilku plemion Wielkich Równin opisał język znaków w książce pod tytułem *The Indian Sign Language*.

[107] O przygodach Tomka w Tybecie może czytelnik przeczytać w tomie pod tytułem *Tomek na tropach yeti*.

[108] Remington – szybkostrzelny karabin produkowany przez firmę amerykańską (dziś koncern zbrojeniowy Remington Arms), założoną w 1818 r. przez Eliphaleta Remingtona, znaną także jako producent maszyn do szycia i do pisania.

[109] Ochra – rodzaj zwietrzeliny skał i iłów bogatych w związki żelaza. W różnych kulturach wykorzystywana jako naturalny barwnik. W tym wypadku chodzi o ochrę molibdenową mającą czarny odcień.

[110] Hotel Bristol w Warszawie powstał na początku XX w. na zlecenie spółki, której współwłaścicielem – obok Stanisława Roszkowskiego i Edmunda Zaremby – był Ignacy Paderewski. Oficjalne otwarcie odbyło się 19 listopada 1901 roku.

[111] Indianie Ameryki Północnej w zależności od środowiska naturalnego, w którym żyli, stosowali różnorodne rozwiązania przy budowie domostw i całych osad. Na przykład Indianie z okolic Wielkich Jezior zakładali warowne osady złożone z ziemianek wzmocnionych drewnem. W okresie letnim

w trakcie wędrówek używali lekkich i doraźnie konstruowanych półkolistych szałasów zwanych wigwamami. Indianie Wielkich Równin używali przenośnych namiotów zwanych tipi. Samo słowo pochodzące z języka Teton Lakotów oznacza „dom". Indianie z południa, zwłaszcza mający kontakty kulturowe z Meksykiem, mieszkali w skalnych osadach zwanych pueblami. U Tlingitów w zakresie budownictwa można znaleźć wiele podobieństw z Irokezami z okolic Wielkich Jezior i rzeki św. Wawrzyńca. Budowali oni tzw. long houses, czyli długie domy.

[112] Tlingici śródlądowi (*Inland Tlingit*) – zamieszkują głównie południowo-zachodnią część Alaski. Poza nimi historycznie należy wskazać również na *Coastal Tlingit*, których najczęściej można spotkać na Zachodnim Wybrzeżu. Współcześnie terytorium Tlingitów na Alasce nie jest ograniczone do określonych rezerwatów, w przeciwieństwie do większości plemion w 48 innych stanach USA.

[113] Nadzieje Sally nie okazały się płonne. Dopiero w 1942 r. otwarto Alaska Highway, będącą częścią Drogi Panamerykańskiej, która łączy południe Ameryki Południowej z północą Ameryki Północnej.

[114] Tlingici, podobnie jak większość Irokezów tworzących w XVII i XVIII w. Ligę Sześciu Narodów Irokeskich, przyjmowali matrylinearny system pokrewieństwa (w którym dziecko włączane jest do rodu matki). Wpływał on na częściowo matriarchalny system społeczny włączający kobiety do procesów decyzyjnych.

[115] Indianie północnoamerykańscy poza włosami na głowie pozbywali się całkowicie owłosienia, uważając je za nieczyste. Włosy po usunięciu można było wyłącznie zakopać; nie można było ich spalić z uwagi na to, że sam rytuał palenia wiązał się ze składaniem ofiary i był zarezerwowany na szczególne okazje.

Nie można było, ot tak, palić czegokolwiek, bo to oznaczałoby świętokradztwo.

[116] W rzeczywistości rola *aankháawu* ograniczała się bardziej do funkcji administracyjnej, jednakże od formy i pozycji wypracowanej w trakcie jej sprawowania zależało, czy faktycznie uznawano go za realnego przywódcę klanu.

[117] Charlie Jones był szóstym w kolejności wodzem Tlingitów nazywanych Shakes Chief VI. Nie jest jasne, w którym roku przyszedł na świat, lecz jego przywództwo datuje się na lata 1916–1944 (pewna data śmierci). Charlie Jones został aresztowany za udział w wyborach prezydenckich w 1922 roku. Władze amerykańskie potraktowały ten akt jako wrogi USA z uwagi na to, iż rdzenna ludność do roku 1924 nie była uznawana za obywateli Stanów Zjednoczonych. Autor, umieszczając w swej powieści tę postać jako wodza, nieco przesunął w czasie początek jego przywództwa.

[118] *Русские здесь!* (Russkiye zdes'!) – Rosjanie są tutaj!

[119] Potlacz – uroczyste zebranie plemienne, ceremonia charakterystyczna dla Indian północno-zachodniego wybrzeża Ameryki Północnej. Sam termin potlacz w dialekcie Chinook oznacza dar i był stosowany nie tylko w zwykłej wymianie handlowej, ale również przy okazji rytuałów pogrzebowych. Według antropologa Franza Boasa potlacz stanowił integralną część organizacji społecznej i był wyrazem poczucia wspólnoty i gościnności.

[120] Gitxsan – rdzenni mieszkańcy Kanady, żyjący na terenie Kolumbii Brytyjskiej blisko spokrewnieni językowo z Indianami Tsimshianic; tą nazwą określa się także rytualny taniec charakterystyczny dla ludów Alaski i wybrzeża północno-zachodniego.

[121] Wilmowski się nie mylił. Chodzi tutaj o tak zwany pancerz Tlingit, często błędnie nazywany kamizelką kuloodporną Tlingit,

wykonany z chińskich monet, które były sprowadzane przez rosyjskich kupców z Qing w Chinach między XVII a XVIII wiekiem. Tlingici wchodzili w ich posiadanie w zamian za skóry i futra. Chińskie monety używane do wyrobu pancerzy pochodzą z dynastii Qing i są opatrzone inskrypcjami cesarzy: Shunzhi, Kangxi oraz Yongzheng.

[122] Na terenie Alaski znajduje się 13 czynnych, częściowo czynnych lub wygasłych wulkanów. Najwyższy z nich, Mount Bona, wysokości 5005 m n.p.m., znajduje się w Górach Świętego Eliasza i jest czwartym co do wielkości wulkanem w Ameryce Północnej.

[123] Wielka Synagoga w Warszawie – oddana do użytku 26 września 1878 r. w święto Rosz Haszana, czyli żydowski Nowy Rok. Wysadzona na rozkaz generała SS Jürgena Stroopa 16 maja 1943 r.; był to ostatni akt likwidacji pozostałości warszawskiego getta. Po II wojnie światowej na miejscu świątyni stanął wieżowiec – prace rozpoczęte w latach 60. XX w., z długimi przerwami trwały do 1991 roku. Legenda miejska głosi, że to przez klątwę rabinów, która została zdjęta dopiero po przemianach ustrojowych w Polsce w 1990 roku. Obecnie budynek nazywany jest Błękitnym Wieżowcem.

[124] Izaak Cylkow (1841–1908) – pierwszy rabin Wielkiej Synagogi w Warszawie. Tłumacz Biblii z języka hebrajskiego na polski. W trakcie przemówienia inaugurującego działalność największej żydowskiej świątyni (26.09.1878 r.) wygłosił, wbrew zakazowi, po polsku kazanie o wzajemnym szacunku i tolerancji między religiami. Moment ten uznawany jest za przełomowy dla żydowskiej społeczności stolicy.

[125] Sustina – rzeka o długości 504 km przepływająca przez Alaskę. Wypływa z gór Alaska i uchodzi do Zatoki Cooka.

[126] Karibu, renifer tundrowy (*Rangifer tarandus caribou*) – duży ssak z rodziny jeleniowatych. Zamieszkuje Amerykę Północną,

Europę oraz Azję. Wyróżnia się kilkanaście jego podgatunków, w tym kilka już wymarłych (np. R. tarandus dawsoni – renifer wyspowy).

[127] Rosomak (*Gulo gulo*) – gatunek drapieżnego ssaka z rodziny łasicowatych. Jest to najsłabiej poznany gatunek dużego drapieżnika lądowego.

[128] Niedźwiedź polarny (*Ursus maritimus*) – duży drapieżny ssak zamieszkujący Arktykę (zwany też niedźwiedziem białym lub morskim). W drodze ewolucji gatunek ten przystosował się do życia zarówno na lądzie, w wodzie, jak i na lodzie. Zamieszkuje obszar Arktyki, północne krańce Stanów Zjednoczonych (w tym Alaskę). Odnotowywano przypadki występowania niedźwiedzia polarnego także w okolicach Zatoki Jamesa w Kanadzie.

[129] Piotr Kuźmicz Krienicyn (1728–1770) – rosyjski podróżnik i oficer marynarki wojennej carskiej Rosji. Eksplorator i odkrywca dla Rosji części Alaski i Wysp Aleuckich.

[130] Grigorij Iwanowicz Szelichow (1747–1795) – rosyjski geograf, żeglarz i handlarz futrami. Założyciel Zjednoczonej Amerykańskiej Kompanii, z której powstała Kompania Rosyjsko-Amerykańska.

[131] Aleksander Andriejewicz Baranow (1746–1819) – rosyjski kupiec i kolonizator Alaski.

[132] Nikołaj Piotrowicz Riezanow (1764–1807) – rosyjski arystokrata, zwolennik kolonizacji Kalifornii i Alaski. Twórca rzeczywistej potęgi Rosyjsko-Amerykańskiej Kompanii Handlowej.

[133] Miasto od czasów przejęcia Alaski przez USA nazywa się Sitka i do 1906 roku było stolicą Alaski.

[134] Qimuqsunq w języku *yupik* – używanym przez Inuitów alaskańskich –oznacza zaspę śnieżną.

[135] Inuitów nie należy mylić z Innu, grupą plemion indiańskich z prowincji Quebec i Labrador.

[136] Wizja Jurija Iwanowicza Czernego nie była pozbawiona podstaw. Alaska dopiero w roku 1912, czyli w czasie wyprawy Tomka, stała się zorganizowanym terytorium z zalążkiem administracji (Terytorium Alaski), zaś pełnoprawnym stanem została dopiero w roku 1959.

[137] Wojny burskie (1880–1881 oraz 1899–1902) – prowadzone na południu Afryki przeciwko imperium brytyjskiemu przez Burów będących potomkami kolonizatorów z różnych części Europy. Zakończyły się ugodą i powstaniem nowego państwa z szeroką autonomią miejscowej, białej ludności. W konsekwencji ugoda podporządkowywała jednak republiki burskie zwierzchności Brytyjczyków.

[138] *Praszczaj* (ros. *Прощай*) – żegnaj.

[139] Sołdaty – (z ros. *Солдаты*) – żołnierze.

[140] Czarna Sotnia (ros. *Чёрная Сотня*) – nacjonalistyczny i ksenofobiczny ruch polityczny, który powstał w carskiej Rosji po rewolucji w roku 1905.

[141] Wojna rosyjsko-japońska (1904–1905) – konflikt zbrojny o panowanie na Dalekim Wschodzie; wojska carskie poniosły dotkliwą klęskę w starciu z niedoświadczoną i dość nieliczną armią Japonii.

[142] Ochrana (ros. *Отделение по охранению порядка и общественной безопасности*) – oddział ochrony porządku i bezpieczeństwa publicznego; carska tajna policja polityczna, powołana formalnie w 1866 r. w Petersburgu przez cara Aleksandra II, zlikwidowana po rewolucji październikowej w 1917 roku.

[143] Thomas Woodrow Wilson (1856–1924) – 28. prezydent Stanów Zjednoczonych w dwóch kadencjach: 1913–1917 oraz 1917–1921. Wydatnie przyczynił się do uznania niepodległości Polski po I wojnie światowej. Przeciwnik rewolucji bolszewickiej

w Rosji oraz zwolennik militarnej interwencji w trakcie wojny domowej w Rosji (1917–1923).

[144] Anchorage – największe miasto Alaski, założone w 1914 r.; w XXI w. liczy blisko 300 tys. mieszkańców, stanowiących 40% całej ludności stanu.

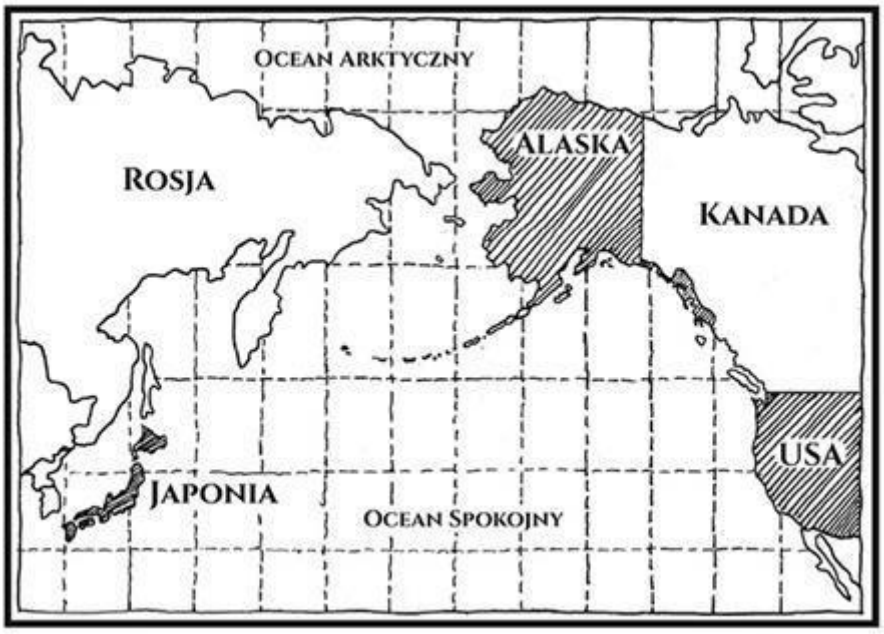
[145] *Anchorage* (ang.) – zakotwiczenie, zamocowanie, miejsce zacumowania.

[146] Nowicki natrafił na Sobór Zmartwychwstania Pańskiego wzniesiony na wyspie Kodiak w 1794 r. przez prawosławnych mnichów z monasteru na wyspie Wałaam niedaleko Petersburga. W świątyni są przechowywane relikwie świętego Hermana z Alaski, zaś samo miejsce jest głównym celem pielgrzymek amerykańskich wyznawców prawosławia.

[147] Aleuci – ogólna nazwa rdzennych mieszkańców Wysp Aleuckich, Alaski oraz Wysp Komandorskich, posługujących się językiem z rodziny języków eskimo-aleuckich. Aleuci są blisko spokrewnieni z Inuitami, choć wyraźnie się od nich odróżniają choćby w kwestiach wiary – w wyniku kolonizacji rosyjskiej główną wyznawaną religią jest u nich prawosławie z elementami lokalnych, przedchrześcijańskich wierzeń.

[148] W rzeczywistości wulkan Novarupta, znajdujący się 160 km na północny zachód od Kodiak, wybuchł 6 czerwca 1912 r., a erupcja trwała dwa kolejne dni. Był to największy wybuch tego wulkanu w XX wieku.

Warszawskie Wydawnictwo Literackie
MUZA SA
ul. Sienna 73
00-833 Warszawa
tel. +4822 6211775
e-mail: info@muza.com.pl
Księgarnia internetowa: www.muza.com.pl
Wersja elektroniczna: MAGRAF s.c., Bydgoszcz


OCEAN ARKTYCZNY
ALASKA
ROSJA
KANADA
USA
JAPONIA
OCEAN SPOKOJNY

Spis treści

Śmiertelna ucieczka
U wrót Alaski
W Juneau
Na północ!
Dawson
Na Jukonie
Tajemnica skrywana w lodzie
Chata pełna trupów
Dolina totemów
W pułapce płomieni
Wśród Inuitów
Ostateczna rozgrywka
Na Wyspach Aleuckich
W nieznane